

ШАМАЕВЫ (ШЕМАЕВЫ)

Шамаевы (Шемаевы) – по сути дела, первая камчатская фамилия из числа ее старожилов.

Вот, что мы узнаем о первом из Шамаевых, прибывшего на Камчатку в отряде Тимофея Родионовича Кобелева – первого официального приказчика, назначенного якутским воеводой.

«Иван Шамаев в допросе сказал: в прошлом де в 700 году посылан он Иван в Камчадальской острог для ясачного сбору с прикащиком Тимофеем Кобелевым. И шли они с Анадыря до Пенжины на оленях и на собаках, и поделав на Пенжине в море суды, и шли подле Камчацкой Нос морем в судах до пустого острога; и теми де судами море не пропустило. И от того де острогу ходили они на оленных на неясашных Коряк, и погромили оленей, и на тех оленях поднялись через хребты на Камчатку. А против Пенжинского де устья он Иван и никто никакова острова сами не видали и ни от кого не слыхали. А с Камчатки де он Иван посылан был на Пенжинское море с служилыми людми для ясачного сбору, и против де реки Харьюзовы камень голец видеть, а на матерой или остров, того де он не ведает; а и у иноземцов де они о том спрашивали, и те де иноземцы им сказывали, что они у того камени не бывали и людей никаких не знают. А идучи де он с Камчатки с отписки один, видел против Караги реки в море значится остров, и на том де острову Иван Голыгин с товарищи, трое человек, в байдарах для проведывания к иноземцом ездили; а грести де до того острова в байдарах день; и на том де острову они людей видели и ясаку просили; и те де люди им Ивану Голыгину ясаку не дали; а вдаль де они на тот остров за малолюдством ходить не смели, и боясь их иноземцов, воротились назад. А после де его Ивана на том острову руские люди никто не бывали, и много ль на том острову людей, про то подлинно никто не ведает. А в Ковымском де и в Ленском устье он Иван не бывал и никакова острова не знает и от людей не слыхал. На подлинном пишет тако: к сей сказке Иван Шамаев руку приложил» («Памятники Сибирской истории XVIII века». Книга вторая. 1885г. Петербург).

Обратим внимание на последнюю строчку — «руку приложил». То есть, Иван Шамаев был человеком грамотным. В архивных материалах по Якутску за 1720 год имеется запись, из которой мы узнаем, что Иванов Шамаевых в истории Камчатки было двое. Отец и сын: «Во дворе пономарь Семен Иванов сын Шамаев… брат ево родной Иван дватцати шести лет и он Иван послан Великого государя на службу на Камчатку в прошлом в 718 м году».

И тоже, как и отец, Иван Иванович был человеком грамотным. Потому не случайно в 1724 году на нем был остановлен выбор: «Вместо Шелковникова в камчатские прикащики выбран Степан Трифанов; но впоследствии ему поручены другие обязанности по якутской канцелярии, и на место его послан Андрей Жирков, которому дан в помощь Афанасий Жирков, для письма Иван Шамаев, мореход Невейца и 21 человек казаков».

В 1719 году приказчик Нижнекамчатского острога Иван Уваровский упоминает казака Ивана Шемаева в связи с разборками по пушному делу Петриловского-Козыревского и посылает казака Шемаева со своим рапортом к якутскому воеводе Ельчину.

В 1761 году в именных списках казаков г. Якутска был отмечен Иван Алексеев сын Шамаев — но, по всей видимости, это был уже внук.

Вполне вероятно, что другой его внук, но уже записанный как Шемаев, отметился в документах, датированных 1745–1747 гг. и посвященных событиям в корякской земле: «И тако де означенная измена и убивство учинилось в начале в Акланском остроге от возмущения оленного коряцкого князца Косинского, а их де было в остроге и с ним, Потаповым, 12 человек, а имянно: служилые Козьма Коротких, Степан Беляев, Иван Колесов, Иван Ослоповской, Иван Черной, Трифон Крымской, **Прокопей Шемаев**, Никифор Солдатов, Алексей Тарабыкин, Иван Арзамас, Андрей Старков, и тако де они, Потапов с товарищи, и засели в том Акланском остроге в осад[е], и вышеупоминаемые де изменники коряки Косинской с товарищи на оленях в третей день, то есть ноября 26 дня, приехали всего человек со сто и более, и того де дни до прибытия тех изменников к острогу вышел от них для осмотру поставленных на крупашки пленок служилой Петр Карпов, то де оные изменники, напав на него незапно, не допустя до острогу сажень за сто, застрелили из луков и подступили под острог, от которых де отбились стрелянием из острогу из огненного ружья, токмо из изменников никого не побили, понеже стоят в отдаль. И простояв оные изменники одне сутки, паки от острогу отступили прочь и в третей де день паки подступили под острог и отошед чрез дни четыре и три, паки подступили к их острогу всего раз пять, токмо никакого им зла не учинили».

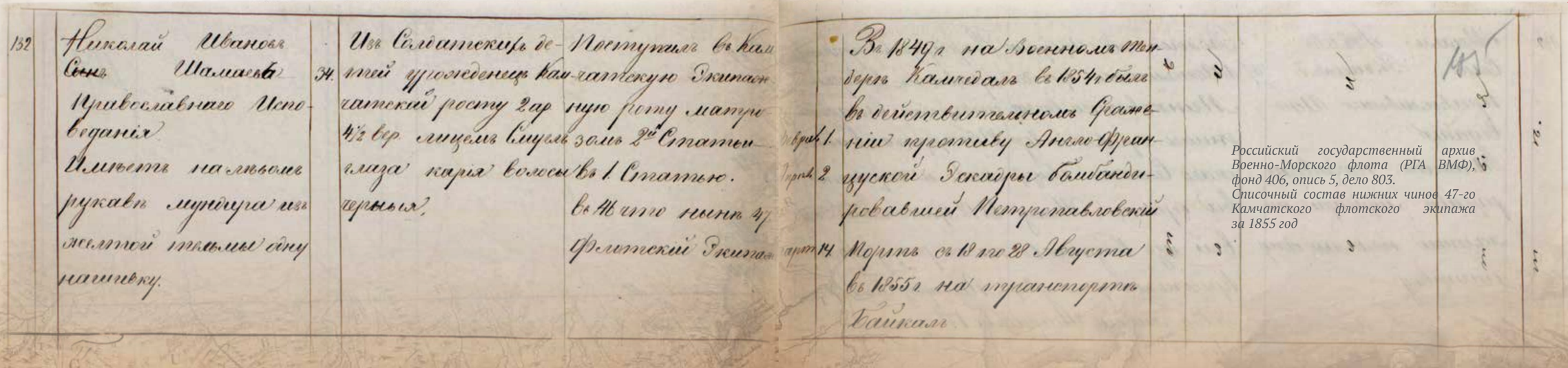
А вот и продолжение: «И жили они, Потапов с товарыщи, в Акланском остроге до июня месяца, а того де месяца июня 746 году приехав из Анадырска, сотник Алексей Котковской и увез с собою в Анадырск означенного Пермякова в трех человеках, а у них оставил при команде солдата Ивана Сокуева, которой Сокуев в том Акланском остроге определен был закащиком и жил июля до 8 числа и пошел с командою из Акланского острогу по реке Аклану вниз и в разстоянии от их острогу версты с четыре промышлять рыбу, а в остроге де рыбных промыслов не бывает, токмо промышляют в самую осень. И взяли с собою и взятого от изменников с Ягачи вышеупоминаемого аманата, да другова аманата Акланского острогу, для того де что их в остроге пропитать было тогда нечим, а для обережи острогу оставил ево, Потапова, да служилых Козь-

«Штурм острога», худ. Игорь Пискунов

му Короткова, Бориса, а чьих прозванием сказать не упомнит, Никифора Солд[ат]ова, Алексея Тарабыкина, и вышеозначенной де взятой от изменников ягачинских аманат от помянутого Сокуева убежал, то де оной Сокуев, оставя у промыслу четырех человек: **Прокопья Шемаева**, Андрея Старкова, Афанасья Змиева, да Гилева, а как зовут именем сказать не упомнит, с достальною командою пошел в лодках искать оного аманата вниз по реке Аклану к морю и, отошед де например верст с сорок, постречал на реке Аклане идущих к Акланскому острогу в байдарах ветхих, то есть лодки малые, походом изменников многое число, которые изменники означенного Сокуева с командою, не допустя до берегу, и покололи на воде копьями, токмо де с того побоитца убежали Акланского острогу служилые Степан Беляев, Иван Черной, Трифон Крымской, да партовщики Федор Соболев, Иван Матвеев, Иван Оконешников, Антон Петров, да еще три человека, а как их зовут, сказать не упомнит, и из оных де служилых пришед в Акланской острог Трифон Крымской о том убивстве ему, Потапову с товарыщи, росказал.

То де они и за неимением у них никакого пропитания, и что им в том остроге шести человекам спастись никак невозможно, пороховую казну в двух малых флягах, например весом в обоих один пуд, закопали в остроге в одном углу от жилья далее, да одну пушку малую и оружье закопали в онбаре под мост, а денежной де казны в том Акланском остроге не было, а присланные жалованные дачи деньги все употреблены были еще в бытности сержанта Енисейского в дачю служилым, взяв [с] собою образ Николая чюдотворца на цке шестеришной да псалтырь следованную старую и, выступя из острогу, пошли тундрою в Анадырск и, отшед от Акланска ден десять, вышли на реку Черную и за обдержащим их гладом далее итти уже мочи не возымели и зимовали на той реке Черной, а пропитание имели промышлением связанною из пестрединной рубахи сетью рыбою кетою, да зимою промышляли крупашек. И из них вышеозначенной Короткой да Борис, а чьих прозванием не знает, с той реки Черной по выпаду первого снегу пошли в Анадырской острог, а он де, Потапов, да Крымской, Колесов и Солдатов на той реке Черной, как выше показано, и зимовал и в марте месяце 747 году с той реки Черной пошли они, Потапов с товарищи, в Анадырской острог и того ж де марта месяца вышли в Анадырск. То де из ушедших от них прежде Короткой вышел в Анадырск, а товарищ его Борис, не дошед до Анадырска, помер голодом, а ушедших де с побоища Сокуева в 746 году прибыли до них в Анадырск охоцкой команды Сте-

Российский государственный архив Военно-Морского флота (РГА ВМФ), фонд 406, опись 5, дело 803.
Списочный состав нижних чинов 47-го Камчатского флотского экипажа за 1855 год

пан Беляев да партовщиков Гилев, Соболев, Зеленовской, ... 4, Зуев, а Прокопей Шамаев да Иван Черной утерялись без вести». Но род Шамаевых (Шемаевых) не прервался. В 1830 году в Якутском казачьем полку служили: Шамаев Алексей 1-ый — казак, первая сотня; Шамаев Алексей 2-ой — казак, вторая сотня; Шамаев Андрей — казак, первая сотня; Шамаев Борис — урядник сверх комплекта, вторая сотня; Шамаев Иван — казак, первая сотня; Шамаев Петр — казак, первая сотня; Шамаев Феодор — пятидесятник, первая сотня

В 1855 и в 1877 гг. Н. Шамаев был атаманом якутских казаков.

Родоначальником камчатского и поныне существующего рода казаков Шамаевых и Шемаевых был один и тот же человек:

Шамаев Иван Амосович (1785), казак Нижнекамчатской казачьей команды, 1812 г.; в 1820 г. урядник Нижнекамчаской казачьей команды; в 1836 г. частный командир Нижнекамчатской казачьей команды; 1831 г., Тигильская крепость, отставной чиновник 14 класса; в 1846 г. отставной чиновник 14 класса, живет в с. Халактырка.

Он был дважды женат.

А вот его дети:

Шемаев Павел Иванович (1821 – до 1870), с. Тигиль, 1850 г., казак; Шамаев Николай Иванович (1821), уроженец Камчатки, из солдатских детей, матрос 47-го флотского экипажа, участник обороны Петропавловского порта в 1854 г.; Шамаев Ферапонт Иванович (1825), матрос 2 статьи Камчатского флотского экипажа, 1850 г.; Шемаева Анна Ивановна (1834); Шемаев Валериан Иванович (1835), уроженец Камчатки, из солдатских детей, матрос 47-го флотского экипажа, в 1855 году на транспорте «Двина» участвовал в сражении в заливе Де-Кастри; Шемаев Иосиф Иванович (1837), петропавловский казак, ж. (с 1864) Дурынина (в дев. Слободчикова) Стефанида Петровна (1825), вдова камчадала с. Корякское Филиппа Спиридоновича Дурынина, погибшего при обороне Петропавловского порта в 1854 г.; Шемаев Петр Иванович (1841); Шемаева Параскева Ивановна (1842).

Внуки Ивана Амосовича приняли участие в обороне Камчатки в период Русско-японской войны 1904-1905 гг.: Иван Павлович (1848); Лука Павлович (1850), которые в некоторых документах записаны как Ивовичи.

А также правнуки: Павел Андреевич (1871); Павел Иванович (1885).

А в годы Великой Отечественной войны пропал без вести на одном из фронтов уроженец села Хайрюзово Николай Семенович Шемаев (1922 г.р.), призванный Тигильским РВК в 1943 году.

МУТОВИНЫ

Первоначально, и мы находим множество этому подтверждений, эта фамилия звучала несколько по-иному — Мутовкин.

Вполне вероятно, что кто-то из предков -- носителей этой фамилии — был поваром-кашеваром в дальних походах, ведь мутовка, как и шумовка, — это кухонные, поварские, принадлежности.

Самое раннее упоминание этой фамилии относится к 1605 году — в составе гарнизона Тюменской крепости был пашенный крестьянин Григорий Андреев сын Мутовкин, а в 1610 году Андрей Мутовкин (отец или сын Григория неизвестно) получил воеводскую грамоту на провоз в Соликамск сибирских товаров — в основном это была пушнина. То есть пушнина — как промысел и как торговля — выступали как первостепенный элемент интересов и деятельности, не только промышленных, служилых и торговых людей, но и сибирских крестьян.

Один из Мутовкиных поведал нам и историю появления в Сибири братьев Хабаровых — сначала на Мангазее, а потом на Енисее:

«Промышленой человек Власко Яковлев Мутовкин, Соли Вычегодцкой посадцкой человек, сказал по государеву крестному целованью: Били де челом у Соли Вычегодцкие воеводе Ивану Семеновичю Лодыженскому на него, Микифорка, в долгу в ево, Ярафейкове. И тот де Микифорко положил в суде перед Ивана Семеновича Лодыженсково деловую. И должником де в его, Ярафейкове, долгу отказал: правити на нем, на Микифорке, за него, Ярафейка, долгу не велел. А живет де он, Ярофейко, в Устюжском уезде в Вотложском стану в деревне Дмитрееве. А Микифорко де живет в Усольском уезде Соли Вычегодцкие в деревне на Ленивице. А в Пясиду де оне, Ярафейко и Микифорко, пошли с Енисейсково волоку в прошлом во 136 [1628] году по своим, и в судне не в одном. А соболи оне в Пясиде промышляли в прошлом в 137 [1628–1629] году вместе ли, или он, Микифор, один промышлял, тово не ведаю».

В 1655 году Филка Мутовкин был в числе стрельцов Мангазеи «на холостом окладе».

А в конце 18-го столетия в составе Туруханской казачьей команды (а Туруханск, если кто не помнит, прежде назывался Новой Мангазеей, и был построен на реке Турухан в двух километрах от ее впадения в Енисей) насчитывался добрый десяток казаков Мутовкиных, начиная с капрала:

«Алексей Федоров сын Мутовкин — 33 г, из казачьих детей, с 1 генваря (1)779 — казак, с 26 генваря 799 — капралом, грамоте умеет, в походах не бывал, под следствием

не бывал, женат, находится за сбором ясака».

И продолжая казаками:

«Корнила Мартынов сын Мутовкин — 52 г, из казачьих детей, с 25 октября 754 г. — казаком, грамоте умеет, в походах не бывал, под следствием не бывал, женат, находится за сбором ясака.

Василий Алексеев сын Мутовкин — 44 г, из казачьих детей, с 12 февраля 762 г. — казаком, грамоте не умеет, в походах не бывал, под следствием не бывал, женат, находится за сбором ясака.

Дмитрий Федоров сын Мутовкин — 38 л, из казачьих детей, с 15 марта 776 г. — казаком, грамоте не умеет, в походах не бывал, под следствием не бывал, женат, находится за сбором ясака.

Иван Тимофеев сын Мутовкин — 37 л, из казачьих детей, с 15 марта 776 г. — казаком, грамоте не умеет, в походах не бывал, под следствием не бывал, женат, находится за сбором ясака.

Алексей Алексеев сын Мутовкин — 37 л, из казачьих детей, с 15 марта 776 г. — казаком, грамоте не умеет, в походах не бывал, под следствием не бывал, женат, находится за сбором ясака.

Михайло Корнилов сын Мутовкин — 17 л, из казачьих детей, с 19 февраля 798 г. — казаком, грамоте не умеет, в походах не бывал, под следствием не бывал, холост.

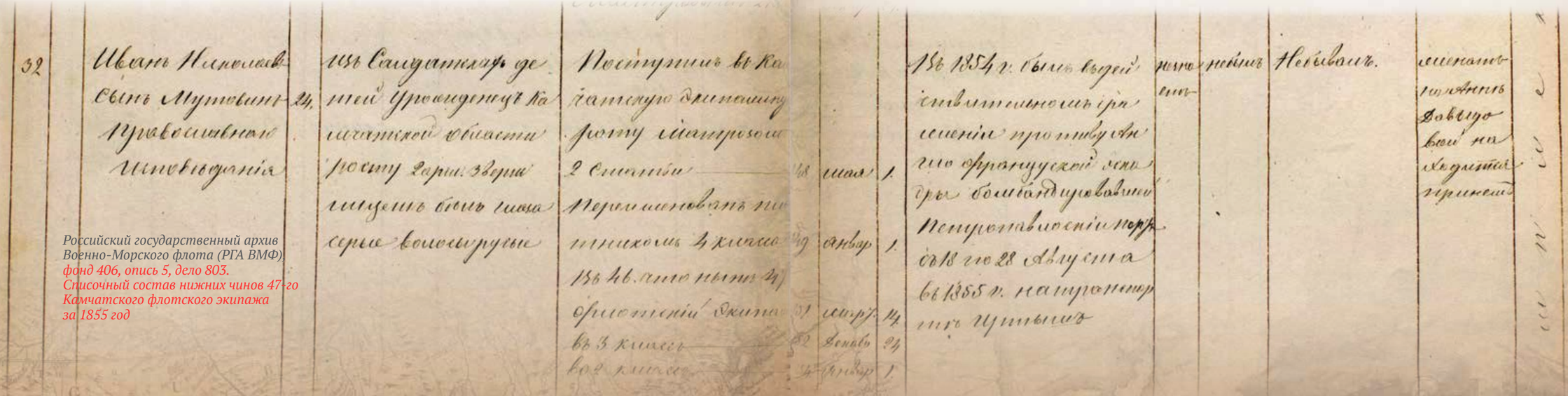
Федор Дмитриев сын Мутовкин — 18 л, из казачьих детей, с 19 февраля 798 г. — казаком, грамоте не умеет, в походах не бывал, под следствием не бывал, холост.

Харлам Алексеев сын Мутовкин — 16 л, из казачьих детей, с 19 февраля 798 г. — казаком, грамоте не умеет, в походах не бывал, под следствием не бывал, холост, находится при команде».

В 1700 году, перед формированием команды Владимира Атласова для постоянной службы на Камчатке из казачьих детей Тобольска, мы находим в переписи Тобольского уезда в Ялуторовской слободе семью Мутовкиных: «Двор а в нем драгун Дмитрей Прокопьев Мутовкин сказал себе от роду 57 лет у него жена Анна 56 лет у них три сына Матвей 15 лет Федор 12 лет Иван 8 лет».

В этом перечне только те дети, которые оставались при отце — а те же, кто был зачислен на службу, уже жили самостоятельной жизнью, проходили уже по другим спискам и служили там, куда их посылали. Могло ли в одной семье быть два Ивана. Могло быть даже три — Больший, Средний и Меньший.

Почему столь большая вероятность, что Иван Мутовкин, ставший Мутовиным, прибыл на Камчатку из Тобольска.

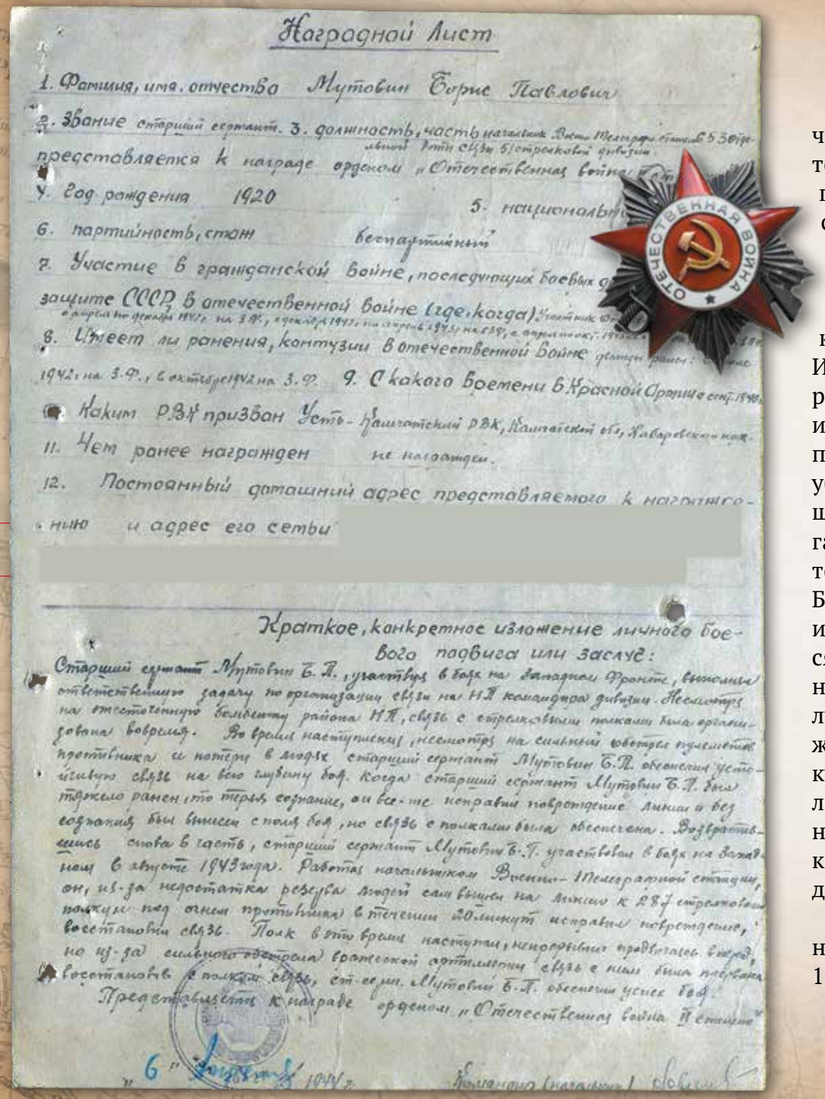
Российский государственный архив Военно-Морского флота (РГА ВМФ)
фонд 406, опись 5, дело 803.
Списочный состав нижних чинов 47-го Камчатского флотского экипажа за 1855 год

Во-первых, аналогов фамилии Мутовин мы в Сибири 17-го столетия не отыскали.

Во-вторых, именно тобольские казачьи дети, зачисленные в отряд Атласова, были наиболее подготовленными к казачьей службе, были связаны казачьими традициями и были способны командовать казачьими отрядами. Правда, не всегда удачно.

1714 год: «Ясачный сборщик служилый Иван Мутовин ходил на первый Курильский остров для “призыву” бежавшего туда с Лопатки “изменника” Ликушки с “родниками”. Ликушка платить ясак отказался, заперся в острожке и оказал сопротивление. Служилые были отбиты и бежали назад на р. Большую, еле уйдя от погони».

Российский государственный архив Военно-Морского флота (РГА ВМФ), фонд 406, опись 5, дело 803. Списочный состав нижних чинов 47-го Камчатского флотского экипажа за 1855 год

Наградной Лист

1. Фамилия, имя, отчество Мутовин Борис Павлович
2. Звание старший сержант 3. должность, часть начальник Радио Метеостанции 530 отдельной роты связи 5 стрелковой дивизии представляется к награде орденом «Отечественная война»
4. Год рождения 1920 5. национальность
6. партийность, стаж беспартийный
7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР в отечественной войне (где, когда) [illegible]
8. Имеет ли ранения, контузии в отечественной войне [illegible] 1942 г. на З.Ф., в октябре 1942 г. на З.Ф. 9. С какого времени в Красной Армии с сент. 1941
10. Каким РВК призван Усть-Камчатский РВК, Камчатской обл., Хабаровского края
11. Чем ранее награжден не награжден.
12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его сети

Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг:

Старший сержант Мутовин Б. П., участвуя в боях на Западном Фронте, выполняя ответственного задачу по организации связи на НП командира дивизии. Несмотря на отсутствующую артиллерию противника, связь с стрелковыми полками была организована вовремя. Во время наступления, несмотря на сильный обстрел противника и потери в людях старший сержант Мутовин Б. П. обеспечил устойчивую связь на всю глубину боя. Когда старший сержант Мутовин Б. П. был тяжело ранен, то терял сознание, он все-же исправил повреждение линии и без сознания был вынесен с поля боя, но связь с полками была обеспечена. Возвратившись снова в часть, старший сержант Мутовин Б. П. участвовал в боях на Западном в январе 1943 года. Работая начальником Военно-Метеорологической станции, он, из-за недостатка резерва людей сам вышел на линию к 28 стрелковым полкам под огнем противника в течении 20 минут исправил повреждение, восстановил связь. Полк в это время наступая, непрерывно продвигался вперед, но из-за сильного обстрела фашистской артиллерии связь с ним была повреждена. Восстановив с полком связь, ст. сер. Мутовин Б. П. обеспечил успех боя.

Представляется к награде орденом «Отечественная война II степени»

6 [illegible] 1944 г. Командир (начальник) [illegible]

Новые сведения о камчатском казаке Иване Мутовине появляются в 1724 году — а это уже свидетельство того, что он является одним из старожилов Камчатки: «Того же году на Большой реке был прикащиком служивой человек Иван Эверстов, при котором курильские немирные иноземцы в 24 человеках приходили на Опалу реку и убили ясашного тойона Кушугу в 6 человеках и балаганы все прижгли, жен и детей в полон побрали, да и в Большерецкой острог идти и казаков побить хвалилися, о чем в Большерецку доносил Опалы реки ясашной лутчей мужик Хантай Хажихобин, которой от них курильских мужиков из полону бежал, и просил, чтоб на оных курильских мужиков послать служивых людей в поход.

И по силе вышеозначенного Хантаева прошения 1724 году в июне месяце из Большерецка отправлено на курильских мужиков несколько служивых под командою служивого Ивана Мутовина, которой нашед их у Камбалиной речки, имел с ними бой. И побивши их весь полон отнял, а на бою убит с их стороны только один человек».

По переписи 1748 года мы находим в числе разночинцев Большерецкого острога Ивана и его сына Алексея Ивановича Мутовиных.

Алексей Мутовин, казачий сын, рожденный от камчадалки, в 1739 году был толмачем (переводчиком) в команде Мартына Шпанберга.

В начале 1739 года Мартын Шпанберг решает поручить исследование Авачинской губы своему сыну Андрею.

«Инструкция сыну нашему Андрею Шпанбергу, по которой исполнение чинить нижеследующее: И как будешь чинить при той губе описание, то иметь тебе верное и прилежное смотрение и радетельное старание и лутчей пользе ея и. в. высокого интереса и поступать в том положенном тебе деле, как надлежит честному и верному к службе ея и. в. рабу, во всем твоем искусстве и то положенное на тебя дело исполнить во всем неотменно. А для вспоможения надлежащего тебе дела определены от нас салдаты Василий Спирин да Петр Копотилов, а для толмачества иноземческих речей — толмач Алексей Мутовин. Також ежели какое вспоможение востребуетца, то требовать от тамошних жителей».

Но тамошние жители — авачинские камчадалы — имели на этот счет совершенно другое мнение. О чем мы узнаем позже из рапорта Алексея Чирикова:

«Доношение» капитана Чирикова капитану Шпанбергу от 8 июня 1743 г.

Благородный господин флота капитан. Каков ея императорского величества указ из правительствующего Сената на имя бывшаго господина капитана-командора Беринга писанной генваря 27 дня сего 743 году под номером 346, которым по доношению вашего благородия, при котором сообщены

Мутовина Евдокия Александровна с мужем, Спешневым Евгением Александровичем и детьми

экстракт из следственного дела о злом намерении камчацких острогов жителей от тоенов, явившемся чрез доношение казачья сына Алексея Мутовина…».

Казачьи дети, рожденные от камчадалок, не только свободно владели местными диалектами, но и исполняли при своих отцах роль разведчиков-осведомителей, донося о возможных бунтах и заговорах своих родников-камчадалов.

Так было и на этот раз: тарьинские камчадалы (проживавшие на противоположной от гавани святых апостолов Петра и Павла стороне Авачинской бухты) намеревались уничтожить отряд Витуса Беринга, о чем своевременно узнал толмач Мутовин и довел эту информацию по команде до старшего офицера.

Мутовин Виктор Александрович

И вот какие предложения по урегулированию новых возможных конфликтов с аборигенами вносят руководители Второй Камчатской экспедиции:

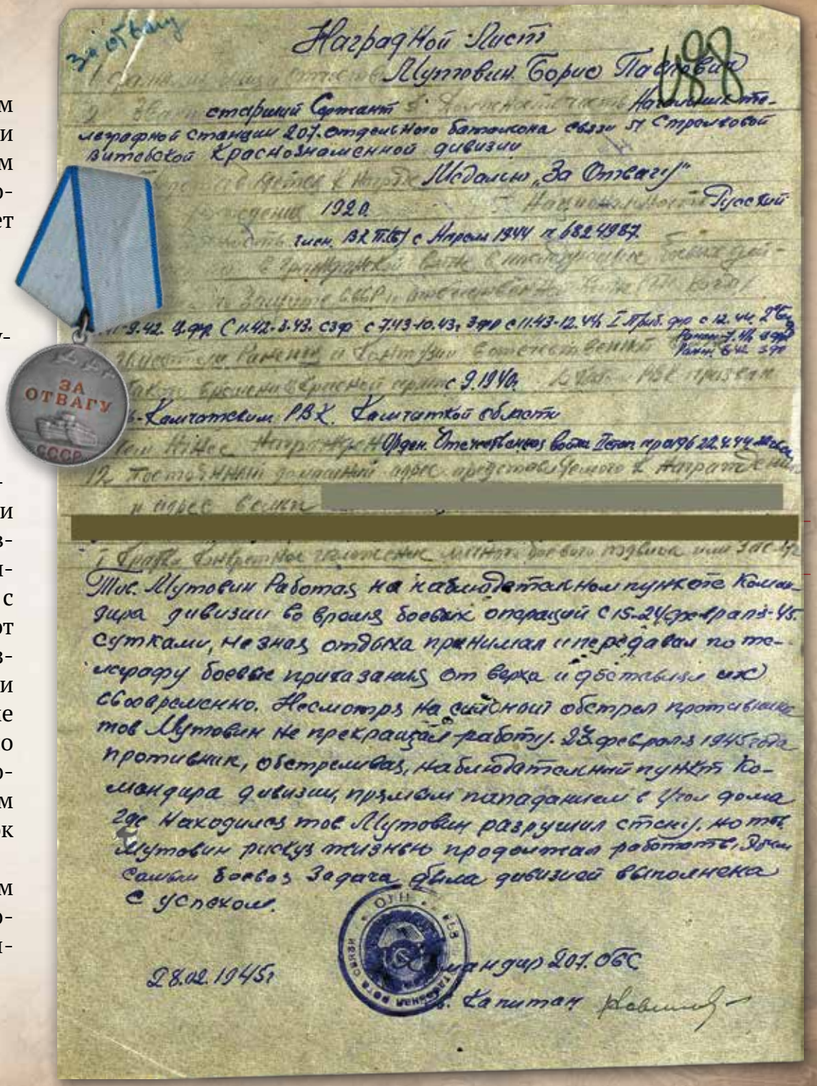
«А для недопущения до таких же их замерзелых впредь поступок и пресечения, в тамошних острогах живущих казаков и других служилых людей перемешав, перевесть из острога в острог по общему разсмотрению вашему, или кто тамо команду имеет, и того обер-офицера, дабы де они к злым замыслам согласия иметь не могли…»

«…казаков и протчих служилых людей перемешав, перевесть из острога в острог, дабы де они к злым замыслам согласия иметь не могли, но понеже хотя и не безызвестно, что от тамошних казаков и от протчих служилых людей камчадалом бывают обиды, точию чтоб они, казаки, и протчие служилые люди, согласны были с камчадалами к бунту и к разорению тамошних камчацких острогов, того в нашу там бытность никогда не видно было, но все тамошния остроги и ясашныя камчадалы под державою ея императорского величества содержатца ими».

Чириков, правда, возражал:

«…по нашему мнению, от перемешки и переводу казаков служилых и протчих русских людей тамошних жителей из острога в острог удержания камчадалом от злого намерения, тако ж и им, казакам и протчим руским людем, от непотребных их поступок, удержания ж не может воспоследствовать, но токмо им, казакам, служилым и протчим руским людем, от того переводу крайнее будет разорение, для того что многие живут в острогах, кто где поселился издавна, домами, и всякой на своем месте по тамошнему обыкновению рыбными и протчими к пропитанию своему домовными заводами уже обзаводились; и ежли их переводить с места на место — а острог от острога, как уже известно, расстоянием отстоят далеко, и пути трудный, — то им, кроме того что домы свои оставят, но и в переездах их со всеми домашними своими и с протчим немалое отягощение и убыток будет».

Но решение, с которым Алексей Чириков не был согласен, было все-таки принято.

Все авачинские камчадалы были переселены в село Авача, расположенное в устье одноименной реки.

А камчатские казаки в значительной своей части к 1748 году были выведены из казачьего сословия и переведены в разночинцы, а потом часть из них была вновь принята на службу, но с переводом в другие гарнизоны. Верхнекамчатский острог вообще потерял статус казачьего острога и стал обыкновенным селом, а бывшие верхнекамчатские казаки переведены в пашенные крестьяне. Позже, через полвека, нечто подобное произойдет и с Нижнекамчатским, а затем и с Большерецким, острогами. Часть нижнекамчатских казаков будет переведена в Усть-Приморск (Усть-Камчатск), а оставшиеся в Нижнекамчатске потомки казаков станут либо государственными крестьянами, либо мещанами. А большерецкие казаки (в первую очередь матросы из казачьих детей, обслуживающие морские транспортные суда) перейдут на службу в Петропавловский порт.

Вполне вероятно, что кроме Алексея, у Ивана Мутовина (судя по их возрасту) были еще сыновья — Гаврила, Фотий а также, возможно, Анисим (в других документах Лаврентий), о существовании которых мы узнаем из архивных документов. Хотя, возможно, что это были уже его внуки.

В XIX веке Мутовины служили в казаках Камчатской казачьей команды и в матросах сначала Петропавловской экипажной роты, а потом в составе 46-го (впоследствии 47-го) Камчатского флотского экипажа, который в 1855 году был переведен в Николаевск-на-Амуре.

Вот тогда и произошло первое разделение этого большого камчатского рода: часть Мутовиных осталась на Камчатке, а другая часть — в Приамурье.

Герой России, летчик-испытатель — Олег Евгеньевич Мутовин

А второе случилось в следующем столетии: «Мой отец, Мутовин Иван Петрович, родился в с. Усть-Камчатск в многодетной бедной семье. И его усыновили Гарднер Иннокентий Константинович и Агния Васильевна. Оттуда он и стал Гарднер Иваном Иннокентьевичем», — сообщение Валерия Гарднер.

Сегодня довольно сложно разобраться в иерархии рода Мутовиных, но мы все-таки попытаемся кое-что выяснить.

У Петра Владимировича Мутовина в двух браках было одиннадцать детей. Иван Петрович был самым младшим. А одним из самых старших, матерью которого была Мария Антиповна Савинская, — Георгий Петрович Мутовин (17.08.1913), который был женат на Лонгиновой Доминике (Домне) Николаевне (во втором браке — Брек). За ним следовала Агриппина Петровна (23.06.1916), вышедшая замуж за Павла Захаровича Греченина. Судьба остальных детей, к сожалению, нам пока неизвестна.

Валерий Гарднер сообщил и подробности: «Мой отец, Гарднер Иван Иннокентьевич, родился в с. Усть-Камчатск в 1924 г. На Камчатке кончил педучилище и в конце 1940-х гг. поступил в Хабаровский пединститут по специальности “русский и литература”. В институте познакомился с моей матерью, так как мать не захотела ехать на Камчатку, остался в Хабаровском крае, потом вызвал с Камчатки свою мать Агнию Васильевну. Про своего отца он рассказывал, что в 30-х гг. его забрали и больше ничего о нем неизвестно. Я на пенсии, но еще работаю в охране, трое детей, один внук. Сын и младшая дочь еще студенты».

Его сестра Людмила Гарднер в настоящее время является редактором отдела очерка и публицистики журнала «Дальний Восток».

А внук Георгия Петровича — Олег Евгеньевич Мутовин — покоряет небесные просторы России, будучи летчиком-испытателем, Героем России.

НОВОГРАБЛЕННЫЕ – НОВОГРАБЕНОВЫ

У фамилий, в основе образования которых лежит прозвище, всегда есть какая-то занятная история. Так, например, томский казак Василий Мухосран был из беглых вологодских крестьян, «прозванным столь “непригоже” за свой вздорный характер», что даже «воровские» томские казаки, участники бунта 1648 года стеснялись писать его фамильное прозвище в челобитной на имя царя и придумывали различные варианты — то Мухуплев (Мухоплев), то Сухоплев, Мухостран, Мухоклеван и, наконец, остановились на Ваське Сапожнике.

За участие в этом бунте Мухосран под именем Мухоплев был сослан в Якутск.

А другие его потомки — под оригинальной фамилией Мусохрановых — служили в гарнизоне Кузнецкого острога.

Мы не случайно вспомнили эту томскую историю — товарищем по бунту и последующему наказанию Мухоплева за участие в этом бунте был Иван Владимирцев.

Томские историки восстановили его биографию: «Володимерец Иван (Ивашка, Ивашко) Давыдов, томский десятник конных казаков. Денежный оклад: 7 руб. 25 алт. Хлебное жалованье: 6 четей с осьминою ржи, по чети круп и толокна (1626 г.). В 1653 г. имел пашню по берегам р. Ушайки, рядом с заимками С. Белоуса и Е. Еремеева. Женат (1626 г.). В 1622 г. в распросе в Казанском Дворце рассказывал о недавно построенном Кузнецком остроге; в 1630 г. отвозил отписку в Москву; в 1635 г., уже как десятник конных казаков, был в числе челобитчиков о выдаче служилым панцырей. Участник похода томских казаков в составе отряда В. Власьева на бурят, был ранен в этом походе (1640 г.). Пользовался авторитетом среди томичей, был среди тех, кто в челобитчиках от имени всего города ездил в Москву в 1644 г. за церковной ругой. Один из активных участников томских смут и бунтов 1637 и 1648 гг.; во время последнего бунта на его дворе стояла «воровская» съезжая изба. В числе челобитчиков ездил в Москву и якобы был допущен к самому царю. За участие в бунте был наказан кнутом и со-

Педагог, естествоиспытатель, гласный Петропавловской думы П.Т. Новограбленов. 1920 годы

слан в службу в Сургут, но вскоре вернулся в Томск. В 1653 г. вместе с женой Феодосией был сослан из Томска на службу в Якутск. Пасынок Степан».

Володимерец — это было географическое имя Ивана Давыдовича, как уроженца города Владимира.

Прозвище же у него было — Новограбленой (об этом сообщает Н.Н. Оглоблин в своем очерке «Томский бунт 1637–1638 годов. (Очерк из жизни XVII века)»: «28 января 1638 года, Андрей Губа и Иван Володимерец (его же прозвище – Новограбленой) «в Сибирском приказе объявились» и подали

В центре П.Т. Новограбленов

начальным людям приказа 6 челобитных от имени томских служилых людей (700 человек) жилецких и ясачных людей».

А вот и причина, почему у Володимерца появилось такое прозвище.

Якутский воевода Петр Головин в Енисейске поймал Иван Володимерца на незаконной торговле запретным «богомерзким зельем» — табаком. Это и был новый вид грабежа — приучать к зелью курильщиков и использовать их слабость для своего обогащения. «Все началось с того, что табак был случайно обнаружен у ссыльного человека Тимошки Метелки, который привез его из Маковского острожка. Метелка во всем повинился и без утайки сообщил, что купил этот табак у енисейского казака Ивашки Володимерца, — полфунта на шесть рублей с полтиною. Володимерец, вернувшийся к тому времени в Енисейск, на допросе у Головина тоже отрицать ничего не стал, сказал, что табак он отнял в Тобольске, где незадолго до этого находился, говоря современным языком, в служебной командировке, у казака Богдашки Выходцева.

Воевода не стал связываться с разбирательством в Тобольске, решив дело на месте по своему усмотрению, — “как Бог вразумил”: полученные Володимерцем за табак деньги были изъяты в казну, а сам он и покупатель Метелка приговорены к физическому наказанию. Воевода “велел их бить кнутом по торгам до тюрьмы нещадно”, т. е. протащить по самым людным местам Енисейска с публичным бичеванием. Табак велел сжечь».

Но на этом дело не закончилось: «Приведенный к воеводам Кулик сознался в предъявленных ему обвинениях и, в свою очередь, указал источник поступления табака: дал ему тот табак, — “пяди з две сырцу” (примерно 150–160 граммов), уже упоминавшийся Володимерец. Причем одну пядь Кулик купил у Володимерцева до наказания его кнутом, а другую — после.

В отличие от Володимерца, енисейский палач продавал табак уже не мелким оптом, а в розницу. Табак он тер и реализовывал разовыми порциями, — “бумашками”, “по гривне за бумашку”. Покупателей было двое — Котлов и Сулеш. Причем Сулеш сознался, что одну “бумашку” он взял у Улика даром и “для бедности” своей продал ее Котлову.

Головин пришел к заключению, что главным виновником всего происшедшего был Володимерец, как доставивший табак в Енисейск. Поскольку он продолжил торговать табаком и после наказания кнутом, его вновь доставили к воеводе и теперь уже подвергли пытке, в ходе которой он сознался, что после наказания кнутом у него

оставалось еще с полторы пяди табаку (примерно 120 граммов), который он и отдал палачу».

Но и это еще не все. По итогам следствия в Енисейске были найдены и другие курильщики и распространители табака: «По решению Головина изъятый у Булдакова табак был сожжен на торговой площади Енисейска. Все виновные оштрафованы на два рубля четыре алтына и полторы деньги, при этом Володимерец и Кулик оштрафованы в двойном размере. Кроме того, с них взяли поручные записи, что им “впредь не воровать, — табаку самим не пить и никому не продавать”».

Таким образом, в результате проведенного якутским воеводой расследования было выявлено двенадцать человек, занимавшихся потреблением и распространением табака и путь его проникновения в Енисейский острог. В процессе расследования практически все обвиняемые притерпели физическое воздействие, — побывали на дыбе, причем, трое — Кулик, Сулеш и Чухчерем не менее трех раз. О пытке Котлова и Волка архивные источники напрямую не упоминают, но, принимая во внимание методы допроса в XVII веке, сомнительно, что они смогли ее избежать. Без пытки были допрошены первые упоминаемые в расследовании табатчики, — Метелка и Володимерец, но их наказали кнутом. Казна же пополнилась на 32 рубля 12 копеек — штраф и конфискованная «выручка».

Почему я столь подробно останавливаюсь на таком — ничтожном, в современном понимании, —эпизоде.

Да только потому, что смуту в Томском городе в 1648 году разожгли в этот раз люди, которые и занимались различного рода злоупотреблениями «корысти ради» — грабя местное население, действительно, новыми методами — через винокурение, зернь, кости, карты, бордели…

Степан Володимерцев, участник Томского бунта, был пасынком Ивана Давыдовича.

Был еще один томский вариант: «Новограбленой Сенка Трофимов, пеший казак десятка В.А. Капустина. В 1625 г. продал пушнины на 7 руб. 4 гривны».

Но Матюшка Иванов сын Новограбленой, имя которого мы находим в «Переписной книге служилых людей Енисейского уезда» за 1669 (7177) год вполне может быть сыном (судя по отчеству) именно Ивана Давыдовича.

Енисейские казаки регулярно пополняли составы пред- и забайкальских гарнизонов Нерчинска, Иркутска, Селенгинска.

И, действительно, в «Имянной окладной книге служилых людей Нерчинска и остро-

гов» за 1699–1700 гг. мы находим имя Ивана Новограбленого. Это был рядовой казак с годовым окладом «7 рублев с четью».

А в 1730-х годах на Камчатке появляется иркутский служилый человек Матвей Новограбленный с братом Василием, которым было поручено собирать ясак в Большерецке (Матвей) и в Верхнекамчатске (Василий).

Зная о казачьей традиции передавать старшему сыну имя деда или отца, можно предположить, что енисейский казак Матюшка Иванов Новограбленный, который мог служить в Нерчинске, Селенгинске или Иркутске, приходился родней иркутскому казаку Матвею Новограбленному, о котором сообщает Прокопий Громов в своей книге «Историко-статистическое описание Камчатских церквей» (1861): «К сему же времени (1731–1741 гг. — *С.В.*) относится озарение христианством островов Курильских. Некто из Иркутска сын боярский Матвей Новограбленный, собирая, по следам Козыревского, ясак с Курильцов, в 1740 году, через дозволенное мирянину крещение собрал в церковь Христову 122 души сих простодушных островитян, и выдал им свидетельство на десятилетнюю льготу от платежа ясака».

«Следы» деятельности и его брата — подъячего (писаря) Василия Новограбленного остались в истории: «1731 году сентября 27 дня Машурина острогу ясачной лутчей тоен Начика в скаске своей сказал. Чинятца нам обида, а именно от закащиков Верхнем Камчадальском остроге повсягодно берут де с нас неокладные тягосныя поборы ради своей корысти — сараны по пуду, кипрею по пуду да по бату, а ежели де кипрею и сараны нету, то берут лисицами и

Новограбленова Калиста Васильевна

собольми, за бат по шти соболей или лисиц, а сараны нету, то берут по лисице, кипрею нету, то берут по лисице ж. Тако ж берут и ягодами и юколою по три вязки и по четыре с человека, а ежели ягод и юколы не имеетца, то берут с нас последние куклянки и парки и собольные собаки. И от того приходим в последнюю нищету. А сего де 731 году приезжал к нам от закащика Василья Пашкова служилой человек Василей Новограбленной и сбирал де по Козыревской и по Толбачику и по Шапиной и у меня Начики

Выпуск педучилища

в остроге в Тополином и на Кырганике по бату и по пуду сараны да по чюману ягод, а у кого де не было батов и сараны и ягод, то де брал и кунным на Шапиной и по Козыревской реках».

В 1735 году в Верхнекамчатском остроге по итогам деятельности походной розыскной канцелярии о злоупотреблениях камчатских казаков Василий Новограбленный был бит кнутом.

Матвей Новограбленный был, оказывается, еще и «покруче» своего брата: «Апреля 13 дня прибыли мы байдарами, не дошед Озерной реки, например, версты за две за противным сильным ветром, стали на берег, и означенной сборщик Новограбленной, схватав копье, учал бить толмача моего, помянутого Еремеева копьем и обранил у него правую руку, токмо не душевредно, в ладонь, и говорил: по какому де ты, ростая мать, указу спрашиваешь ясачных иноземцов про мои обиды…».

Но и ему в 1735 году в Большерецком остроге были «выписаны», как и брату, кнуты…

Матвей Новограбленный вошел в отечественную историю, прежде всего, как человек, который первым среди русских сообщил о возможности установления торговых отношений с Японией: «…в 1744 году сборщик ясака Матвей Новограбленный привез с острова Маканруши известие. Получил он его от курильца (айна) Камуарюии, возвратившегося с острова Симушира и сообщившего о том, «что живущий на острове Кунашире, на мысе, обращенном к о. Матмаю (Матцмай, Матсмай — остров Хоккайдо), знатный японец с Матмая желает, чтобы русские привозили свои товары прямо на Кунашир, а не дозволяли бы ближним курильцам торговать ими по мелочам».

А еще раньше он сделал любопытный подарок студенту С.П. Крашенинникову, который «…первым попытался собирать подлинники документов из загадочной «страны Нипон», изредка попадавших на Камчатку при крушениях японских судов или же через Курильские острова от тамошних туземцев. В августе 1738 г. он сообщал: “В остроге Большерецком подарил мне обретающийся здесь иркутский сын боярской Матвей Новограбленной книжку на четверте листа незнаемым языком писанную, которая состоит из листов 73. Оная книжка местами по краям объедена, а взята она на японской же бусе”».

Вполне вероятно, что камчатская родословная линия казаков Новограбленных идет именно от сына боярского Матвея Новограбленного — по крайней мере, эта родословная ветвь начинается с Мирона Новограбленного и его сыновей, которые служили

унтер-офицерами (то есть в прежнем казачьем чиноизмерении — детьми боярскими) — Иван Миронович (1768 г. р.) и Роман Миронович (1770). Это, судя по возрасту, было уже третье поколение рода Новограбленных, внуки братьев Василия и Матвея.

А в дальнейшем нам известна только линия Ивана Мироновича, у которого было шестеро детей: Елена (1805), Давид (1807), Сергей (1813), Харитон (он же Харлампий, 1817), Аверкий (1819), Иван (1823).

Самым известным из них был Харитон Новограбленный: «…Х.И. Новограбленный родился в солдатской семье на Камчатке в 1817 году. В 1834 году он поступил матросом 2-й статьи на службу, а в 1849 году стал боцманом. Плавал на многих судах Охотской флотилии, был смотрителем маяков Авачинской губы и лоцманом. В 1851 году — командир бота № 1. За находчивость и мужество при защите Петропавловска был 15 декабря 1854 года произведен в прапорщики. Участвовал на том же боте в переходе в залив Де-Кастри и в устье Амура. 17 апреля 1862 года произведен в подпоручики и «находился при береге в портовой комиссии и смотрителем такелажного и парусного мастерства». Последние сведения о нем относятся к 1865 году. Вполне возможно, что последние годы жизни он провел на Камчатке — своей родине» (Алексеев А.И., «Сыны отважные России», Магадан, 1970 г., стр. 253–254).

Есть и другие сведения: Новограбленный Харитон Иванович «в 1839 г. марсовый матрос, в 1843 г. квартирмейстер, в 1845 г. приказом начальника Камчатки «за пьянство, буйство и разные безпорядки в роте, разжалован из квартирмейстеров в матрозы во 2-ю статью». Но потом вновь прошел все ступени и в 1854 году был уже боцманом — то есть моряком он был отменным.

Александр Иванович, вероятно, ошибался в главном — у нас нет никаких фактов, подтверждающих возвращение Харитона Ивановича на Камчатку, да и должность его — командира бота — была весьма востребована в Николаевске-на-Амуре в период после Петропавловской обороны и освоения морского прибрежья Приамурья и Приморья.

По всей видимости, в Николаевск в период эвакуации Петропавловского порта в 1855 году вместе с отцом отбыла с Камчатки и семья Аверкия Ивановича Новограбленного и других его братьев.

На Камчатке осталась только семья унтер-офицера Иннокентия Давыдовича Новограбленного, который был тяжело ранен в период обороны Петропавловского порта и оставлен на Камчатке. У нас нет точных данных о смерти Иннокентия Давыдовича,

Павел Николаевич Новограбленнов, ККОМ

но в метрических книгах Петропавловского собора, начиная с 1860 года, следует запись о рождении дочери Александры (в замужестве Корневой) о том, что она «дочь унтер-офицерской вдовы Анисии Иосифовны Новограбленной».

То есть и последующие дети, в том числе и Трифон Иннокентьевич, — дети вдовы Анисии Иосифовны (Анны Осиповны) Новограбленной и неизвестных нам отцов.

И вполне вероятно, что именно по этой причине, чтобы отделить себя от казаков Новограбленных, Трифон Иннокентьевич и посчитал для себя возможным исправить родовую казачью фамилию Новограбленный на более благозвучную мещанскую Новограбленов, с которой уже эта семья и вошла в камчатскую историю.

И настоящей гордостью всей камчатской семьи народов стал первый в истории полуострова ученый — представитель коренной и старожильческой Камчатки — Прокопий Трифонович Новограбленов.

Он прожил очень короткую жизнь — родился в 1892, расстрелян в 1934…

Что интересно: в огромной (даже по тому времени) семье — 15 детей, Трифон Иннокентьевич сумел всем своим детям

Павел Николаевич Новограбленнов, ККОМ

дать образование — окончить двух- (позже четырех-) классное начальное училище, выпускники которого впоследствии, после окончания педагогических курсов, сами могли работать учителями.

Но Прокопию Трифоновичу удалось закончить и Учительский институт в Томске,- получив высшее образование.

На Камчатку он вернулся в 1918 году и за последующие пятнадцать лет сумел сделать столько полезных для Камчатки дел и научных открытий, которые позволили потомкам поставить его имя в один ряд с такими именами как Крашенинников, Стеллер, Дитмар, Комаров, Арсеньев…

Ведет он и большую общественно-политическую работу — избран в Петропавловскую городскую думу.

8 октября 1926 года он создает Общество изучения Камчатки, которое принимает устав Русского Географического общества.

Уважаемым человеком был и его брат — Иван Трифонович Новограбленов — в 1917 году участник Всероссийского Поместного Собора по особому постановлению Собора как мирянин от Камчатского викариатства.

Именно это — общественная значимость братьев Новограбленовых — определило их дальнейшую судьбу — органы ГПУ избрали именно их в роли главарей повстанческой диверсионной прояпонской организации «Автономная Камчатка», замышляющих вооруженный захват власти на полуострове и переход Камчатки под протекторат Японии.

И вот этот трагический семейный список жертв политических репрессий: Новограбленов Василий Трифонович (1906), расстрелян; Новограбленов Иван Трифонович (1889), расстрелян; Новограбленов Иннокентий Трифонович (1905), расстрелян; Новограбленов Прокопий Трифонович (1892), расстрелян; Новограбленов Павел Трифонович (1907), 10 лет тюрьмы.

Но Новограбленовы продолжали оставаться патриотами. В годы Великой Отечественной войны на полях сражений погибла в фашистском концлагере Новограбленова Елена Ивановна, погиб ее брат Юрий, пропал без вести Константин Прокопьевич Новограбленов.

Участие в боях приняли Игорь Прокопьевич Новограбленов, Гертруда Александровна Горбачева (дочь Ирины Трифоновны Новограбленовой, сотрудник «Смерш») и Глуховецкий Владимир Владимирович (сын Анны Трифоновны Новограбленовой).

Сегодня следы многих представителей этой семьи Новограбленных — Новограбленовых затерялись на просторах нашей огромной страны. Возможно, кто-то и откликнется…

ТОМСКИЕ

Высшей солдатской наградой царской России был знак отличия военного ордена Святого великомученика и победоносца Георгия.

По итогам обороны Петропавловского порта 1854 года к этой награде было представлено трое уроженцев Камчатки. Двое Георгиевских кавалеров — пятидесятник Алексей Степанович Карандашев и боцман Иван Иванович Шестаков — получили свои награды.

Третьим был пятидесятник Александр Никифорович Томский.

В проекте приказа генерал-майора Василия Степановича Завойко, губернатора Камчатской области и командира Петропавловского порта, были такие строки о пяти наградах, которые он выделил из восемнадцати имеющихся в его распоряжении знаков святого Георгия «для отличившихся в моих глазах».

Пятым в этом списке был Александр Никифорович:

«5) Пятид. Томский — будучи легко ранен, при граде пуль не отшел от пушки, и когда фитиль потух, то он, как (зачеркнуто — слышно) говорят, угольем выпалил в придувку. — Требуется подтверждение, кто именно видел это».

Высшая солдатская награда царской России — знак отличия военного ордена Святого великомученика и победоносца Георгия

Свидетелей, по всей видимости не нашлось, — и пятидесятник Александр Никифорович Томский не стал третьим камчатским Георгиевским кавалером, хотя, судя по этой информации, казачий пятидесятник Томский командовал одной из пушек. Казаки, как известно, охраняли тыловые позиции порта со стороны Култучного озера и остановили продвижение англо-французского десанта, попытавшегося прорваться в город, обойдя Никольскую сопку.

Что мы знаем о Томском и Томских?

Пятидесятник Томский в 1853 году был переведен на Камчатку из Гижигинской казачьей сотни. Но сам он был уроженцем Камчатки (родился в 1826 году), из унтер-офицерских детей (его отец — Никифор Дмитриевич Томский — был урядником Петропавловской казачьей команды). 10-го января 1843 года Александр был верстан в казаки, 1-го марта 1848 года произведен в урядники, а 5-го октября 1854 года — в пятидесятники (приказ же В.С. Завойко был от 5-го марта 1855 и поэтому весьма странно, что до этого времени не были выяснены обстоятельства боя и опрошены свидетели, а позже в списках награжденных знаком военного отличия появляются имена, о которых вообще не упоминается в приказе Завойко — в частности люди, которые на период награждения служат уже в 27-м Амурском флотском экипаже, созданном на основе 47-го (на период обороны Петропавловского порта 46-го) Камчатского флотского экипажа).

То есть, была проведена какая-то рокировка среди награжденных, о подвигах которых на настоящий момент мы ничего не знаем.

Но вернемся к Томским.

Фамилия эта очень даже любопытная. На первый взгляд — ничего удивительного как раз и нет: Томский – значит уроженец Томска, второго по значимости города-крепости Сибири XVI –XVII–XVIII веков.

Но если мы откроем биобиблиографический словарь «Служилые люди Сибири», то казаков с такой фамилией найдем даже в «златокипящей» Мангазее.

Самым известным из представителей Томских был на Камчатке Данила Анцыферов Томский, уроженец города Томска, возглавивший на Камчатке бунт против приказчиков Мирона Липина, Петра Чирикова и Владимира Атласова, впоследствии один из первооткрывателей северных Курильских островов.

В 1712 году он был сожжен живьем, вместе со всем своим отрядом, авачинскими камчадалами.

Вместе с ним сгорели Сергей и Дмитрий Иванов сын Томские.

Иван Томский в этот период также служил на Камчатке. Он был из числа казаков, которых набирал для своего второго похода на Камчатку, возвращаясь из Москвы, казачий голова Владимир Владимирович Атласов.

Иван был участником грабежа купеческих дощаников на реке Ангаре, организованного Атласовым, который впоследствии послал Ивана в Якутск с отпискою к жене. «С этою отпискою Вл. Атласов прислал в Якутск своих казаков — Павла Журавлева и Ивана Томскаго, которых воеводы «роспрашивали» и «пытали» про грабеж Белозерова, и «с пытки» они сказали, что «грабили» Белозерова «по повеленью Володимера Отласова: поневолил-де их всех казачьих детей грабить он Володимер, по наученью Афоньки

Поповцова (и) Сергушки Михайлова, и буде бы-де они не послушали — и Володимер-де хотел их рубить сабляю. А зделу-де им доставалось — сту человекам — по 8 подставов камок (и) по 7 тюней китаек на человека, а Володимер — де взял себе грабленого живота против всех их ста человек другую половину».

Возможно, это тот самый Иван Корнилов сын Томский, который в 1706 году числился в одиннадцатой пятидесятне Якутского казачьего полка.

Мы знаем, что после розыска по делу о грабеже на реке Ангаре часть атласовских казаков (не участвовавших в разбое) была отправлена на Камчатку в составе отряда камчатского приказчика Михаила Зиновьевича Многогрешного.

Что же касается Ивана Томского, то мы нашли некоторые подробности о его прибытии на полуостров: «Алексей Поротов в допросе сказал: в прошлом 704 году, послал его Алексея с Иваном Томским из Анандырского острогу прикащик Евфим Петров в Камчадальские остроги с присланными из Якутцка указными памятьми к прикащику Василью Колесову. И он де Алексей с товарищем шли с Анандыря до Пенжины и с Пенжины до Камчатки горою на оленях и на собаках 4 месяца, и отдал те указные памяти Василью Колесову в целости. И идучи де они на Камчатку, не дошед до Камчатки, против Караги, от Брусеной, видели значится остров, и сказывал де ему Иван Голыгин, что он на том острову в байдарах был, и иноземцы де на том острову есть, и много ль иноземцов, того де он Иван ему Алексею не сказал. А грести де в байдарах до того острова от устья Караги реки с утра до вечера. А с Камчатки де он Алексей вышел в Анандырской с камчатскою казною с Васильем Колесовым с товарищи».

В архивных материалах по Якутску за 1720 год есть интересная запись: «…в том же дворе живут служивой Иван Томской и он послан Великого государя на службу в Оходцкой острог а по скаске жены ево ему Ивану тритцеть лет…»

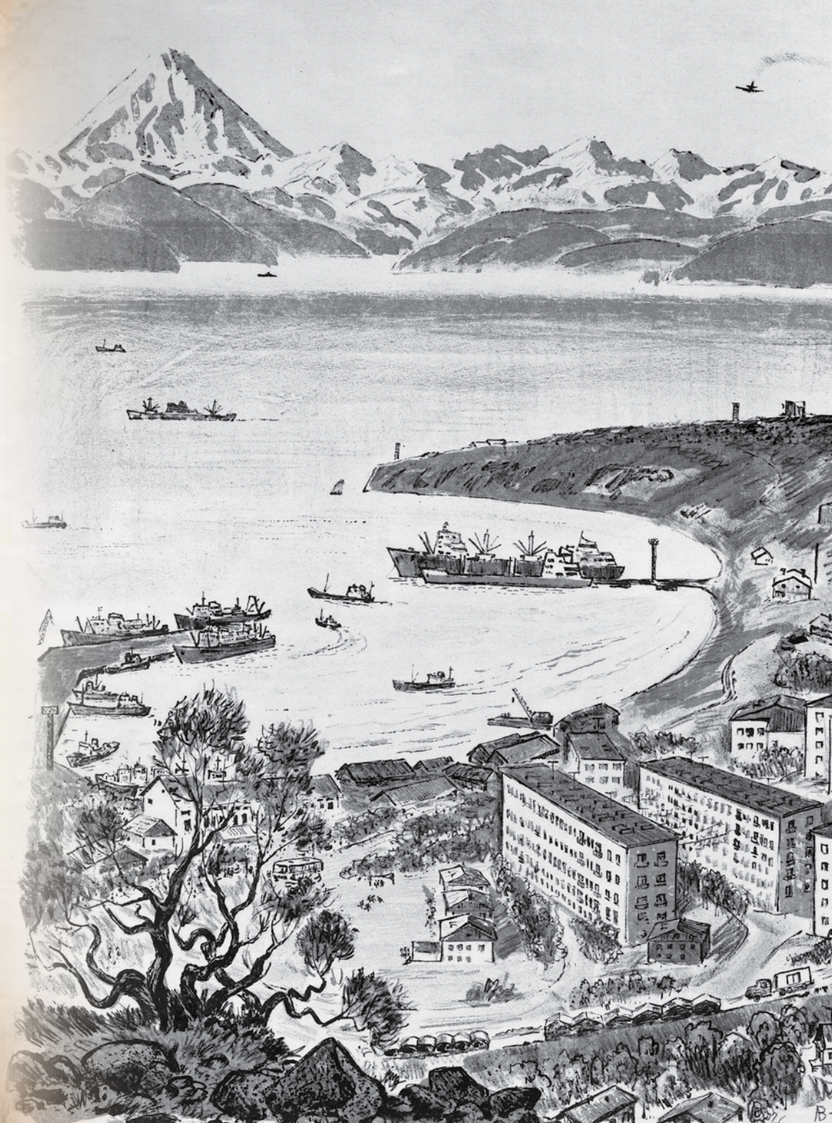
В 1730 году мы находим имя Ивана Томского в списках экипажа бота «Восточный Гавриил», который потерпел крушение у берегов Западной Камчатки.

Но на этом список камчатских первопоселенцев Томских не заканчивается.

В период бунта и убийства камчатских казаков в Верхнекамчатске служил Алексей Томский, который не примкнул к бунтовщикам и, вполне вероятно, оказался в списке тех семидесяти казаков, которые за такой же поступок в награду были произведены из пеших казаков в конные.

Но свои Томские были также и в Якутске — и могли позже оставить свой родовой след на полуострове.

Мы знаем якутского казачьего десятника Григория Томского, который в разное время был приказчиком разных зимовий и острогов Якутского воеводства: Омолонского зимовья (1688), Анадырского острога в 1691 году, Верхоянского зимовья (декабрь 1692). Вот более подробная архивная запись о нем: «Гришка Федоров Томской в нынешнем в 200-м [1692] году августа в 21 день хлебной оклад учинен ему женатой казачей оклад». И по именным спискам казаков Якутского казачьего полка за 1706 год мы находим, что в одиннадцатой пятидесятне служил Степан Григорьев сын Томский, а в четырнадцатой — Василий Григорьев сын (убит на Камчатке в 1707 году).

А.Ф. Винокуров,
колхоз им В И Ленина, 1974 г. ККМГИ

Вполне возможно, что Дмитрий Егорович Томский (1761 года рождения), с которого начинается официальная поколенная роспись камчатского рода Томских, является представителем именно якутских Томских. Об этом говорит, по всей видимости, унаследованный чин урядника, в котором проходил службу его сын Никифор Дмитриевич (1791), а затем и внук — Александр Никифорович, который, как нам думается, произведен в пятидесятники в награду вместо заслуженного им Георгиевского креста, а дважды за один подвиг не награждают.

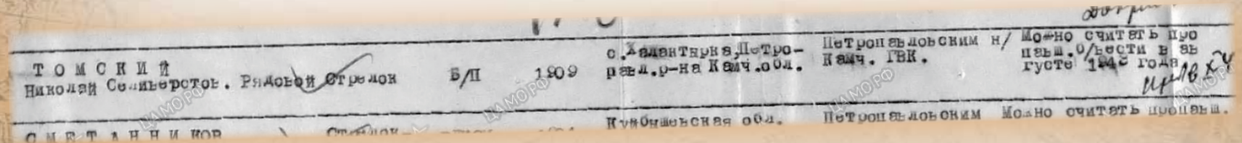
Урядником, кстати, был и старший брат Александра — Егор Никифорович (1809), тоже участник обороны Петропавловского порта, а младший – Иван Никифорович (1827) — был, как и Александр, пятидесятником и в 1856 году служил на Сахалине.

А в казачьих чинах в то время производились либо по наследственному принципу (верстали — по старшинству в семье — в «убылое отцово место»), либо за военные заслуги, в награду.

В период Русско-японской войны 1904–1905 гг. на Камчатке отметились двое из Томских — льготный казак Иван Иванович Томский из Сероглазки и Варнава Алексеевич Томский из Усть-Камчатска.

А в период социалистического строительства руководителем небольшой рыболовецкой артели в селе Сероглазка стал Николай Томский (отчество, к сожалению, пока неизвестно), который, конечно же, и предполагать тогда не мог, какую неожиданную мощь обретет эта артель в 1960 году, объединившись с соседними рыболовецкими артелями Авачинской бухты и превратившись в крупнейший рыболовецкий колхоз Союза Советских Социалистических Республик — имени Владимира Ильича Ленина, в настоящее время — крупнейший рыболовецкий колхоз России, сохранивший и свое имя, и свои трудовые традиции, и историческую память…

А его тезка, уроженец села Халактырка Николай Селиверстович Томский, рядовой красноармеец, пропал без вести в боях с фашистами в августе 1943 года, о чем было сообщено жене — Томской Татьяне Степановне…

ТОМСКИЙ Николай Селиверстов. Рядовой Отрядок Б/П 1909 с.Халактырка Петропавловским н/ Можно считать пропавш. в августе 1943 года
Петропавловского р-на Камч.обл. Камч. ГВК.
СМЕТАННИКОВ Степан… Кубанская обл. Петропавловским Можно считать пропавш.

Источник информации: ЦАМО. Фонд ист. информации: 58. Опись ист. информации: 977520. Дело ист. информации: 531

ТОЛСТИХИНЫ

В Интернете можно найти список сибиряков Толстихиных, которые принимали участие в первой мировой войне.

По этим данным легко просчитывается и возможное родовое гнездо камчатских казаков Толстихиных, прежде приписанных к Гижигинской крепости, служилый состав которой (и военный, и казачий) пополнялся из Иркутска, Нерчинска, Селенгинска.

Итак:

Толстихин Василий — Иркутское генерал-губернаторство, Енисейская губерния, Ачинский округ, Подсосенская волость, деревня Шадрина

Толстихин Леонтий — Иркутское генерал-губернаторство, Енисейская губерния, Ачинский округ, Кольцовская волость, село Медведице

Толстихин Назар Тимофеевич — Иркутское генерал-губернаторство, Енисейская губерния, Красноярский округ, деревня Погорельская

Толстихин Павел Михайлович — Томская губерния, Мариинский уезд.

Толстихин Павел — Иркутское генерал-губернаторство, Енисейская губерния, Ачинский округ.

Толстихин Петр Семенович — Иркутское генерал-губернаторство, Енисейская губер-

Казак Толстихин. Из альбома Б. Дыбовского

ния, Ачинский округ, Подсосенская волость, д. Топлоки

Толстихин Роман Исаакович — Иркутское генерал-губернаторство, Енисейская губерния, Минусинский округ, Никольской

Помимо этого, известно, что в первую мировую войну в Камчатском пехотном полку служил и один из наших камчатских Толстихиных.

Вот свидетельство:

«Камчатский листок», 1917 год, 22 сентября.

«Господин редактор! Обращаемся с великой просьбой к Вам и в Вашем лице ко всем землякам-камчадалам высылать нашу родную газету «Камчатский листок», нам так страстно хочется знать, что делается в настоящее время на нашей Камчатке в дни переустройства всей нашей жизни. Письма мы получаем очень редко, которые идут до нас 3–4 месяца. Если найдете возможным удовлетворить нашу просьбу, то вышлите, начиная с начала текущего года. Будем надеяться, что земляки не откажут нам. Адрес: действующая армия, 44 пехотный Камчатский полк, штабная команда, Нестору Толстихину.

С почтением: камчатские казаки Нестор Толстихин, Феодосий Павлов, Михаил Помазкин».

Правда, и на Камчатке, и в России в целом, немногие сегодня слышали о существовании в российской армии Камчатского полка, последними свидетелями героического прошлого которого и были наши земляки, так как в январе 1918 года полк был расформирован.

Нет, этот полк первоначально не создавался на Камчатке и к Камчатке не имел (помимо своего названия) никакого отношения — только в период Первой мировой войны камчатские казаки (чисто символически) несли службу при штабе полка.

16 августа 1806 года 44-й Камчатский мушкетерский полк был сформирован из прежде существовавшего Екатеринбургского мушкетерского полка — одной гренадерской и 3-х мушкетерских рот.

Штаб-квартирой полка был определен город Луцк.

В этот же день из Селенгинского мушкетерского полка был сформирован 43-й Охотский мушкетерский полк.

Переименование носило чисто символический и патриотический характер — Российскую армию представляли все регионы страны.

В 1811 году оба мушкетерских полка переименованы в пехотные полки.

Камчатский пехотный полк принимал участие в различных военных событиях Отечественной войны 1812 года и заграничных походах 1813–1814 года. Но в храме

Христа Спасителя в Галере Воинской Славы особо отмечено следующее:

Сражение при Ла-Ротьере

20 января (1 февраля) 1814 года

Командовавшие войсками: Главнокомандующий Генерал от Инфантерии Граф Барклай де-Толли и Генерал от Инфантерии Барон Остен-Сакен.

Участвовавшие войска: Гренадерские полки: Графа Аракчеева, Астраханский, Екатеринославский, Кексгольмский, Киевский, Малороссийский, Московский, Перновский, С.-Петербургский, Сибирский, Таврический и Фанагорийский; пехотные полки: Апшеронский, Архангелогородский, Белостокский, Виленский, Витебский, Владимирский, Днепровский, Камчатский, Козловский, Колыванский, Костромский, Крымский, Куринский, Либавский, Московский, Нашебургский, Одесский, Охотский, Псковский, Ряжский, Севский, Симбирский, Софийский, Тамбовский, Тарнопольский, Якутский и Ярославский; егерские полки: 8, 10, II, 12, 22, 28, 32, 38, 39, 49 и 50; драгунские полки: Кинбурнский, Курляндский, Смоленский и Тверский; гусарские полки: Александрийский, Ахтырский, Белорусский и Мариу польский; Донские казаки; волонтерный казачий полк Барона Боде и 2-й Калмыцкий полк; батарейные роты: №№ 10, 13, 18, 32 и 34; легкие роты: №№ 24, 28, 29, 35 и 52; конная рота № 18.

Выбыло из строя нижних чинов около 4000.

Отличились: Генерал от Инфантерии Граф Барклай де-Толли, Генерал от Инфантерии Барон Остен-Сакен, Генерал-Лейтенант Граф Ливен, Генерал-Майоры: Панчулидзев 2-й, Ставицкий, Васильчиков 2-й, Талызин, Удом, Уманец и Никитин, Капитан Логинов, Штабс-Капитан Берг, Поручик Храпачев и Прапорщик Липранди.

Получили отличие: пехотные полки: Белостокский, Днепровский, Камчатский, 11 и 39 егерские полки.

Сражение при деревне Ла-Ротьер было вторым крупнейшим заграничным разгромом войск Наполеона после сражения под Лейпцигом в октябре 1813 года, в котором Камчатский пехотный полк также участвовал в составе корпуса барона Сакена.

В 1828-1829 годах полк принимает участие в русско-турецкой войне и награжден специальным знаком «За отличие», который размещался на головных уборах военнослужащих.

Но высшее военное испытание выпало на долю Камчатского пехотного полка в годы Крымской войны во время героической обороны Севастополя.

Об этом было много написано. Поэтому мы приведем только две цитаты.

Мраморные доски в Галерее Воинской Славы храма Христа Спасителя (г. Москва)

Из «Севастопольских воспоминаний артиллерийского офицера» Е.Р. Ершова, СПб, 1858 г.

«Как я уже сказал, тихо было в Севастополе, но это была тишь перед бурей. 24 мая (1855 г.) пришлось мне побывать на Камчатском люнете и редутах: Селенгинском и Волынском. А потому и сделаю небольшой очерк о сказанных укреплениях пред рассказом о буре, разыгравшейся у них в этом месяце.

Заложение Камчатского люнета, произведенное в то время, когда сильные неприятельские батареи занимали все главнейшие высоты, окружающие Корабельную сторону, поистине должно почитаться чудом инженерного искусства и доблести наших войск.

Сознавая всю важность этого укрепления, неприятель громил его беспрерывно.

Наружный вид Камчатского люнета — “Камчатки”, как его прозвали — был действительно грозен. Оба длинных боковых фаса, изрезанные глубокими, издалека черневшимися амбразурами, постоянно сверкали молниями, посылая в ответ неприятелю свои меткие выстрелы. Амбразуры переднего фаса угрюмо молчали. Выглядывавшие из них дула орудий, казалось, ждали момента, когда появятся перед ними из ближайшей неприятельской траншеи штурмовые колонны, чтобы встретить их картечью.

Постоянный туман порохового дыма, расстилавшийся над люнетом высоко воронками, взбрасываемая земля от бесчисленного множества лопающихся неприятельских бомб и гранат, синеватые дымки неугомонной перестрелки из ложементов, полукругом раскинувшихся впереди у подошвы холма, — все придавало этому укреплению грозный, боевой вид.

Внутренность Камчатки была пересечена высокими, циклопической постройки траверзами, с трудом, однако, ослаблявшими перекрестной огонь осадных батарей. Картина не прерывавшейся деятельности внутри этого укрепления представлялась взорам во всякое время дня и ночи: переменяли подбитые лафеты, настилали платформы, таскали лес на блиндажи и погреба, носили землю на траверзы, на вал и на банкеты, чинили амбразуры и мерлоны; словом, здесь всюду обычно кипела та же деятельность, как на бастионах во время бомбардирования.

Сообщение люнета с Корабельной стороной было устроено в тылу его.

От заднего конца правого фаса шла глубокая траншея, опускавшаяся с холма в каменные ломки, которыми достигла лощины, расстилавшейся впереди куртины между бастионами Корнилова (Малаховым курганом) и № 2-м. По этой лощине можно было

достигнуть выхода в сказанной куртине, так называемой “Рогатке”.

Вправо и влево от люнета протягивались глубокие наши траншеи. Первая шла почти до докового оврага; вторая же, по направлению к Килен-балке. В этой последней была расположена наша 4-х орудийная батарея для противодействия неприятельским траншейным батареям, направленным на люнет. Впереди укрепления в виде полукруга раскидывались наши ложементы, соединенные траншеей.

…Положение редутов Селенгинского и Волынского, окруженных подобно Камчатскому люнету постоянной огненной бурей было тем более критическое, что при слабом своем вооружении, сравнительно с громившими его неприятельскими батареями, они были предоставлены почти одной собственной обороне.

Батареи северной стороны и бастион № 2-й хотя и могли действовать по черным редутам и вообще на Сапун-гору, но по значительному расстоянию нельзя было надеяться на успешное действие их артиллерии.

Еще в апреле неприятельские работы против наших редутов значительно усилились. Сильные батареи с трех сторон обложили их, но, приводя в порядок свое вооружение, не открывали еще огня. Сознавая слабость наших редутов сравнительно с окружающими их осадными батареями, можно было также сознать близкий конец упорной, геройской обороны этих передовых укреплений.

Наступила минута, когда храбрость должна была уступить силе.

В три часа пополудни 25-го мая усиленная канонада загремела против Корабельной стороны. Самый сильный огонь неприятеля сосредоточен был против передовых наших укреплений. Сначала люнет и редуты отвечали смелой и частой пальбою, но через несколько часов выстрелы их стали реже, и, наконец, к вечеру замолкли совершенно. Без преувеличения можно сказать, что тучи чугуна врывались в амбразуры, врезывались в мерлоны, срывая и засыпая их.

Подобное бомбардирование продолжалось всю ночь.

Никакие сверхъестественные усилия не могли в течение ночи исправить все сделанные и беспрестанно возобновляемые повреждения.

Утро 26-го мая озарило лишь одни развалины передовых наших укреплений. Брустверов в обоих редутов и даже в Камчатском люнете почти не существовало. Это были просто нагроможденные в беспорядке кучи земли, досок, брусьев и всякой всячины. Платформы были разбиваемы бомбами, бросаемыми неприятелем с ожесточением. Подбитая по большей части артиллерия сброшена с места и до половины засыпана землею. Гарнизон, не имевший, как говорится, свободной минуты, чтобы вздохнуть, кое-где лепился за уцелевшими остатками вала; о банкетах нечего и говорить!

Неприятель непрерывно продолжал бомбардирование этих развалин.

С полудня, однако, оно, было, поутихло, но часа через два возобновилось с новой силой.

Перед вечером, часов в шесть с половиною, начался штурм сказанных редутов и люнета.

Понятно, что сопротивление многочисленному врагу было невозможно; храбрость должна была уступить силе.

Прянишников И.М. Отражение ночного штурма защитниками Камчатского люнета. Масло. 1871–1872 гг. Альбом «Эпизоды Севастопольской жизни 1854–1855 годов»

Три французские дивизии при двух батальонах стрелков, кроме резервов и охотников от всех полков Франции, бросились теперь на штурм.

Сам Пелисье находился в траншее ниже редута Виктории. Преследуя слабые остатки гарнизона наших передовых укреплений, неприятель захватил находившуюся в тылу редутов небольшую Забалканскую (Колокольцева) батарею и увлеченный успехом бросился через Килен-балку на Корабельную сторону.

Бастион № 1-й, возвышавшийся на крутизне над самым почти киленбалковским мостом, почему и мог действовать по неприятельским колоннам за Килен-балку, но не мог обстреливать картечью самого моста. Уже несколько зуавов перебежало мост, еще момент – и неприятель ворвался бы на 1-й бастион. Но в эту минуту из-за бастиона вылетела легкая № 5-го батарея 11-й бригады, спустилась с высоты и картечью отбросила неприятеля с моста. В то же время, с другой стороны на рейде, явился пароход Владимир и открыл губительный огонь по неприятелю. Подоспевшие наши батальоны бросились через мост, ударили в штыки на французов и заставили их отступить.

Забалканская батарея взята была нами с бою.

Генерал-лейтенант Хрулев, вследствие различных обстоятельств, вновь назначенный начальником левой половины оборонительной линии, но получивший это назначение только за час с небольшим до нападения неприятеля на люнет и редуты, находился, однако, уже на Корабельной стороне и принимал начальствование.

Ординарец генерала прапорщик Сикорский только что успел прибыть на Корнилова бастион для занятия помещения генералу, который намеревался прибыть сюда вслед за ним, как неприятель повел уже штурм.

Генерал-майор Заливкин принес большую пользу в это время своими энергическими распоряжениями. Несмотря на томившую его болезнь, с трудом позволявшую ему ходить, он при первой вести о штурме, чтоб не терять времени, поскакал на неоседланной лошади к резервам и направил их к оборонительной линии.

При первом известии о нападении неприятеля Хрулев поспешно прискакал на место действия и с подоспевшими резервами лично повел войска в штыки и отбил Камчатский люнет, но вскоре вновь нахлынули целые толпы упорного неприятеля.

Уже смеркалось. Наши, видя необходимость уступить превосходным силам неприятеля, отодвинулись от люнета, два раза переходившего из рук в руки.

Адмирал Нахимов, верхом приехавший на Камчатский люнет за несколько минут до его штурма, не успел, обойдя укрепление, проехать до половины траншеи, соединяющей люнет с Корабельною стороною, как неприятель повел штурм. Услыхавши выстрелы, залпом раздавшиеся из небольшого числа уцелевших орудий люнета, адмирал вернулся на штурмуемое укрепление и в общей свалке едва не был взят в плен. По обыкновению на нем были эполеты и орден св. Георгия 2-го класса. Матросы едва выручили своего отца-адмирала, бросившись на неприятеля с банниками и ганшпигами, которые уносили они с прочей принадлежностью от заклепанных орудий люнета.

Французы в жару минутного своего успеха дорвались, было, даже до самого Малахова кургана, но все подобные смельчаки уже не вернулись назад.

Англичане, которые должны были занять ложементы (L'ouvrage des carrirs) у каменоломни впереди 3-го бастиона, соревнуясь с французами, безумно бросившимися на Малахов курган, кинулись на 3-й бастион (Grand Redan) и потерпели такую же участь, как и французы».

Командовал Камчатским полком генерал-майор Иван Петрович Голев. Вот, что писал о нем военный писатель Петр Владимирович Алабин, служивший в Камчатском егерском полку с 1845 по 1853 год и лично принимавшего участие в обороне Севастополя:

«Скажу только, что он принадлежал к числу тех 4000 наших героев, которые, в ночь с 14 на 15 сентября 1829 года, под начальством Гейсмара, разбили и уничтожили двадцатишеститысячный отряд турок, под Быйлештами. Довольно будет, если я прибавлю, что в Восточную войну 1853–56 годов Голев командовал Камчатским егерским полком.

Слава, которую составил себе Камчатский полк в Севастополе, известна не только военным, но каждому, кого интересует история России.

Все ли, однако, помнят событие, доказавшее, что в свое командование полком, Голев успел вдохнуть в него тот истинно геройский дух, под наитием которого солдаты не знают невозможного, тот дух, что приводит их к великим подвигам?

Известно, что 27 августа 1855 года, мы имели единственный путь отступления из Севастополя — мост через бухту.

Ключом этого отступления для войск левой половины оборонительной линии был 3-й бастион. Перейди этот бастион в руки неприятеля, и большей части армии сева-

стопольских защитников предстояло “лечь костьми”, — так как русские армии не сдаются!

Великое значение 3-го бастиона знали союзники, и потому для взятия его пошла вся армия англичан, пошла и… взяла бастион!..

Враг уже торжествовал неслыханную победу, но она была вырвана у него из рук штыками Камчатцев.

Роты Камчатского полка ударили с фланга на англичан, занявших уже бастион, опрокинули их в ров и удержали бастион до прибытия резервов. Два раза, затем, англичане

Толстихины Феоктист Георгиевич и Мария Семеновна с детьми

возобновляли штурм бастиона, но, завалив своими трупами его ров, бастиона не взяли.

3-й бастион остался за нами и севастопольцы левой половины оборонительной линии были спасены, — путь отступления им был обеспечен!

Подвиг Камчатцев достойно оценят историки Севастопольской обороны, но достойнейшую оценку этот подвиг нашел в своем Верховном, Венценосном Вожде.

Государь Император, на смотру 11-й пехотной дивизии, на Инкерманских высотах, в ноябре 1855 года, изволил, перед фронтом войск, спросить главнокомандующего: “Отчего представляется на смотру только один батальон Камчатского полка?”

Главнокомандующий доложил, что полк, за огромною убылью офицеров и солдат в Севастополе, переформирован из четырехбатальонного состава в два батальона, из которых один находится на аванпостах.

Тогда Государь, обращаясь к войскам, изволил сказать громогласно:

“Один батальон Камчатцев — четырех стоит!”

Для справки. Камчатский полк вступил в Севастополь, имея: штабс-офицеров — 3, обер-офицеров — 45, нижних чинов — 2983. Во время пребывания в Севастополе на укомплектование оного поступило нижних чинов — 772. Следовательно, полк имел в Севастополе — 3755 человек. В Севастополе полк потерял: убитыми и умершими от ран штабс-офицеров — 4, обер-офицеров — 23; ранеными: штабс-офицеров — 3, обер-офицеров — 24; контуженными: штабс-офицеров — 1, обер-офицеров — 8; без вести пропавшими: обер-офицеров — 1; т. е. всего 64. Нижних чинов: убитыми — 488, ранеными — 1943, контуженными — 1052, без вести пропавшими — 32, итого — 3515. Если из полка еще могло быть сформировано 2 батальона, то потому, что раненые и контуженные, по выздоровлении, возвращались к своему месту».

Что интересно, командовал Камчатским люнетом морской офицер — лейтенант 39-го флотского экипажа Черноморского флота Василий Егорович Лазарев, из дворян Херсонской губернии.

«С 5.03.1855 г. находился в рядах защитников передового укрепления Корниловского бастиона — Камчатского люнета, с 21 марта — исполнял обязанности его командира. Под непрерывным разрушительным огнем французской артиллерии Лазареву удалось подавить несколько батарей противника.

26.04.1855 г. Походная Дума Георгиевских кавалеров удостоила Лазарева ордена Св. Георгия 4-й ст. Награждение Высочайше утверждено 11.05.1855 г.

Внесен в Вечный список кавалеров ордена Св. Георгия 4-й ст. под № 9603.

24.06.1855 г. после выхода из Севастопольского морского госпиталя назначен “исполнять должность начальника артиллерии 4-го отделения”. В день штурма 27.08.1855 г. был ранен на Малаховом кургане пулей в правый бок навылет, попал в плен. Вернулся в Россию в конце января 1856 г. За отличие в конце обороны Севастополя произведен в капитан-лейтенанты».

Умер контр-адмирал Василий Егорович Лазарев 5 сентября 1882 года и похоронен на Братском кладбище Севастополя, где покоится прах нижних чинов Камчатского пехотного полка.

Это им, героям обороны Севастополя посвятил свои стихи наш замечательный поэт Афанасий Фет:

Севастопольское братское кладбище

Какой тут дышит мир! Какая славы тризна
Средь кипарисов, мирт и каменных гробов!
Рукою набожной сложила здесь Отчизна
Священный прах своих сынов.

Они и под землей отвагой прежней дышат…
Боюсь, мои стопы покой их возмутят,
И мнится, все они шаги живого слышат,
Но лишь молитвенно молчат.

Свято-Никольский храм
на братском кладбище в Севастополе

Счастливцы! Высшею пылали вы любовью:
Тут что ни мавзолей, ни надпись — все боец,
И рядом улеглись, своей залиты кровью,
И дед со внуком, и отец.

Из каменных гробов их голос вечно слышен.
Им внуков поучать навеки суждено,
Их слава так чиста, их жребий так возвышен.
Что им завидовать грешно…

В честь столетней годовщины 44-го Камчатского пехотного полка в 1906 году он был награжден полковым Георгиевским знаменем с надписью: «В вознаграждение отличного мужества и храбрости, оказанных в 1812, 1813 и 1814 гг. и за Севастополь в 1854 и 1855 годах» и «1806-1906».

Одним из последних командиров Камчатского пехотного полка до начала Первой мировой войны был в годы гражданской войны командующий (в 1919 году) Добровольческой белогвардейской армии Владимир Зенонович Май-Маевский.

Гражданская война разорвала не только экономические, исторические, культурные, но и родовые связи россиян.

И сегодня даже эти — кровные — связи восстанавливаются с огромным трудом.

Когда полыхало огненное зарево сражений над Малаховым курганом и Сапун-горой в Севастополе, когда солдаты и офицеры Камчатского пехотного полка показывали миру чудеса героизма русских воинов, в это же самое время казаки, солдаты, матросы, офицеры и охотники-добровольцы отражали на Камчатке удар англо-французской эскадры, нацеленный на Петропавловский порт — форпост России в Тихом океане.

Среди сражавшихся был и бывший гижигинский казак, пятидесятник Василий Яковлевич Толстихин (1814), переведенный в 1852 году на службу в Камчатскую казачью команду. Вместе с ним служил и принимал участие в обороне Петропавловского порта брат — казак Николай Яковлевич Толстихин.

Братья Толстихины и являются родоначальниками всех многочисленных камчатских Толстихиных.

Сын Василия Яковлевича — Иннокентий Васильевич Толстихин — был казачьим урядником. Этот же чин впоследствии был и у сына Иннокентия Васильевича — Петра Иннокентьевича — первого Георгиевского кавалера в камчатском роду Толстихиных, который в период Русско-японской войны в 1904 году организовал оборону бобровых лежбищ на мысе Лопатка от японских «хищников». Приказом от 29 октября 1905 года он был награжден Георгиевским крестом 4-й степени №171307.

Начальник Петропавловского округа Антон Петрович Сильницкий, получив известие о начале Русско-японской войны 1904–1905 гг., призвал жителей Камчатки создать народное ополчение, чтобы отразить любое посягательство японцев на Камчатку.

Были сформированы народные дружины, которые выставили посты в местах возможной высадки японцев. К сожалению, история боевых действий народных дружин на Камчатке еще мало изучена, хотя царь Николай II очень высоко оценил значение камчатского народного ополчения в том, что Камчатка по итогам проигранной Россией войны с Японией осталась во владении Российской империи. Более тридцати героев были отмечены Георгиевскими крестами, многие — серебряными медалями «За усердие», все ополченцы были награждены памятными медалями.

Среди участников народного ополчения Толстихин Афанасий Иннокентьевич (1863) — отец Нестора Афанасьевича Толстихина, служившего в 44-м Камчатском пехотном полку; Толстихин Василий Иннокентьевич (1874), Толстихин Григорий Васильевич (1864), Толстихин Константин Михайлович.

На Камчатке не было кровавых событий гражданской войны — лишь их отголоски, когда красноармейские отряды, победив белую армию на материке, добивали пытавшихся схорониться на диком Севере белогвардейцев. Партизанские красные отряды носили на Камчатке более декоративный, нежели боевой, характер. Да и белогвардейцы дислоцировались лишь какое-то время в Петропавловске (потом ушли за границу) и (небольшими группами) на севере Охотско-Камчатского края — в Тигиле, Гижиге, Наяхане…

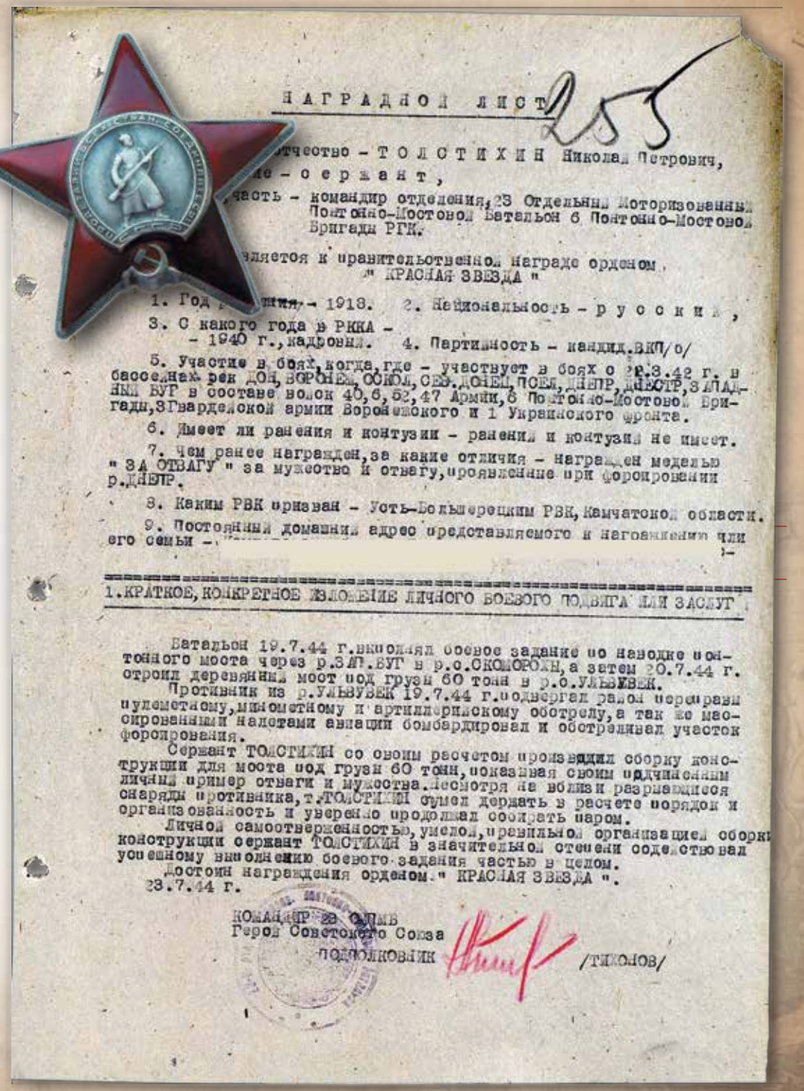
Но в период политических репрессий 1930-х годов коренная и старожильческая Камчатка (всего десять тысяч человек на весь полуостров) в полной мере испытала на себе, что такое «классовая ненависть», потому что первая политическая провокация — «Тигильское дело» ударило именно по коренной и старожильческой Камчатке на севере полуострова, а вслед за ней — Дело «Автономная Камчатка» — на юге…

Нестор Афанасьевич Толстихин (1894), участник Первой мировой войны, был арестован 3 марта 1934 года и как «социально вредный элемент» (без указания в деле статьи Уголовного Кодекса) лишен права проживания в 39 режимных местностях бессрочно. Умер в ссылке, в Красноярском крае.

Но он не был в числе первых арестантов — 30 июля 1931 года был арестован (статья 58-11 УК РСФСР) семидесятитрехлетний Георгиевский кавалер, бывший казачий урядник Петр Иннокентьевич Толстихин (1858) и отправлен на следствие в Хабаровск.

И читаем далее (от чего холодеет в сердце): в августе 1932 года (то есть более чем через год!) ПП ОГПУ ДВК освобождает его из-под стражи ввиду «преклонного возраста, тяжелой болезни, малозначительности и отсутствия вредных последствий от совершенного преступления» (только вдумайтесь — из Тигиля в Хабаровск везли «под ружьем» человека, прекрасно понимая, что он стар, тяжело болен и, главное, ни в чем не виновен). Петр Иннокентьевич «безвестно пропал по дороге на Камчатку». Его просто выбросили из тюрьмы на улицу…

Брат Петра Иннокентьевича — Василий Иннокентьевич — арестован 9 октября 1937 года. Приговорен к рас-

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

…тчество – ТОЛСТИХИН Николай Петрович,
…е – сержант,
…часть – командир отделения 28 Отдельный Моторизованный Понтонно-Мостовой Батальон 6 Понтонно-Мостовой Бригады РГК.
…ляется к правительственной награде орденом
" КРАСНАЯ ЗВЕЗДА "
1. Год р…ния – 1918. 2. Национальность – русский,
3. С какого года в РККА – – 1940 г., кадровый. 4. Партийность – кандид.ВКП/б/
5. Участие в боях, когда, где – участвует в боях с 22.3.44 г. в бассейнах рек ДОН, ВОРОНЕЖ, ОСКОЛ, СЕВ. ДОНЕЦ, ПОЛЬ, ДНЕПР, ДНЕСТР, ЗАПАДНЫЙ БУГ в составе войск 40, 6, 52, 47 Армий, 6 Понтонно-Мостовой Бригады, 3 Гвардейской армии Воронежского и 1 Украинского фронта.
6. Имеет ли ранения и контузии – ранения и контузия не имеет.
7. Чем ранее награжден, за какие отличия – награжден медалью " ЗА ОТВАГУ " за мужество и отвагу, проявленные при форсировании р. ДНЕПР.
8. Каким РВК призван – Усть-Большерецким РВК, Камчатской области.
9. Постоянный домашний адрес представляемого и наименование чьи его семьи –

1. КРАТКОЕ, КОНКРЕТНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЛИЧНОГО БОЕВОГО ПОДВИГА ИЛИ ЗАСЛУГ

Батальон 19.7.44 г. выполнял боевое задание по наводке понтонного моста через р. ЗАП. БУГ в р.о. СКОМОРОХИ, а затем 20.7.44 г. строил деревянный мост под грузы 60 тонн в р.о. УЛЬВЕНЕК.
Противник из р. УЛЬВЕНЕК 19.7.44 г. подвергал район переправы пулеметному, минометному и артиллерийскому обстрелу, а так же массированным налетам авиации бомбардировал и обстреливал участок форсирования.
Сержант ТОЛСТИХИН со своим расчетом произвидил сборку конструкции для моста под грузы 60 тонн, показывая своим подчиненным личный пример отваги и мужества. Несмотря на волны разрывающихся снарядов противника, т. ТОЛСТИХИН сумел держать в расчете порядок и организованность и уверенно продолжал собирать паром.
Личной самоотверженностью, умелым, правильным организацией сборки конструкции сержант ТОЛСТИХИН в значительной степени содействовал успешному выполнению боевого задания частью в целом.
Достоин награждения орденом " КРАСНАЯ ЗВЕЗДА ".
23.7.44 г.

КОМАНДИР 28 ОМПБ
Герой Советского Союза
подполковник /ТИХОНОВ/

Толстихин Петр Петрович

стрелу без предъявления обвинения. Приговор приведен в исполнение 25 мая 1938 года.

Петр Петрович Толстихин (1902), сын Петра Иннокентьевича, был арестован в 1937 году. Он был помощником начальника отделения связи в Тигиле. Ему тоже не предъявляли никакого обвинения. Также, как и дядю, расстреляли в тот же день.

Брат Нестора Афанасьевича — Иннокентий — был арестован в день великого юбилея — 20-летия Октябрьской революции — и приговорен к 10 годам лишения свободы.

Толстихина Николая Михайловича из колпаковской ветви этого казачьего рода арестовали 9 апреля 1933 года по делу «Автономная Камчатка» и приговорили к 3 годам лишения свободы.

Трое из внуков патриархов носили родовое имя Василий: Василий Иннокентьевич, Василий Михайлович, Василий Григорьевич.

И правнук — Василий Афанасьевич, брат Нестора.

И мы вновь говорим о героической странице этой старинной камчатской (а точнее, сибирской) казачьей семьи.

Посмотрите, сколько Васильевичей принимало участие в боевых действиях (первая цифра показывает семейную связь, вторая – количество братьев) .

1/1 Толстихин Альбион Васильевич (1926), с. Тигиль — участник Курильского десанта 18 августа 1945 г.

2/1 Толстихин Анатолий Васильевич, с. Колпаково — участник Курильского десанта 18 августа 1945 г.

1/2 Толстихин Василий Васильевич (1923), с. Тигиль — участник Курильского десанта 18 августа 1945 г.

4/1 Толстихин Георгий Васильевич (1912), с. Тигиль — участник Великой Отечественной войны.

4/2 Толстихин (Толстыхин) Григорий Васильевич (1915), с. Тигиль — участник Великой Отечественной войны, награжден медалью «За боевые заслуги» (07.06. 1945).

3/1 Толстихин Иван Васильевич (1918 – 12.10.1942), с. Колпаково — участник Великой Отечественной войны.

3/2 Толстихин Михаил Васильевич (1915 – 08.02. 1945), с. Тигиль – участник Великой Отечественной войны, награжден медалью «За отвагу» (19.02.1945), похоронен Восточная Пруссия, Кенигсбергский окр., м. Повунден, могила № 52.

4/3 Толстихин Модест Васильевич (1921 – 06.03.1944), с. Тигиль — участник Великой Отечественной войны, похоронен Калининская обл., Пустошкинский р-н, Алушковский с/с, д. Алушково, северо-западнее, 1 км, лес.

Но это ведь далеко не полный список:

Толстихин Анатолий Феоктистович (1926) — участник Курильского десанта 18 августа 1945 г., награжден медалью «За отвагу» (06.09. 1945).

Толстихин Георгий Николаевич, Тигиль — участник Курильского десанта 18 августа 1945 г., награжден медалью «За отвагу» (24.09.1945).

Толстихин Григорий Николаевич (1922), с. Тигиль, участник Курильского десанта 18 августа 1945 г., награжден медалью «За отвагу» (24.09.1945).

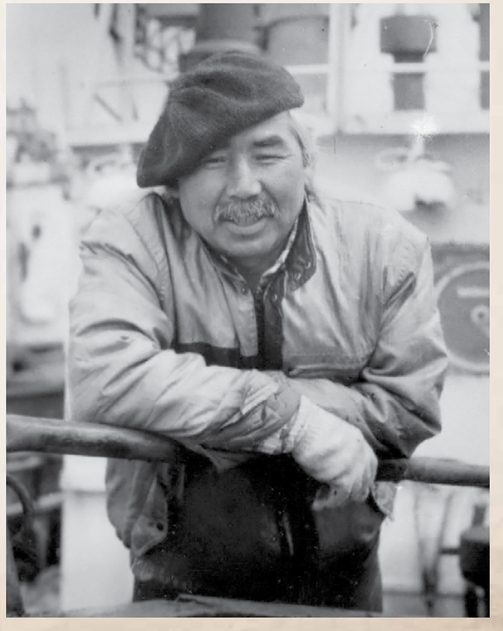
Толстихин Иннокентий Николаевич (1917), с. Тигиль — участник Курильского десанта 18 августа 1945 г., награжден медалью «За боевые заслуги» (29.08.1945).

Толстихин Николай Петрович (1918), с. Тигиль — участник Великой Отечественной войны, награжден медалью «За отвагу» (21.10.1943), орденом Красной Звезды (20.07.1944), орденом Отечественной войны II степени (16.04. 1945).

Толстихин Павел Петрович (1914–1943), с. Тигиль — участник Великой Отечественной войны, младший лейтенант.

Не простая судьба была у потомков героев обороны Петропавловского порта и Русско-японской войны.

Родовым гнездом для многих из них было село Облуковина, ныне уже не существующее. И я не знаю, проживают ли ны-

Толстихин Юрий Феоктистович

нешние потомки Толстихиных на Камчатке или избрали, как многие другие коренные камчадалы, местом постоянного проживания для своей семьи материк?

Возможно, они расскажут о себе сами…

КРЫЖАНОВСКИЕ

Об истории появления этой фамилии на Камчатке нам известно немного. В «Камчатской родословной книге» род Крыжановских начинается с Гавриила Николаевича Крыжановского — зауряд-хорунжего, командира Тигильской дружины в период Русско-японской войны на Камчатке в 1904–1905 гг.

Обратим внимание на следующий факт: «Чин “зауряд-хорунжего” давался вахмистрам и урядникам за боевые отличия. На погонах хорунжего они имели “на верху” погона, поперек его, нашивки того звания, из которого они были произведены в офицерский чин».

Гавриил Николаевич Крыжановский был произведен в этот чин за боевые действия на реке Воямполке, где была уничтожена «хищническая» японская шхуна. Его помощник — Павел Иосифович Юшин — был удостоен за эти же воинские отличия боевой награды – получил Георгиевский крест 4-й степени.

Отцом Гавриила Николаевича, как нам удалось выяснить, был Николай Спиридонович Крыжановский (1790 г.р.), урядник Тигильской казачьей команды, чин которого унаследовал Гаврила Николаевич.

Углубляясь в прошлое, мы обнаруживаем два взаимосвязанных между собой пути появления этой фамилии на Камчатке — якутскую и иркутскую.

А если «копнуть» еще более глубоко, то история рода казаков Крыжановских напрямую связана с Запорожской Сечью — в первой половине XVII века Федор Крыжановский дал начало запорожской ветви генеральной старшины Запорожских казаков Крыжановских. В Генеральную старшину и число полковников войска Малороссийского до 1764 г. входили (по алфавиту): Гоголи, Зеленские, Кравченко, Крыжановские, Мазепа, Максимовичи, Маркевичи, Павлюки.

Полковник Антон Степанович Крыжановский в период гетманства Кирилла. Разумовского (1747–1764 гг.) участвовал в реформе казачьих войск, судебной реформе, программе обязательного обучения казацких детей. В 1775 г. после ликвидации Запорожской Сечи российскими войсками по манифесту Екатерины Великой запорожское войско привел под Одессу Крыжановский, где и основал еще одну малороссийскую Крыжановку. Впоследствии из этих — бывших Запорожских — казаков возникло Черноморское и Кубанское казачество, и Крыжановские служили поколениями в царской армии. Известен генерал Кубанского казачьего войска Федор Григорьевич Крыжановский, который после революции стал председателем Кубанского Правительства.

Сибирские казаки Крыжановские — это бывшие военнопленные черкасы (запорожцы), сражавшиеся на стороне Речи Посполитой вместе с поляками и литвинами (белорусами). В 1661 году в Якутск был сослан Казимерко Крыжановский, которому «велено служить в пеших казаках». Приняв право-

Берестецкая битва. Худ. А. Орльонов. Сражение между армией Речи Посполитой и казацко-крымским войском, 1651 год

Герб Московии

славие (и получив за это денежное вознаграждение в 1665 году), Казимир стал Юрием.

В том же 1665 году Юрий Крыжановский был отправлен в Боргонскую волость, чтобы привлечь к суду якута Боркока, но… сам был жестоко избит якутами.

Это делу чести не помешало — грамотный, смышленый, дерзкий черкашенин быстро продвигался по служебной лестнице и уже в 1667 году будучи в чине сына боярского назначен приказчиком для сбора ясака и на этом поприще он проявил себя в полную свою «силу». Но об этом чуть позже.

Герб Речи Посполитой

В 1666 году в Якутске объявляется еще один «литвин» Крыжановский — Ян, ставший Иваном. «Он в 1655 г. был “взят на бою в Борисове” и в 1662 г. сослан в Якутск “с своею братьею с польскими людьми” служить в детях боярских. Но остался в Енисейске по своей воле, женился на дочери посадского человека и только потом приехал в Якутск вместе с тестем Савкой Казанцом» (Ф.Г. Сафронов).

Сохранился уникальный документ «Отписка якутского воеводы Ивана Приклонского в Сибирский приказ о службе ленского сына боярского Ивана Крыжановского», датированный 1680–1681 годами.

Этот документ интересен не только биографическими, но и историческими подробностями и сведениями о той далекой эпохе, о которой мы сегодня имеем весьма скудное представление. Челобитная состоит из двух совершенно неравных частей. Не равных не по количеству знаков, а по наличию в этих частях достоверной информации.

Итак, часть первая.

«Государю царю и великому князю Федору Алексеевичу… холоп твой Ивашко Приклонской челом бьет. В твоей великого государя царя и великого князя Федора Алексеевича… грамоте писано ко мне холопу твоему: в прошлом де в 188 (1680) году бил челом тебе великому государю и великому князю Федору Алексеевичу… ленской сын боярской Иван Крыжановской: в прошлом де 163-м (1655) году жил он Иван в Польше и взят на бою в Борисове и послан к Москве, а с Москвы послан в Сибирь в Якутцкой, а в Якутцком де велено служить в детех боярских с ево братьею шляхтою, а твоего великого государя жалованья оклад учинен ему малой, денег 10 руб., хлеба 8 четь ржи, овса тож, 3 пуда соли; а в Якутцком де служил он Иван тебе великому государю 25 лет; и во 176-м (1668) году прислана в Сибирь в Якутцкой твоя великого государя грамота, велено их вязней (военнопленных — *С.В.*) взять к Москве и велено им твое великого государя милостивое слово сказать, будет хто из них вязней похочет вечно тебе великому государю служить, и им велено подавать челобитные; и он, Иван, помня кресно целованье и твою великого государя милость, бил челом тебе великому государю в вечное холопство служить по Якутцкому; а которые его братья шляхта били челом тебе великому государю служить в вечное холопство по сибирским городам, и те взысканы твоим государевым жалованьем к окладам их деньгами и хлебом и солью, и годовые оклады учинены большие, а иные де из малых чинов верстаны в дети боярские; а он Иван перед своею братьею оскорблен; и будучи ему в таком дальном безхлебном городе таким малым окладом з женою и з детьми прокормитца не возможно; а детей у него 4 сына, Петрушка 20-ти лет, Васька 14-ти лет, и сын де ево Петрушка послан на твою великого государя службу на Вилюй в 184-м (1676) году для твоего великого государя ясачного сбору, а в твою великого государя службу не поверстаны; да в прошлых де годех посылан он Иван для твоего великого государя ясачного сбору в розные волости и в зимовья, и будучи на твоих великого государя службах в розных ясачных волостях и в зимовьях собрал твоего великого государя ясаку и поминков и воевоцких и дьячьих поминков же с ясачных людей 64 сорока 35 соболей, лисицу чернобурую, 3 лисицы сиводушчатых, 500 лисиц красных, да вновь приискал неясачных якутов 61-го человека, а твоего великого государя ясаку с них взял 30 соболей, 37 лисиц красных; да в прошлом же 188-м (1680) году били челом тебе великому государю ленские ясачные князцы Мазары Бозеков и все ясачные Верховилюйского зимовья якуты, чтоб ему Ивану быть в Верховилюйском зимовье приказным человеком для твоего великого государя ясачного соболиного сбору, а он де Иван служит тебе великому государю многие годы и твою великого государя соболину казны сбирает без недобору и служилых людей и их якутов и тунгусов не обидит и не грабит и налог не чинит; и по твоему великого государя указу велено ему Ивану быть в Верховилюйском зимовье приказным человеком до твоего великого государя указу, и по чему он в том Верховилюйском зимовье служилых людей ведать и твой великого государя ясак збирать с ясачных людей дать ему Ивану в Якуцком наказ; да детям ево Пе-

тру да Василью велеть твою великого государя службу служить по Якутцкому в детех боярских, а твоего великого государя жалованья оклады им учинены на Москве из выбылого умершего ленского сына боярского из Ондреева окладу Булыгина: Петру денег 7 руб, хлеба 6 чети ржи, овса тож, 2 пуда с четью соли, а Василью денег 6 руб., хлеба 5 чети ржи, овса тож, 2 пуда соли; и с теми з денежными и и с хлебными и соляными оклады велено их написать в окладные именные книги и твою великого государя службу служить в Якутцком и твое великого государя денежное и хлебное и соляное жалованье давать им по вся годы по окладом их з детьми боярскими вряд».

Подведем итоги: Иван Крыжановский — замечательный служилый человек, который принес своей новой родине солидный вклад в государственную казну; сын боярский без пороков и изъянов — ни казнокрад, ни грабитель, ни притеснитель малых народов и пользующийся их уважением и доверием. Но это еще и человек, несправедливо обиженный государством, живущий в тяжелых материальных условиях....

Часть вторая. В которой раскрывается иная сущность сына боярского Ивана Крыжановского.

«И в прошлом, великий государь, во 170-м (1662) году по твоему великого государя указу и по грамоте послан он Иван в Якутцкой со своей братьею с польскими людьми, а велено ему в Якутцком быть в детех боярских, и он Иван с своею братьею в Якутцкой во 170-м году не бывал, а жил он Иван в Енисейску по своей воли в посаде и женат был в Енисейску у посацкого человека на дочери. И во 174-м (1666) году он Иван с тестем своим с Савкою казанцом в Якутцкой приехал и писался енисейским посадцким человеком, и в том же 174-м году он Иван в Якутцком с тестем своим Савкою откупил квасную баню и держал за собою на откупу два годы. И во 176-м (1668) по твоему великого государя и по грамоте, что он Иван бил челом тебе великому государю в вечное холопство служить по Якутцкому и приверстан в дети боярские. И во 177-м (1669) году посылан он Иван для ясачного сбору на Маю в Верхнее зимовье, и собрал он Иван твоего великого государя ясаку 9 сороков 5 соболей, а не добрал он Иван твоего великого государя ясаку с ясачных тунгусов, которые были у ясачного платежу, 3-х сороков 7 соболей. Да во 178-м (1670) он же Иван посылан был в Жиганское зимовье для ясачного сбору и собрал твоего великого государя ясаку 9 сороков 33 соболи, а не добрал он Иван в том зимовье на ясачных тунгусах и якутах твоего великого государя ясаку на 178-ой и на прошлые годы дву сороков 26-ти соболей да 24-х лисиц красных; да во 181-м (1673) году он же Иван посылан был зимним путем из Якутцкого для ясачного збору в ясачные в розные волости в Борогонскую и в Дубчинскую и в Успетцкую и в Чиринтейскую и приискал вновь якутов 30 человек, а взял он Иван с тех новоприисканных якутов твоего великого государя ясаку 2 соболи 28 лисиц красных, а не добрал в тех волостях он Иван с ясачных якутов, с кото-

Собранная пушнина в городе Петропавловске-Камчатском, ККМГИ

рых якутов он Иван твой великого государя ясак имал, опричь тех, которых он Иван сыскать не мог, на 181-й и на прошлые годы 27 сороков 8 соболей, за 6 соболей вполы 6 лисиц красных по окладу, 11 лисиц сиводушчатых, 414 лисиц красных; да во 182-м году посылан был он же Иван на Вилюй в Верхнее зимовье для ясачного збору и собрал твоего великого государя ясаку 15 сороков 25 соболей, 50 лисиц красных, а не добрал он Иван в том Вилюйском зимовье твоего великого государя ясаку на ясачных тунгусах и якутах 3 сорока 18 соболей, 10 лисиц красных; да во 184-м (1676) году посылан был он же Иван в Олексинский острожек для ясачного збору и собрал он Иван твоего великого государя ясаку 8 сороков 15 соболей, а не добрал он Иван в том Олекминском острошке твоего великого государя ясаку на ясачных тунгусах и якутах 3 сорока 32 соболя; и будучи он Иван в том Олекминском острожке, вино себя курил. Да во 187-м (1679) году посылан был он же Иван на Вилюй в Среднее зимовье и собрал твоего великого государя ясаку 4 сорока соболей, 338 лисиц красных, а не добрал он Иван твоего великого государя ясаку в том Вилюйском в Среднем зимовье на ясачных тунгусах и якутах на 187-й и на прошлые годы 12 сороков 26 соболей, лисица сиводушчатая, 532 лисицы красных. И будучи он Иван в том Вилюйском зимовьи, вино на себя курил же; и всего он Иван в тех волостях и зимовьях не добрал твоего великого государя ясаку и поминков 52 сорока 37 соболей, за 6 соболей вполы 6 лисиц красных по окладу, 12 лисиц сиводушчатых, 980 лисиц красных. Да он же Иван во 186-м (1678) году, будучи на Чичюйском волоку на приказе, на воеводу на Фому Бибикова и на себя вино курил, и ныне, будучи в Якутцком с твоею великого государя з денежною казною, на Чичюйском вино курил же. И за те ево Ивановы винные куренья по твоему великого государя указу велел я холоп твой на нем Иване доправить пени 40 руб. И я холоп твой по твоему великого государя указу и по грамоте ево Ивана на Вилюй в Верхнее зимовье для твоего великого государя ясачного збору не отпустил для того, что он Иван бил челом тебе великому государю на Москве ложно и сказал, что де он служил тебе великому государю по Якутцкому 25 лет и собрал твой великогго государя ясак с прибылью, и сына своего Василья сказал 14-ти лет; а он Иван в Якутцком служит тебе великому государю 13 лет и в твоем великого государя ясаке учинил великий недобор и сын ево Васька 7-ми лет, а не 14-ти лет и служить тебе великому государю службы сыну ево Ваське за малыми летами некому. Да и для того ево Ивана холоп я твой не отпустил, что он Иван, будучи на твоих великого государя службах, во многих местах вина курил. И о том ево Иванове ложном челобитие и в верстанье сына ево Васьки что ты великий государь царь и великий князь Федор Алексеевич … мне холопу своему укажешь».

И вот какие выводы следуют: от службы многие годы уклонялся, выдавая себя за посадского человека. «План» по сбору ясака систематически не выполнял. И наврал царю о своем четырнадцатилетнем Ваське, которому на самом деле исполнилось лишь семь лет.

Из двадцати пяти лет, действительно, проведенных Яном — Иваном Андреевом сыне Крыжановском (1629 года рождения) в Сибири, он двенадцать лет казачьей службы избегал, занимаясь со своим тестем бизнесом, и потому, попав в плен в 1655 году, «в дети боярские верстан он в пр. во 176 (1668) г. по грам. при окольничем и воеводе при князе Иване Петровиче Борятинском; а оклад ему учинен: ден. 10 руб., хлеба 4 чети с осм. и с полтретником ржи, 4 чети овса, 3 пуда соли; …а к службе у него лошадь, ружья пищаль, сабля,; а по осмотру болезни на нем нет…».

А вот причина «нерадения» Ивана Крыжановского на службе по сбору для царя-батюшки ясака: «При сыске в Якутске тобольского дворянина Ф. Качанова в начале 1690-хгг. выяснилось, что сборщик И.Крижеженовский в воеводство М.О. Кровкова вывез из Удского зимовья только для себя 30 сороков соболей и 2 шубы собольих, а ясаку — всего лишь 5 сороков 13 соболей». Иван Андреевич весьма усердно работал на свою семью.

А сыновей у него, действительно, на ту пору было четверо, позже пятеро: (по данным за 1682 год указаны): Васька 6 лет (1676), Андрюшка 5 лет (1677), Федька 3 лет (1679). А по данным за 1706 год в Якутском казачьем полку во второй пятидесятне служил в казаках Кирила (Кипрюшка) Иванов сын Крыжаноский (1681) — один из «поскребышей» Ивана Андреевича.

Кроме него мы находим в этот же период в Якутске в казачьих именных списках пятидесятника Тихона (уж не Юрьевича ли?) Крыжановского (девятая пятидесятня) и рядового казака Крыжановского Федора Ивановича (пятнадцатая пятидесятня), а в 1748 году — казака Креженевского Максима Андреевича (вероятно, сын Андрея Ивановича, который 29 июня 1691 года верстан в пешую казачью службу, а в 1706 году служил в девятой пятидесятне) и Василия Яковлевича (эта линия нам пока неизвестна, возможно, что это тоже линия Юрьевичей).

Челобитная воеводы Поклонского особой роли не сыграла и никак не отразилась на служебной карьере Крыжановского:

Сбор ясака на Суглане. Худ. Г.Я. Красильников

в 1684–1685 гг. Иван Андреевич собирает ясак по Вилюйскому Верхнему зимовью, а в 1686–1687 — по Охотскому острогу — а это присуд был в те годы самым прибыльным.

Умер Иван Андреевич Крыжановский в Якутске в 1706 году.

Кто-то из историков упомянул, что Казимир и Ян Крыжановские были братьями. По крайней мере, вполне вероятно, что они были из одного шляхетского рода. Но, Юрий (Казимир) Крыжановский был фигурой более крупной в том пушном бизнесе, который процветал в те годы в Якутии.

Вот только список розыскных дел по фактам злоупотреблений властью со стороны сына боярского Юрия Крыжановского.

«Дело о винокурении Петра Ярышкина, Юрия Крыжановского с товарищами на Киренге» (Без даты).

«Дело по извету якутских служилых людей сына боярского Мих. Краснояра и сотника казачьего Лариона Трофимова об обмене соболей из ясачного сбора на собственных соболей низкого качества воеводой Андреем Барнешлевым и сыном боярским Юрием Крыжановским с целью присвоения ясачных соболей».

«Дело по челобитным служилых людей Семена Епишева с товарищами на сына боярского Юрия Крыжановского, отобравшего у них выданное им перед отправкой на службу в Охотский острог жалование в 7184 (1675–1676) г. и отдавшего его в качестве взятки воеводе А.А.Барнешлеву».

А вот и объяснение причин этой алчности со стороны Юрия Крыжановского:

«Государев сыщик Федор Охлопков, посланный в 1665–1666 годах в Восточную Сибирь «всех воевод… неправды и плутости сыскать», выявил, что за назначение ясачными сборщиками якутские воеводы брали с приказчиков по 300 рублей, подьячих и толмачей — по 40 рублей, с рядовых казаков — по 6 рублей. Еще более безотрадную картину обнаружил другой государев сыщик Федор Качанов, приехавший в Якутск в конце XVII века. Оказалось, что взятки за посылки в ясачные волости поднялись до астрономических сумм: от 100 до 1200 рублей. Чем доходнее была «ясачная волость», тем выше был «окуп» (например, Ю. Крыжановский за назначение приказчиком в Охотск дал воеводе А. Барнешлеву 1000 рублей). По подсчетам сыщика, якутские воеводы во второй половине 1660-х годов одного «окупу» от ясачных сборщиков получали до 6–7 тысяч рублей ежегодно, «оприч того, что из волостей приезжают и приносят собольми и иною мягкою рухлядью». За 1694–1699 годы якутские воеводы в общей сложности получили только с приказчиков, по разным подсчетам, от 14 до 17 тысяч рублей».

Чем закончился для Юрия Крыжановского и его сотоварища сына боярского Петра Ярыжкина этот охотский эпизод?

Ведь, понятное дело, похищенное жалованье казаков и собственный денежный долг (по кабальным записям) нужно и можно было вернуть только пушниной – той самой, что идет сверх государственного ясака.

А у Юрия Крыжановского был накоплен уже богатый опыт: «Так, посланный воеводой Барнешлевым в Зашиверский острог — сын боярский Юрий Крыжановский “иноземцам обиды и налоги чинил и приведя к себе во двор иноземцев брал у них лучших соболей по 10, 7 и 6 штук, а меньше пяти не брал”… Он же, “жен и дочерей к себе на постелю у них у ясачных тунгусов, для блуднаго воровства имел” и угрожая кнутами в холопство жен и детей брал и иных крестил своими приметами».

А вот итог: «В 1677 г., в начале декабря, оленные эвены Годниканского рода напали на Охотский острог. Они «пошли валом на приступ, и сына боярского Юрия Крыжановского за острожком во дворе обсадили, и у избы окна выбили, и под стену огня склали, и в казачьи дворишки засели, и из дворишек в острог стрелять учали (начали), и стрел на острог полетело со всех сторон, что комаров». То есть осада велась по всем правилам военной науки. Казаки, видя,что в осаде им не отбиться, и слыша крики командира острога Крыжановского о помощи, несмотря на малолюдство, решили выйти «из острожку на вылазку драться с ними Тунгусами».

Сражение продолжалось с утра и до вечера, когда казаки еле отбились от эвенов. Но снять осаду не удалось. Днем и ночью казаки караулили на башне и стене. Выйти из острога за дровами и за рыбой они не могли, не рискуя быть подстреленными. В такой обстановке Крыжановский обратился за помощью в Якутск к воеводе, чтобы он «наскоро» послал на выручку в Охотский острог казаков, «пороху и свинцу и мушкетов и куяков (доспехи), чтобы нам, сидячи в Охотском, голодною смертию не помереть и побитым не быть». Страдали от этой осады и голода и аманаты, несколько из них померло

Но причину восстания в Якутском воеводстве выяснили довольно быстро. Эвены подали туда многочисленные жалобы с описанием вымогательств и насилия, совершенных командирами Охотского острога Крыжановским, Бибиковым, Пущиным, Ярышкиным. В расспросном листе звена Некруна, например, сообщалось, что Крыжановский, помимо сбора ясака, занимался поборами: «имал де с нас соболи добрые и рыси и парки рысьи и олени, с человека соболи по четыре и по пяти, да и малых де робят у нас всех выискал и велел за них приносити по соболю…». А эвен Тавиканка показал на Крыжановского, что тот взял с него и «родников его… три лисицы черных себе, а не в ясак великому государю». Бибиков при сборе ясака занимался «погромами», а у недоимщиков «…иных носы резал».

1681 год: «В августе, по жалобе приезжих охотских тунгусов — ясачных людей, производилось следствие над бывшими охотскими ясачными сборщиками, боярскими детьми Петром Ярыжкиным и Юрием Крыжановским. Они обвинялись в том, что «воровали, преж великих государей сбору у ясачных людей ясачные соболи добрые и лисицы черные имали себе, и для воровства и перемены, мимо ясачныя избы, ясачных людей с ясачными соболями пущали к себе избы, и у себя в избах соболи добрые выбирая себе имали, и вместо тех добрых соболей давали иноземцам свои худые соболи, и с теми переменными худыми соболями отсылали от себя в ясачную избу, и в том воровстве учинили великого государя в казне великий недобор и в оценке недоценку великую ж, и ясачных людей разоряли и грабили, и налоги и обиды им чинили великие ж, и от того разоренья и грабежу и налог и обид, охотские ясачные тунгусы многих служилых людей побили, и сами великим государем изменили». За это воровство, доказанное следствием, Ярыжкин и Крыжановский в августе «биты на козле кнутом, и в проводку, и животы их все взяты на великих государей» и сосланы с женами и детьми в ссылку в Даурские остроги, в пешую казачью службу «и ни к каким Великих государей делам посылать их не велено».

Оба были сосланы в пешую казачью службу в Баргузинский острог. Но уже через несколько лет Юрий Крыжановский был иркутским сыном боярским и весьма успешно занимался торговлей с Китаем.

У нас нет никаких сведений о семье иркутского сына боярского Юрия Крыжановского, хотя известно, что для службы на Камчатке казаки набирались не только из Якутска, но и из Нерчинска, Селенгинска, Иркутска.

Поэтому вопрос о том, к какой из ветвей — якутской или иркутской — принадлежат камчатские казаки Крыжановские пока остается открытым.

ПАДЕРИНЫ

Это настоящая северная фамилия: Падера — «сильная буря с вихрем, иногда с дождем или снегом»

Первые известия о сибирских землепроходцах Падериных датированы 1632 годом.

«Сотник Петр Бекетов был следующим на Усть-Кутском зимовье. Он прибыл туда

осенью 1630 года с двумя десятками казаков. Дальше своих предшественников поднялся он по Лене, достигнув устья реки Аной, чуть-чуть не дойдя до истока Лены в Байкальском хребте (совсем рядом с Байкалом, еще не известным тогда казакам). Бекетов впервые прошел по верхней Лене с полтысячи верст. Его отряд сошел на берег в бурятской земле, но встретил сопротивление. Построив укрепление, оставил в нем вооруженную группу из девяти казаков во главе с Андреем Дубиной. Сам же спустился до устья реки Куленги. Попытался покорить бурят, кочевавших со своими стадами, по Лено-Ангарскому плато, но встретил такой отпор, что пришлось спешно на бурятских конях ретироваться на верхнюю Лену, за Куленгу, где жили дружелюбные эвенки.

Потом зимовали в устье Куты, а весной отправились вниз по Лене. В том месте, где великая река изворачивается гигантской излучиной, уже осенью 1632 года поставил Бекетов Якутский острог. Место он выбрал неудачно: не учел, что в половодье оно подвержено затоплению. Через десять лет острог перенесли ниже по течению на пятнадцать верст. Там возник город Якутск, сделавшийся на два столетия основной базой дальнейших походов землепроходцев по Восточной Сибири и Дальнему Востоку, к Северному Ледовитому и Тихому океанам.

Девять казаков во главе с Иваном Падериным Бекетов отправил к устью Лены. Они дошли до моря, и Иван Падерин стал первым русским, проплывшим почти по всей Лене — около четырех с половиной тысяч километров».

И самые первые сведения о первооткрывателе Камчатки также связаны с промышленником-землепроходцем Никитой Падерой: «Вместе с промышленным человеком Никитой Падерой хаживал Камчатой на соболиный промысел. Однажды побывали они на притоках Индигирки, которые стали с тех пор называться Падерихой и Камчаткой» (Кусков В. «Камчатские были», Петропавловск-Камчатский, 1970 г., стр. 6).

Самые первые казаки Падерины пришли в Якутск (а затем, возможно, и на Камчатку) из Березова:

«Березовские казаки. Оклад денег пятидесятником по 6 рублев с четью рядовым по 5 рублев с четью да хлеба по 7 чети весом иметьца по 32 пуда по 4 гривенки с полугривенкою против Указу в тобольскую в государеву казенную четь по 4 пуда по 23 гривенки с полугривенкою в четверть да 4 чети овса да пол 2 пуда соли. Павлик Падерин в его место Патрачко Ондреев сын Кайгородец в верхоленском в Братцком острожке»

Впрочем, в 1685 году в списках нерчинских казаков мы находим Дмитрия Паде-

Падерин Николай Иванович

рина — а формирование Камчатского гарнизонного батальона шло именно в тех местах: в Нерчинске и Иркутске, часть служилых людей которого после расформирования батальона остались либо служить на Камчатке, либо стали «военнопоселенцами».

Постоянным местом жительства для казаков Падериных стал Север Камчатки — Гижигинская крепость и бухта барона Корфа.

О том, как жил город Гижигинск в конце XIX – начале XX веков, сообщает в своей «Лоции» известный гидрограф Б.В. Давыдов: «Селение производит унылое впечатление. Дома в большинстве плохие и низкие: многие из них имеют крыши из древесной коры. При домах есть маленькие пристройки, но амбаров мало, а огородов совсем нет. Все постройки сооружены так скверно, что крыши протекают даже в лучших домах, а сквозь щели в стенах зимою наносит снег…».

А этот случай был особым и напрямую связан с нашими героями:

В последнюю зиму девятнадцатого столетия в Гижиге от вспышки кори из шестисот жителей умерло 160 человек. Достаточно подробно ужасы той зимы описал Антон Сильницкий в своих записках.

«В эту зиму, с конца декабря 1899 года и по апрель 1900 года, Гижигинский край посетила эпидемия кори. Эта эпидемия, завезенная из Камчатки торгующим Федором Косыгиным, не страшная в городах, где есть и врачи, и аптеки, и возможность соблюдать различныя предписания врачей относительно диеты и гигиены вообще, приняла в далекой Гижиге угрожающие размеры, и картина бедствия населения от кори, в общем, такова.

Зима 1899–1900 года была в Гижиге лютая, холодная. Пурга свистела неделями. Снегу была такая масса, что всю Гижигу, можно сказать, засыпало снегом, из-под котораго торчали лишь крыши домов, а перед дверями, занесенными сугробами, вырывались в снегу тоннели, которые служили для входа и выхода людей. Болезнь началась 27-го декабря 1899 года, причем первым заболел зауряд-сотник Егор Падерин, который 2-го января 1900 года вследствие осложнений кори отдал Богу душу. Ко дню смерти Падерина, то есть ко 2-му января, из шестисот жителей Гижиги уже заболело до ста человек, а в середине января болезнь приняла такие размеры, что из всех жителей Гижиги здоровых было только восемнадцать человек, а остальные все поголовно заболели. Болели целыя семьи, так что дома оставались неотапливаемыми, ибо некому было сходить за дровами и истопить каминок. Смертность приняла такие размеры, что 12-го января 1900 года в один день умерло четырнадцать человек, а затем не проходило того дня, чтобы не было в Гижиге четырех-восьми смертей. О похоронах покойников не могло быть и речи, ибо некому было копать могил, и трупы умерших сносились отдельные дома, где и складывались в кучу, причем к 9-му марта, когда болезнь приутихла, в трех домах, обитатели которых вымерли поголовно, было сложено 157 трупов. Из этих 157 покойников не все, однако, умерли от кори, а многие, особенно дети, замерзли живыми. Так, например, в семье гижигинскаго казака Беломойнова 10-го января умер глава семьи, сам Беломойнов. Вечером того же дня его жена стала мучиться родами, и ей Бог дал сына, но только появился на свет новый гижигинец, как его мать, ослабленная родами, заболела корью, нашедшей для себя настолько благоприятную почву, что 11-го января к вечеру родильница умерла, а новорожденный так и не дождался следующаго дня: он замерз в ночь с 10-го на 11-е января. Племянник Беломойнова, также больной, 11-го января в полдень, пытался затопить каминок, но он с лучинкой в руках так и свалился у каминка, не успевши его затопить. И вот картина, когда здоровые заглянули в дом Беломойнова: племянник с лучинкой в руках лежит мертвым при входе у каминка, немного дальше лежит мертвый глава семейства, казак Беломойнов, а на кровати лежит мертвая его жена, а с нею рядом, кое-как завернутый в кухлянку лежит новорожденный. Но не вся семья вымерла: на другой кровати маялся без сознания мальчик одиннадцати лет. Его голова горит, а ноги отмерзли (впоследствии этот мальчик все-таки умер, причем причину его смерти гижигинцы объясняют тем, что отмороженныя ноги, не будучи во время ампутированы, повлекли за собою дальнейшия повреждения организма, окончившияся смертью мальчика).

Такая картина, как описанная, имела место во многих семьях, ибо теперь в Гижиге семь домов, обитатели которых вымерли поголовно, а про Беломойнова я разсказал не в виде исключения, а для иллюстрации картины бедствия, постигшаго Гижигу в зиму 1899—1900 годов. Вот при таких-то тяжелых условиях самоотверженно послужили бедствующему населению два лица: помощник начальника Гижигинской округи Анкудинов (бывший начальник округи статский советник Пржевалинский также заболел корью. Он, положим, оправился от этой болезни, но летом 1900 года все-таки умер, причем причина его смерти, как мы слышали, имеет большую связь с корью), бывший помощником Н. Л. Гондатти в Анадырском крае, и г. Янковский, сын нашего конноза-водчика. Эти два лица, будучи в числе во-

Падерин Сергей, «Мэнго»

семнадцати, которых пощадила эпидемия, поработали с конца декабря 1899 года по апрель 1900 года так, как могут работать люди возлюбившее ближняго больше самого себя и готовые отдать ему душу не на словах, а на деле. Они разделили Гижигу на участки и привлекли всех здоровых к уходу за больными, а уход был нужен вот какой. Корь, постигшая Гижигинский край, осложнялась чрезвычайным разстройством желудка, и вот здоровый, подавая помощь больной семье, прежде всего, должен был вынести в покойницкую трупы, затем обмыть больных от экскрементов, затем принести дров, затопить каминок, сварить какую-нибудь еду, а затем уже ухаживать собственно за больным: ставить ему клизмы, компрессы, давать лекарства и прочее. А как много было больных, как много приходилось выносить трупов, обмывать прикованнаго к смертному одру больного необычайным поносом, как вообще трудно приходилось здоровым и, главным образом, Анкудинову и Янковскому, про то говорят цифры, которыя мы вновь повторим: населения шестьсот душ, из них здоровых в самый разгар болезни восемнадцать человек. Число смертей, главным образом за январь — сто шестьдесят человек. Помощи извне ждать было нечего, и гижигинцы обратились к взаимопомощи. Между состоятельными жителями была устроена подписка, которая дала 1300 руб., причем купец Брагин, лежа на смертном одре, нацарапал на подписном листе: “Зертвую тысячу рублей”, а другие — кто сто, кто десять (меньшей суммы нет). Могли подписать что-либо всего девять человек, и они подписали щедро. Собранные 1 300 руб. пошли на дело призрения сирот, которых эпидемия лишила родителей и вообще тех, которые кормили их.

Эпидемия стала ослабевать с середины февраля, а в марте уже стали выпадать по два дня подряд, обходившиеся без случаев смерти, а к концу марта многие повыздоровели, и общи-

ми силами были выкопаны две братских могилы, в которыя и были перенесены сто пятьдесят семь (первые три покойника, умершие в декабре, тогда же и похоронены) покойников, и похоронены, конечно, без гробов. В наружном виде Гижиге остались следы описаннаго бедствия: навесы из-под рыбных вешал остались без крыш, ибо таковыя употреблены на топку каминков, да семь домов стоят заколоченными: их обитатели умерли все до единаго и покоятся в общей братской могиле… Много осталось сирот, много таких, у которых в нетопленной несколько дней подряд хате при температуре до минус сорока восьми градусов по Реомюру отмерзли ноги, руки, нос… Следы эпидемии, словом, были заметны и в мою бытность в Гижиге спустя полтора года. Много лет пройдет, когда гижигинцы станут забывать постигшее их бедствие, но, полагаем, не забудут они Анкудинова, Янковскаго и других гижигинцев, которые в дни бедствия поработали, как истинные христиане.

Свирепствовала корь и среди гижигинских, анадырских и, частию, охотских инородцев, много их умерло, но сколько именно и как, вообще, протекала эпидемия в инородческих стойбищах — про то знает один лишь Всеведущий Бог».

А вот и продолжение этой истории:

«Я позволил взять из Гижиги на свою личную ответственность мальчика, казачьего сына Ивана Падерина 11 лет, дабы выработать из этого мальчика будущего интеллигента Гижиги, которому были бы дороги интересы его далекой и бедствующей родины. Этого мальчика мне удалось определить в приготовительный класс хабаровского реального училища. Падерин учится не дурно, хотя, конечно, и не блестяще, ибо он до приезда в Хабаровск кроме тундры да пустынного гористого взморья его далекой родины ничего не видал, и даже те многие понятия, которые упоминаются в детских книжках для чтения, Падерину совершенно неизвестны. Вывозя Падерина из Гижиги, я далек был от мысли благодетельствовать этого мальчика, но я считал и считаю его тем орудием, при помощи которого с течением времени можно будет воздействовать на быт и экономическое благосостояние Гижигинского края. Падерин, по моему мнению, имеет право на благотворительность правительства: его дед и отец, природные гижигинские казаки, непрерывно прослужили Великому Государю 102 года, прослужили верой и правдой, получая за свою службу всего 36 руб. в год, да солдатский паек. Исходя из этого положения, я рассчитываю, что начальство хабаровского реального училища окажет свою милость и вывезенному мною из Гижиги малолетнему казаку, наряду с теми учениками, которые пользуются щедротами правительства за службу их отцов». (Сильницкий А.П.)

А это из воспоминаний писателя-миссионера, впоследствии епископа Камчатского, Нестора (Анисимова):

«Вместе с коряками на ездовых собаках я отправился с Чукотки в селение Гижигу. Когда большая часть пути нами была пройдена и до Гижиги оставалось ехать около пяти часов, я, с согласия моих спутников-эвенов, отдал все, что было у нас съестного и для людей, и для собак, обитателям одной из последних юрт на нашем пути: ведь приближались к своему дому, где все есть. Стояла ясная, тихая погода, не предвещавшая ничего опасного для нашего последнего небольшого перехода.

Но неожиданно для нас начался снег с ветром, перешедший в неистовый буран; вскоре нас занесло так, что не стало видно ни зги. Собаки поджали хвосты и остановились, залепленные снегом, жутко завывая. Мы сперва не теряли бодрого расположения духа, так как были уверены в том, что буран к утру пройдет и мы тронемся в дальнейший путь на Гижигу. Но… пришлось просидеть на месте восемь суток!

И люди и собаки страдали от голода. Сначала коряки строгали тонкую стружку дерева “тальник” — “яый” и ели, но это нисколько не утоляло голод. Древесная стружка со снегом не могла быть нормальным питанием. Тогда эвены начали убивать наиболее истощенных из своих ездовых собак. Это была единственная возможность спасти остаток собак от голода, да и эвены жадно ели сырое мясо. Они уговаривали и меня есть собаку, но я предпочел жевать нерпичий ремень с отвратительным запахом жира, хотя это нисколько не утоляло голод. Только отчаяние вынуждало меня пытаться насытиться таким способом.

На исходе пятого дня нашего сидения под снегом неожиданно блеснул светлый луч спасения. Оставшиеся в живых собаки выбрались из-под снега и радостно, весело завыли хором. Мы объяснили это тем, что либо медведь близко, либо иной зверь, не ожидая ничего другого во время бурана.

Но вдруг к нам подъехали две собачьи нарты, и находившиеся при мне эвены закричали:

— Приехал Ванька, казак Падерин! Потеряв от голода самообладание, я выбрался из-под снега и взмолился, обращаясь к приехавшему казаку:

— Дай, Христа ради, хлеба!

Казак степенно улыбнулся и сказал:

— Погоди, батюшка, прежде благослови меня… я ведь с тобой два года не встречался. Благослови, а уж потом я тебе хлебушка дам.

Русский священник в рясе из оленьей шкуры, Гижига. Раскрашенное фото

Но в этот момент смертельной опасности от голода я забыл слова Христовой истины: не о едином хлебе человек жив будет, но всяким Божиим словом, исходящим из уст Его (Мф. 4, 4).

И я страдальчески продолжал просить:

— Нет, дай хлеба!..

После того, как я, опомнившись, благословил Падерина, с его помощью была укреплена нартами палатка, куда меня с опухшими ногами втащили к костру. Мы были накормлены похлебкой с юколой, хлебом и чаем. Падерин растер мои окоченевшие больные ноги, чем значительно облегчил страдания.

Наше вынужденное сидение под снегом продолжалось с 24 января по 1 февраля. А 31 января я, собравшись с силами, полулежа в брезентовом плаще, отслужил благодарственный молебен о нашем спасении, при этом казак Падерин был певчим. После богослужения и искренней молитвы мы все как-то преобразились: настроение было светлое, радостное, праздничное, бодрое. Я, благодарный Падерину за спасение, восхищался его самоотверженностью и недоумевал, как он мог в такой буран подъехать к нам.

Как выяснилось, Падерин со своими спутниками ехал из Гижигинска. Ураган застиг его недалеко от нас, а так как ветер был для них попутный, собаки, на которых они ехали, учуяли близость нашего месторасположения и, напрягая силы, притащили своих седоков к нам. Мы вместе пробыли еще трое суток, и я искренно говорил, что в этой сооруженной общими силами палатке согласен остаться на все время. Затем наступила ясная погода, и мы двинулись дальше».

А вот и самая первая встреча Нестора в Гижигинске: «Свое служение я начал в Гижиге, севернее Камчатского полуострова, у берегов Охотского моря. Это небольшое, но по Камчатским масштабам очень важное селение на реке Гижиге стало центром моей первоначальной миссионерской деятельности. С большими трудностями добирался я туда. С парохода пересел на катер и миль 20 проплыл в открытом море, а потом по реке Гижиге поднимался бечевой. Лодку тянули собаки. Затем я пересел на полудикую лошадь. Летом в Камчатской области местами передвижение возможно только на лодках или верхом на лошади. Зимой лошадей отпускали в тундру на подножный корм, а весной их приходилось ловить арканами и снова приручать.

На другой же день после прибытия в глухое селение пришел ко мне камчадал и радостно произнес:

— Наконец у нас свой свясенник! Батюска, я просу тебя, доделай мой бабе ребенка!

Недоумевая, я стал возражать. Но он в ответ выразил недовольство: «Какой же ты батюска, если не знаесь своей обязанности», — и уже в гневе повторил свою просьбу и в заключение сказал:

— Такого батюску нам не надо!

На мое счастье наш разговор услышала старушка, жена камчатского казака Падерина, у которых я остановился, и пояснила:

— Не сердитесь, батюшка, этот камчадал по своему понятию просит вас о следующем: из-за долгого отсутствия священника родившийся в его семье ребенок был окрещен повивальной бабкой с наречением ему имени, а ваш приезд обрадовал его, он просит вас завершить крещение младенца миропомазанием…

Второй подобный случай меня уже кое-чему научил. Один из камчадалов обратился как-то ко мне:

— Батюшка, дай моей бабе сорок!

Я уже понял, что он просит в сороковой день дать матери младенца положенную молитву. Впоследствии я научился их понимать».

История сохранила несколько имен Иванов Падериных:

Падерин Иван Степанович (1887), Охотско-Эвенский р-н, с. Гижига, ДВК. Арест: 933.12.09, камчадал. Безработный, житель: Охотско-Эвенский р-н, с. Гижига, ДВК.

Арест: 1933.04.07. Арест. Охотско-Колымским ПО ОГПУ. Осужд. 1933.12.05 тройка при ПП ОГПУ по ДВК. Обв. по ст. 58-6 УК РСФСР. Расстр. 1933.12.09. Место расстрела: г. Николаевск-на-Амуре. Реаб. 1989.10.18 по заключению Военной прокуратуры КДВО, основание: по Указу ПВС СССР от 1989.01.16 (Книга памяти Хабаровского края).

Правда, на сайте «Камчадалы.ру» появилось сообщение еще об одном Иване Падерине: «Я, Алла Ивановна (по отцу Падерина), мне 60 лет. По просьбе моей внучки я пишу историю семьи. Но вот по линии отца у меня совсем нет данных о родне. Его звали Падерин Иван Иванович. Год рождения примерно 1900–1915. В 1946–1949 г. был на Украине, Кривой Рог. Единственное, что еще мне помнится — улыбка. На Камчатке у него было 20 пар ездовых собак. Так как многие боятся просьб о помощи, то сразу оговорюсь, что мне ничего и ни от кого не нужно. Я вполне себе живу хорошо. Заранее благодарна за внимание».

В 1907 г. в Гижиге служили Степан Георгиевич (Егорович) Падерин, управляющий Гижигинской казачьей командой, хорунжий, и Иван Георгиевич Падерин, его брат, казачий пятидесятник (возможно, Иван Георгиевич, отец Ивана Ивановича Падерина, которого разыскивает его дочь Алла Ивановна).

В 1930-е — «расстрельные» — годы не стало еще одного Ивана Падерина:

Падерин Иван Александрович, 1901 г. р., место рождения: ДВК, русский, арестован в 1935 г., осудивший орган: Тройка УНКВД по ДС, осужден 21.04.1938, статья: 58, расстрелян 16.06.1938, реабилитирован 14.06.1989, (Книга памяти Магаданской обл.).

Как и других Падериных:

Падерин Ефим Александрович, 1892 г. р., место рождения: ДВК, русский, арестован в 1938 г., осудивший орган: Тройка УНКВД по ДС, осужден 21.04.1938, статья: 58, расстрелян 16.06.1938, реабилитирован 14.06.1989

Падерин Григорий Дейча, (1881), Камчатская обл., Гижигинский (Пенжинского) р-н, с. Гижига, арестован 1937.12.22, русский, образование: сельская школа, б/п, работал в своем хозяйстве., житель: нац. окр., Анадырский р-н, с.Усть-Белая, Чукотского. Арест: 1937.09.21. Осужд. 1937.11.28 тройка при УНКВД по ДВК. Обв. без предъявления обвинения. Расстр. 1937.12.22. Реаб. 1989.06.20. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл. (База данных о жертвах репрессий Камчатской обл.).

Конечно же, вы обратили внимание на необычное отчество Григория Падерина.

И вот что еще мы находим в старых документах: Падерин Дей Андреевич, писарь, 1812, 30 лет, Нижнекамчатск (РГИА ДВ, ф. 109, оп. 2, д. 4).

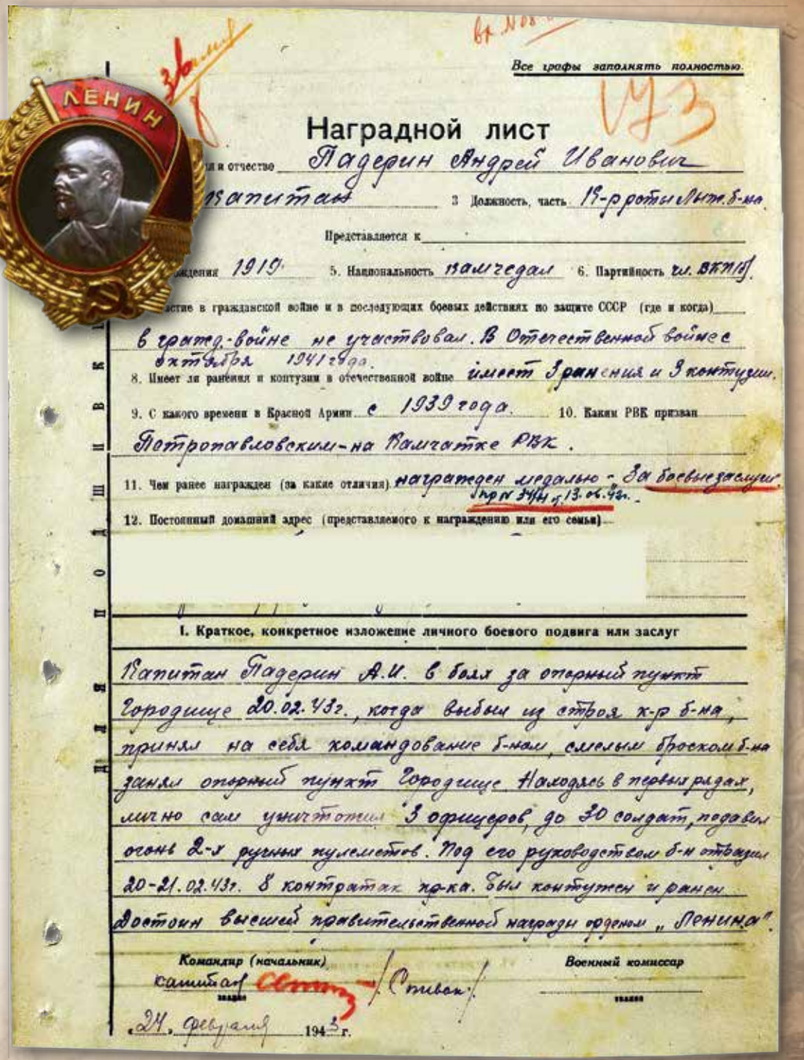
И становится понятным, что только имя Дей могло образовать такое необычное отчество — Дейча, а Падерины в свое время служили не только на севере Камчатки.

Но Дей — это не только необычное имя, но и сама история, связанная с этим именем и историей рода гижигинских казаков Падериных, тоже совершенно необычна.

В документах за 1856 год в графе «Из какого состояния» — то есть история происхождения — у гижигинского пятидесятника Егора Падерина записано «из военно-поселенческих детей». Хотя в другом документе — «из обер-офицерских детей».

И это не случайно. Такая же запись — «из военно-поселенческих детей» — есть только у одного камчатского казака — Иева (Иова) Константинова.

Как правило, если казак низкого происхождения — не

Падерина Анна Мефодьевна

из обер-офицерских или унтер-офицерских детей — то у него в обычной жизни (исключающей военные подвиги) не было никакой перспективы продвинуться по карьерной лестнице: казачьи чины передавались по наследству.

А Падерин Дей Дмитриевич был обер-офицером: писарь Камчатского гарнизонного батальона в Нижнекамчатске в 1812 г.; Петропавловский порт, 1835 г., казначей, титулярный советник.

Егора Деевича Падерина в 1822 году и звали... Егор Дмитриевич Константинов — он приходился родным братом казаку Иову Дмитриевичу Константинову. Их отец — Константинов Дмитрий Семенович (1772 г. р.) после расформирования Камчатского гарнизонного батальона в 1813 году остался на Камчатке в качестве военнопоселенца. У него было пять детей — Иов (1816), Ксения (1818), Лев (1820), Егор и Прокопий (1828). Отцу — Дмитрию Семеновичу — было тогда уже под 60 лет.

Причину усыновления одного из Константиновых и почему Деем Дмитриевичем Падериным был выбран именно Егор, мы уже, вероятно, никогда не узнаем.

Но факт этого усыновления известен, и он, безусловно, изменил судьбу этой — военнопоселенческой — ветви рода Константиновых, так как теперь Егор Деевич был уже сыном обер-офицера и, соответственно, по служебной линии продвигался совершенно другими темпами.

И вот его послужной список: произведен в урядники 30 марта 1852 г.; 2 июня 1852 г. произведен в пятидесятники. На тендере «Камчадал» в 1853 году отправлен в Гижигу, с 25 июня 1864 г., управляющий Гижигинской казачьей командой, зауряд-хорунжий.

В 1856 году у них с женой Елизаветой Александровной было четверо детей: Дей (1844), Анастасия (1847), Степан (1849, впоследствии хорунжий), Андрей (1855). В 1858 году родился Иван Егорович, впоследствии гижигинский пятидесятник. В 1860 — Николай, а в 1863 — Александр.

То есть все камчатские Падерины, как мы теперь знаем, из одного родового гнезда.

Но история на этом не завершается. В годы Великой Отечественной войны многочисленными боевыми наградами были отмечены подвиги потомка казаков Падериных-Константиновых Андрея Падерина.

И вот его первая награда — медаль «За боевые заслуги», врученная старшему лейтенанту, командиру взвода пешей разведки Андрею Ивановичу Падерину 13 июня 1942 года.

«Тов. Падерин вступил в бой командиром взвода пешей разведки. С первых же дней боев тов. Падерин проявил героизм, смелость и отвагу. Тов. Падерин со своим взводом 16 раз ходил в разведку принося ценные донесения и без единой потери возвращался в часть. Во время боев тов. Падерин сам лично уничтожил до 40 фашистов, броском гранаты вывел из строя расчет ручного пулемета и захватил его. Во время разведки тов. Падерин часто попадал в окружение, но выходил без единой потери, уничтожив при этом до 10 фашистов. В бою под селом Черемошна т. Падерину было поручено командовать ротой. С этой задачей тов. Падерин справился на отлично. 8.2.42 г. тов. Падерин со своим взводом вступил в бой против 80 немцев. В этой схватке тов. Падерин уничтожил огневую точку противника. По выздоровлении после контузии т. Падерин был выдвинут на должность заместителя командира батальона».

15 марта 1943 года капитану Падерину вручена очередная награда — орден Красной Звезды (своим командиром он был представлен к награждению орденом Ленина).

«Капитан Падерин А.И. в боях за опорный пункт Городище 20.02.43 г., когда выбыл из строя к-р б-на, принял на себя командование б-ном, смелым броском б-на занял опорный пункт Городище. Находясь в первых рядах, лично сам уничтожил 3 офицеров, до 30 солдат, подавил огонь 2-х руч-

ных пулеметов. Под его руководством б-н отразил 20-21.02.43 г. 8 контратак пр-ка. Был контужен и ранен».

6 апреля 1985 года ветеран Великой Отечественной войны Андрей Иванович Падерин был представлен к награждению орденом Отечественной войны I-ой степени.

УДАЧИНЫ

История камчатских крестьян весьма и весьма занимательная. Удивительно, но Степан Петрович Крашенинников ни слова не говорит о камчатских крестьянах, хотя другие историки пишут о том, что они прибыли примерно в эти же годы с реки Лены из Илимского края.

Карл фон Дитмар, чиновник по особым поручениям при губернаторе Камчатки В.С. Завойко во время одного из своих путешествий по Камчатке побывал в селении Ключи и встретился здесь с одним из самых старых жителей этого поселения.

И вот какую историю рассказал ему потомок вологодского купца-промышленника (он умер от цинги на одном из островов Алеутской гряды, будучи участником Секретной правительственной экспедиции Креницына-Левашева) и дочки камчатского казака и коренной камчадалки Алексей Иванович Удачин:

«Особенно интересно было для меня знакомство с одним очень старым жителем Ключей, более чем 90-летним крестьянином Удачиным, воспоминания которого уходили в очень давнее время. Отец его родился в Вологде и уже лет через 25 после Атласова поселился в Камчатке, где умер от оспы в 1768 [г.], именно в ту страшно опустошительную эпидемию, которая и теперь еще играет очень важную роль в летоисчислении камчадалов. Сам Удачин родился около 1760 г. в Нижнекамчатске. К сожалению, его воспоминания были очень сбивчивы и, главным образом, вертелись около второстепенных мелочей, так что, в сущности, почерпнуть из них можно было лишь очень мало. Но общий характер старины, все страшные неистовства казаков по отношению к камчадалам старик передавал очень живо и вполне согласно с историческими памятниками. Сущность его рассказов сводится к следующему. Удачин подтвердил известия Миллера и Крашенинникова о большом восстании камчадалов в 1731 г. Он рассказывал, как многочисленные толпы камчадалов, особенно же ключевские и еловские, под предводительством своего героя Харчина напали на русских вечером Ильина дня и перерезали их, как те же камчадалы хитростью захватили и сожгли поселение казаков пониже Ключей, тогда

Летописец истории родов камчадалов долины реки Камчатка Виктор Николаевич Чекмарев с супругой Людмилой Николаевной из рода Удачиных

населенных исключительно камчадалами и составлявших старинную, пользовавшуюся большой славой деревню их, как далее они подвергли той же участи Нижнекамчатский острог. Спасся только один русский, доставивший печальную весть на суда, собравшиеся у устья реки Камчатки для похода против чукчей. Команда с судов поспешно направилась в Ключи, и после ряда кровавых битв русские взяли вверх. Спустя несколько лет из Якутска прибыл полковник Василий Мерлин с множеством солдат и произвел страшно строгий суд над камчадалами и казаками, предав смертной казни множество тех и других. Дед Удачина с материнской стороны, приобретший печальную известность казак Никифор Колыгов, также был приговорен к смертной казни, но откупился несколькими соболями.

После подавления бунта все камчадалы были прогнаны из Ключей и переселены в Козыревск, находящийся выше по реке. **В Ключах же водворились русские, частью из Нижнекамчатска, а еще более с берегов Лены, так что с 1740 года это чисто русская деревня.** Нижнекамчатск был также немедленно восстановлен, но не на прежнем месте, а немного ниже по реке, где стоит и теперь, т. е. при впадении Ратуги в Камчатку. Удачин еще очень хорошо помнил новопостроенную крепость. Поселение было окружено очень прочным частоколом с воротами и дверьми, в амбразурах были поставлены пушки, и вообще крепость была сильно укреплена. Старая крепость, по словам Удачина, также была очень сильна и взята лишь хитростью. Камчадалы зажгли один из домов в предместье, и русские, ничего не подозревая, выбежали из крепости тушить пожар. Камчадалы воспользовались этим моментом, в большом числе вышли из засады, напали на русских, перебили их и сожгли деревянное укрепление. В нововыстроенном остроге стояли Успенский собор, Приказ, госпиталь, казарма, дом начальника и еще некоторые другие дома; собственно же частные дома, Никольская церковь и два гостиных двора находились впереди крепости. Торговля здесь процветала, и все товары можно было достать очень дешево. Вообще, благодаря прежде гораздо более многочисленному населению, во всей стране было больше оживления, между тем как теперь она представляется совершенно мертвой. Прежде было также значительно больше и более ценного пушного зверя, а потому сюда притекало больше денег и товаров.

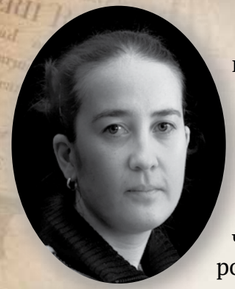
Камчадалы прежде были гораздо более самоуверенны, чем теперь, и нередко в борьбе с русскими обнаруживали черты большой храбрости и самоотвержения. Вооруженные одним холодным оружием, они мужественно выступали против огнестрельного оружия русских, стремясь освободить свою родину от владычества казаков.

По мнению Удачина, камчадалы почти вполне сохранили свою внешность, нравы, обычаи и привычки. Изменилось у них немногое: так, русская изба вытеснила юрту, а христианство — поклонение Кутхе. Последнее изменение, однако, чисто внешнее, потому что у них еще вполне процветают суеверия. Ворон и поныне остается птицею, посвященной Кутхе; и теперь еще, в важных случаях, камчадалы прибегают к шаманству, хотя, боясь священника, делают это под большим секретом. На севере, у оседлых коряков, у укинцев, паланцев и олюторцев, вполне открыто еще соблюдается старая вера. Камчадалы нередко отправляются туда, чтобы испросить совета и помощи у тамошних шаманов.

Наконец, Удачин рассказал мне легенду, заслуживающую внимания по некоторым чертам сходства с библейским рассказом о потопе. По этой легенде Камчатка в глубокой древности была залита большим наводнением. Жители ее выстроили себе громадный плот, на котором и спаслись. Впоследствии, после стока воды, плот остановился на вершине хребта Тимаска и остался там. Много лет после того на горе еще были видны обломки этого плота.

Много лет спустя после Мерлина, рассказывал далее Удачин, Правительство перевело из Сибири в Камчатку несколько батальонов солдат под командой генерала Сомова и расквартировало их главным образом в Нижне- и Верхнекамчатске. Самыми населенными и большими камчадальскими деревнями (острогами) по реке Камчатке в то время были Машура и Хапича. Население Хапичи, находившейся между Ключами и Камакой, совершенно вымерло в 1768 г. во время страшной эпидемии оспы, и с той поры этот острог более не существует. На восточном берегу полуострова самыми большими камчадальскими оострогами были Кроноки и Чажма, ныне также совершенно вымершие и безлюдные местности. Такая судьба постигла, впрочем, все поселения восточного берега, от самого южного конца до устья реки Камчатки».

Когда-то под впечатлением книг по истории Камчатки, сказок и мифов народов Севера, и я, будучи еще девятиклассником, написал «Легенду о Ключевской сопке», которая впервые была опубликована в усть-камчатской районной газете «Ленинский путь», а впоследствии вошла в очерк о ключевских крестьянах Удачиных, опубликованной уже в моей книге «Потомки остроклювого бога (Камчадалы).

Камчатская поэтесса Жанна Германович, которая живет в Ключах, — облекла эту легенду в самостоятельную поэму об утверждении Любви: ведь мамками всех русских старожилов Камчатки были коренные камчадалки или их дочери и внучки, рожденные в смешанных браках.

ЛЕГЕНДА О КЛЮЧЕВСКОЙ СОПКЕ

По мотивам одноименной легенды С. Вахрина

Часть первая

I

Янтарь истории по праву
Оберегают Листвяги.
Как учинил тойон расправу
Обскажут сляча, топляки.

Игрою искр восстанет древность,
Возжжет фантомы костерок.
И хороводы барельефов
Вплывут в казацкий острожок.

Предстанут горе-персонажи
Не нами привранных легенд,
И опадут личины сажей
В изгибы черно-белых лент.

II

Долина слухами богата,
Как незабудками елань.
Бурлят ключи: «Явилась Атхлах!
Лицом — Венера, станом — лань!»

Шаман сзывает ительменов:
«Гласит пророчество: младой
Прослыть супругою Кыена
И пасть от злобы. Удостой

Потомка племени Медведя
Взаимностью и да узрят,
Как усмиряет норов зверя
Любви знамение — дунат».

Сплетают прочно судьбы духи,
Ведет возлюбленных Арктур.
Но войско туч, свинцом гнетущих,
Видать на подступах… вприщур.

III

Кыен из гордых ительменов,
Хитер, отважен, сердцем чист.
Но росс коварен! Покумекав:
«Ясак безбожникам влачить!»

В остроге житие вольготно:
Казаки молятся «доскам»,
Взимают дань, не чтут охоту,
Лупцуют спины смельчакам.

Худ. В. Соколов-Ширшов

«Своим» и нарекли тойона:
Угодник Ашх — торговых дел
Заправский мастер, неуклонно
Пушниной и копейкой богател.

Взрастил сынов, царит в угодьях,
Стращать сородичей мастак:
«Запретны земли! Чур! Не скрою:
Гамулы в озерцах-бадьях

Трапезничают. Своеволья
Не дозволяют духи гор!
Довольствуйтесь, бедняги, хворью,
Казачьей дулей да ярмом!»

День ото дня одолевают
Кыена мыслей табуны.
Приметам счет — неурожаю
Случиться. Опустошены…

IV

Ясачный сбор прожорлив: властью
Припомнены долги дедов.
Христианин припал к распятью…
Кыен клянет временщиков!

Испив отвар целебной чаги,
Пустился паря промышлять
(мехами славилась Камчатка).
Таится зверь. За пядью пядь…

Не пособляет перенога,
Сковал тайгу зловредник-лед.
Не сыщешь живность. Лишь крестовка
Трофеем (пагуба грядет…).

V

Смекнул охотник: «Вождь недаром
Побаски выдумал травить.
Я сыт отменно этим фарсом!»
Сбирается осуществить

Поверку. Сыновья тойона
С добычей знатною не раз
Вертались… Челядь удивленно:
«Знать, духи почитают вас!»

Упряжка мчит Кыена, вскоре
Проглянут пышные леса.
Затмилось солнце. Ливень хвои.
Крестом мелькнувшая лиса….

Супружница обряд свершает:
Не шьет, не стряпает, жилье
Не прибрано. Грусть малахаем
Виски сдавила. Слезы льет…

VI

В то время как… Кыен достигнул
Предел, поправ табу вождя,
Пейзаж мистический возникнул,
А жителями – соболя!

Божеств умилостивил танцем.
Разверзлась бездна, и Туил –
Подземных бурь виновник, агнцем
Козейе юколы спросил:

«За щедроту, Кыен, охотно
Дремотой сопок отплачу!»
Светил трепещутся полотна.
Аборигены Кутха чтут.

Спешить не думает охотник,
Усердно юрту мастерит.
Ни сырь, ни хлад, ни гвалт вороний –
Ей нипочем! Освоен шифр –

Влекут следы, кишит добыча.
Восторгом опьянен Кыен:
«Зверья, как в неводе чавычи!
А юрта – оберег, кремень!»

VII

Кручина овладела парей,
Зовет родимый очажок.
(В остроге толки тарабарят…)
Разлукой с Атхлах изнемог.

Добытчика жена встречает,
Из яств: соленка, тульч… Чайка
С устатку. Счастье распирает:
«Провел вождя наверняка!

Задобрил духов, юрту сладил.
Долги погасим, заживем!
И не останемся внакладе».
Не тут-то было… Ашх-тойон

Прознал о дерзости Кыена,
Топочет, брызгает слюной:
«Как ты осмелился, блаженный,
Попрать запрет?! Так в летний зной

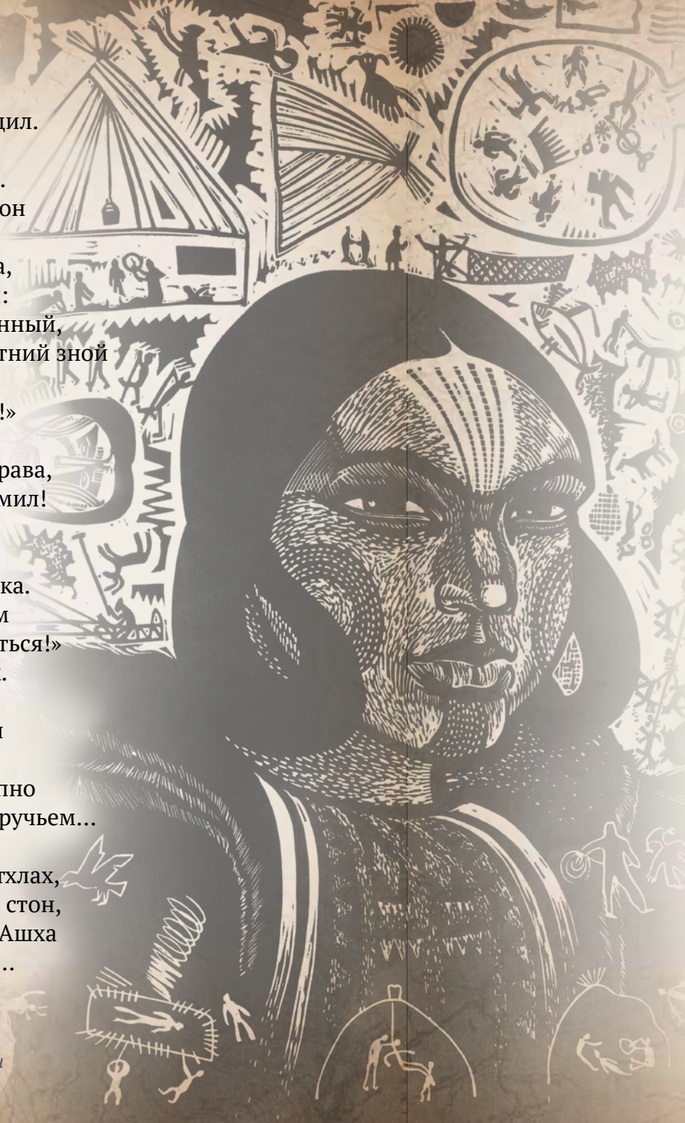
Вознагражу тебя по праву!»
И злобу в сердце затаил…
Для злоречивых смех – отрава,
Смеется Атхлах! Ашх – немил!

VIII

Лососем полнится Камчатка.
«Чавычу видел! – голоском
Пичуга. – Просим столоваться!»
Медведи лакомятся впрок.

Кыен рыбешку в балаганы
И в ледники. И воздает
Хвалу природе. Как внезапно
Вонзился дротик, кровь – ручьем…

Пал ительмен! Из юрты Атхлах,
Заслышав сердцем сердца стон,
К любимому… Но местью Ашха
Поражена! Лес осквернен…

Худ. В.И. Зорин

IX

Отмстил тойон (сбылось предвестье)
Руками подлецов-сынов.
Слагают ительмены песни
Длиною в жизнь…
А жизнь — любовь!

Часть вторая

I

Средь русских и аборигенов
Случались распри. Спасены
Предания, не выцвели легенды,
Звучат напевы старины.

Манит поныне и чарует
Камчатка пламенем судеб.
Поэты образы врачуют,
Графит истории окреп.

Шаманы ведают, что души
Бессмертны, и как знать,
В потомках возродятся предки,
И солнцу бубном воссиять!

II

Отцовским мужеством взлелеян
Охотник Ильпх. Твердит молва:
«Наследник нищего семейства!»
Не знает скромность хвастовства.

Застенчив, богатырской силой
Не наделен. Красноречив.
Средь русских – «ительмен-чудила».
Злословье – заросли крапив.

В остроге важничал приказчик:
«Дочурка Любушка — краса!
Не счесть руки ее просящих.
Очей пленяет бирюза!»

Не ведал он, что Ильпх с Любовью
Мерцаньем звезд обручены.
Тоскливо пенье горловое.
Подсказки посылают сны…

III

Приказчик в новолунье вздумал
В Якутске выдать замуж дочь
За сына воеводы. Шумно
В остроге: «Голодранец, прочь!

Ни рухлядью тебе, ни златом
Не вымолить ее руки.
Отведай кнут! Я дочь просватал!»
Стегают Ильпха казаки…

Взмолилась Любушка, но тщетно…
Влепил пощечину отец!
Упряжка мчится в лес запретный
От всех, от всех…

IV

Нехитрый скарб вместила нарта,
Собак торопят беглецы.
Звенит капель, средина марта,
В речушках плещутся гольцы.

Обманчив лед… Вмиг поглотила
Упряжку бездна полыньи.
Ильпх борется, теряет силы…
Приют завидела вблизи

Любимая. Спасеньем юрта
Возникла – колдовство легенд!
(Кыену слава! Слава мудрым!)
Дровишек уйма в очаге.

Напрасны Любушки старанья,
Почил драгой… Охапки дров
В огонь безумная бросает,
А вслед себя, любовь и кров…

V

Не кануть в Лету персонажам,
Не погасить огонь любви!
С тех пор на месте юрты стражем
Пылает сопка и скорбит.

Ключевская сопка, М. Безуглый, @bezumax

Прошли столетия с той героической поры, когда русские промышленники и казаки, преодолевая просторы Тихого океана, осваивали Русскую Америку. Да и Русская Америка давно уже не Русская… И коренные камчадалы потеряли в одночасье свой национальный статус древнейших рыбоедов, который с огромнейшим трудом пытаются восстановить, чтобы получить доступ к рыбе, как основе своего этнического и биологического существования.

И снова хранителем памяти о коренной Камчатке выступает род Удачиных.

Муж Людмилы Николаевны, в девичестве Удачиной, Виктор Николаевич Чекмарев, увлекшись историей своей семьи, изложенной мной в том самом очерке «Удачины», который был опубликован в книге «Потомки остроклювого бога (Камчадалы)», стал по крупицам восстанавливать родословное древо своей семьи.

Но за двести с лишним лет существования рода Удачиных на Камчатке его представители через брачные союзы влились в единую семью камчатских народов, которые являются по отношению друг к другу, если не ближними, то дальними родственниками обязательно.

Виктор Николаевич сначала прошел по ближнему кругу родственников, большинство из которых состояло в браках с людьми, которые приехали в Ключи уже в советское время и являются представителями всей многонациональной России.

А вот дальний, дореволюционный, круг родственников Удачиных открывал географические просторы Камчатки — невест привозили в Ключи как с ближних (окрестных) сел, так и издалека.

Конечно, первой из ключевских фамилий, представленных в списках родственников была фамилия крестьян Ушаковых. И, вполне вероятно, это первоначально была казачья фамилия.

А вот Рыковы и Кречетовы, вполне вероятно, прибыли с верховий реки Лены в качестве крестьян-переселенцев. Эти два рода были настолько многочисленными, что впоследствии стали не только основателями ключевских выселок — селения Кресты, но и пополнили состав камчадальского населения окрестных сел Ушков и Козыревска. Что интересно, когда их переселяли в камчадальские села, то записывали в камчадалы, а когда они возвращались в Ключи, то снова становились крестьянами. При царе-батюшке на Камчатке не было национальной проблемы — все чиновники прекрасно понимали, что существует единая камчатская семья народов, где русские и камчадалы являются родственниками и от перемены места обитания их на-

циональная сущность не меняется, ибо все они — камчадалы.

Это только советские этнографы внесли сумятицу и создали неразрешимую проблему, когда в 1926 году все коренное и старожильческое население Камчатки «подмели под одну метлу», сделав русскими…

Юрьевы — это уже, по всей видимости, другая история — дети-сироты солдатской семьи из Камчатского гарнизонного батальона, прибывшего из Иркутска: в 1812 году в Нижнекамчатске среди воспитанников отделения императорского военно-сиротского дома Камчатского гарнизонного батальона были братья Юрьевы — Петр Васильевич (11 лет) и Семен Васильевич (16 лет). По документам, относящимся к 1806 году, проходит и Степан Юрьев, тоже из города Нижнекамчатск. Это был Юрьев Степан Васильевич (1789) — впоследствии гренадер Камчатского гарнизонного батальона, Петропавловский порт, 1813 г.; матрос 2 статьи Петропавловской экипажной роты, 1815 г.; «военнопосельщик», Петропавловский порт, 1821 г.

Петр Васильевич Юрьев позже также служит в Петропавловской экипажной роте матросом второй статьи.

А вот кто конкретно был отцом уже ключевских крестьян Василия и Николая, пока остается не известным. Возможно Семен Васильевич, следы которого в истории теряются. Возможно, Петр Васильевич… В Нижнекамчатске у братьев Юрьевых было еще и три сестры — Пелагея, Наталья, Матрена, которые также могли свить семейные гнездышки в Ключах и найти здесь невест для своих братьев.

В истории остался Василий Юрьев (1827–1863), который был награжден памятной бронзовой медалью на Андреевской ленте за участие в эвакуации Петропавловского порта в 1855 году. А также Николай Юрьев, который, собственно, и стал родоначальником ключевских крестьян Юрьевых, с которыми впоследствии породнились и Удачины.

Из казаков, переведенных в крестьянское сословие, вероятно, были и другие ключевские родственники — Штильниковы (Штинниковы), Чудиновы, Курдюмские. Казаки Курдюмские и Чудиновы пришли на Камчатку из Тобольска. Штинниковы — из Селенгинска.

Среди ключевских крестьян были и заштатные потомки первого ключевского священника из коренных камчадалов – сына тойона Лыкоча, о котором мы уже рассказывали. Оставшись за штатом священно- и церковнослужителей ключевские Коллеговы стали крестьянами. Внучка Григория Михайловича Удачина — Анисия Ивановна — вышла замуж за Фловяна Романовича Коллегова. Потомками священнослужителей являются также ключевские Михайловы и Каргопольцевы.

Самым известным из Удачиных был Григорий Михайлович — кавалер Георгиевского креста 4-й степени за участие в обороне Камчатки от японцев в 1904–1905 гг.

Постепенно генеалогические исследования Виктора Николаевича вышли за рамки своей семьи и благодаря во многом его труду родословные линии его земляков, живших когда-то в давно уже не существующих селах Толбачик, Харчино, Еловка, Кресты, Ушки, Камаки, Нижнекамчатск, восстановлены и опубликованы в «Камчатской родословной книге».

Проводник Ключевской вулканстанции Николай Николаевич Удачин, 1977

СНОВИДОВЫ

Эта фамилия хранит в себе память о том, что Камчатка в 18-м столетии была местом политической ссылки, куда ссылались важнейшие государственные преступники — участники неудавшихся дворцовых заговоров.

Считалось, что с Камчатки ссыльным бежать невозможно. Но в 1771 году взбунтовавшиеся камчатские ссыльные во главе с уроженцем Словакии польским конфедератом Августом Морицем Беньевским и примкнувшими к ним зверопромышленниками и местными уроженцами захватили казенный галиот «Святой Петр» и совершили на нем беспримерное по тому времени плавание до китайского порта Кантон. Приключения барона Бенгоро (Бейпоска, Бенейха, Беньевского), короля Мадагаскара, впоследствии опишут в многочисленных романах…

Но не все ссыльные вступили в заговор и приняли участие в бунте.

Иван Кириакович Сновидов, сержант лейб-гвардии Измайловского полка, был сослан на Камчатку в 1742 году вместе с Петром Матвеевичем Ивашкиным, прапорщиком лейб-гвардии Преображенского полка, и Александром Дмитриевичем Турчаниновым, камердинером правительницы Анны Леопольдовны, матери императора Иоанна VI Антоновича, свергнутой с престола гвардейцами Преображенского полка, созданного царем Петром, и провозгласивших императрицей его, рожденную вне брака дочь Елизавету Петровну. Не все в аристократическом обществе — в том числе и гвардейцы — были довольны таким поворотом истории. Нашлись и такие, кто заново хотел вернуть на престол малолетнего императора Иоанна VI Антоновича…

«Ивашкин по восшествии на престол… Елизаветы Петровны имел… намерение, чтоб собрав партию ночным временем придти ко дворцу и захватя караул войти в покои и ее Государыню и его высочество умертвить, лейбкомпанию заарестовать, кто будет противиться колоть до смерти…», — писали впоследствии историки.

Что было на самом деле — история утаивает. По прошествии многих-многих лет было затребовано дело Ивашкина, который к тому времени уже более полувека провел в камчатской ссылке. Дела не нашли. Но в справке написали, что преступление было столь важным, что пересмотру его дело не подлежит: «…преступление Ивашкина столь велико и столь важно, что он не токмо помилования, но даже и никакого облегчения ввоучасти своей не заслуживает…». Но все-таки помиловали… через шестьдесят лет. Ивашкин, к тому времени уже совершенно ослепший, предпочел умереть на Камчатке, что и случилось в 1806 году.

Историкам, правда, не бросилась в глаза одна деталь — будучи привлеченным в качестве переводчика для переговоров с прибывшей в Петропавловский порт французской экспедиции Лаперуза Ивашкин назвался Квашниным. Историки посчитали, что таким образом он скрывал свое истинное лицо. Как мы впоследствии выяснили, он, на самом деле, слал с французами весточку о себе — о том, что он, Петр Матвеевич Квашнин, крестник императора Петра I, еще жив и здоров…

С Беньевским бежал Александр Дмитриевич Турчанинов, найдя свою смерть в китайском порту Макао (Кантоне).

Иван Кириакович Сновидов умер до событий Большерецкого бунта 1771 года, потому о нем и нет никакой информации, связанной с событиями того времени.

Собственно, и в дворцовом «перевороте» ему выпала совершенно незначительная роль — пустая говорильня за пьяным застольем: «Сновидов в выше назначенном злодейском умысле явился сообщником, пообещался к тому сыскать себе друзей и партию, а притом многие склонные к тому злодейскому намерению слова говорил, и тем Гурчанинова (Турчанинова) поощрял, по принцессе Анне и муже ее, по сыне их принце Иоанне сожалительные слова говорил же».

Сновидовы (Снавидовы) были из псковских бояр. Иван Тарасиевич Сновидов женился на дочери Анны Илларионовны Голенищевой-Кутузовой (родной сестры фельдмаршала Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова) и Осипа Петровича Ушакова.

Иван Кириакович Сновидов оказался наиболее приспособленным из всех троих к условиям сибирской ссылки — будучи сослан в Нижнекамчатский острог, откуда начиналось промысловое освоение Русской Америки и куда прибывал многочисленный промышленный люд со всей России, он на

Сновидовы — Иван Федорович и Евдокия Владимировна — с детьми, Володей и Полиной. 1932 г.

устье реки Камчатки создал собственный солеваренный завод и обеспечивал солью население полуострова.

Женился на вдове, усыновив ее ребенка Ивана.

Иван и стал первым носителем камчатской уже фамилии Сновидов.

Родился и свой сын — Захар, который вошел в историю камчатки как купец Захар Иванович Снафидов. Затем второй — Петр Иванович Снафидов (Сновидов).

Иван Иванович Сновидов стал священником. Вот его история: «Священник Иоанн Сновидов, питомец лейб-гвардии Измайловского полка сержанта Ивана Кириакова Сновидова, по приговору тайной канцелярии посланного в Камчатку. Об этом сержанте архимандрит Хотунцевский (глава Камчатской Духовной Миссии в 1745 г. — *С.В.*) с особенною хвалою отзывался перед святейшим Синодом, как единственно своими услугами через выварку соли и другими поддержавшем продовольствие миссии в Камчатке; а вскормленника его Иоанна, обучавшегося в нижнекамчатской школе, зачислил в клир в 1765 г. протоиерей Стефан, и через 10 лет послал в Иркутск к рукоположению. Он посвящен в священники 24 ноября 1776 г. к ичинской церкви, где со смерти Уваровского место было праздное. Дети Иоанна Сновидова Петр и Александр священствовали также при сей церкви — по 1843 г.» (Прокопий Громов, Историко-статистическое описание камчатских церквей»).

1937 год. Евдокия Владимировна Сновидова (Корякина) с детьми — Борисом (на руках), Володей, Полиной

Впоследствии представители династии священно- и церковнослужителей Сновидовых несли свою службу в церквях Охотско-Камчатского края, а потом и по всей территории Камчатско-Курильско-Алеутской епархии, охватывающей в XIX столетии земли Русской Америки, Охотско-Камчатского края, Якутии, а впоследствии Приамурья и Приморья.

Например, Петр Андреевич Сновидов (1833) служил в Благовещенской Николаевской церкви, а Сновидов Владимир Семенович (1838) был священником Николаевского Приморского собора, учителем Благовещенского духовного училища.

Судьба священника ожидала и Ивана Федоровича Сновидова (1900), которого нижнекамчатский священник Геронтий Васильевич Коллегов послал учиться во Владивосток. Но наступили послереволюционные советские времена и вместо духовной семинарии Иван Федорович впоследствии закончил рабфак во Владивостоке и вступил в партию большевиков. Как позже писала в своих воспоминаниях его дочь Людмила Ивановна Солейчук: «Отец мой Сновидов Иван Федорович родился 20 октября 1900 года в Нижне-Камчатске. У нас в родне были священники, а отец был партийным человеком, поэтому нам о своих родственниках почти не рассказывал».

Сновидов Владимир Иванович с дочерью Асей

Может быть, поэтому ему удалось избежать политических репрессий, как «чуждому элементу», потомку «служителей культа», затесавшемуся в ряды воинствующих атеистов-большевиков, как это случилось с его родным братом, председателем Усть-Камчатского райисполкома, умершего 11 декабря 1938 года в следственной тюрьме, почему его имени нет в книге «Памяти жертвам политических репрессий», и дальней родней на западном побережье Камчатки: к трем годам лишения свободы был приговорен потомок облуковинских (ичинских) священников Сновидовых Василий Гаврилович Сновидов (1902 г. р.); к пятнадцати годам с лишением гражданских прав на пять лет — Михаил Афанасьевич Сновидов (1878), лишены в 1926 г. избирательных прав бывший «служитель культа» Гавриил Васильевич Сновидов (1870) и Сновидов

Николай Иванович (1866) — бывший псаломщик Гижигинской корякской походной миссионерской церкви в 1893 г., впоследствии священник в с. Облуковино.

В настоящее время исчезли с лица земли родовые поселения Сновидовых — и Нижнекамчатск, и Ича, и Облуковина.

Рассыпались по всей стране родовые семена этой фамилии.

И, к сожалению, когда мы попытались организовать в нашем просветительском центре «Страна рыбы и рыбоедов» (Камчатка, г. Елизово) День камчатской фамилии Сновидовых, никто из этого рода не откликнулся на наш призыв…

ВЕРЕЩАГИНЫ

Исторически Верещагины были камчатскими казаками. В Сибирь же служилые люди Верещагины пришли разными путями.

Вот, например, что сообщают об истории своего рода томские Верещагины в 1680 году.

Верещагин Афонька Кузьмин: «Отец был на Москве дворовым человеком Никиты Ивановича Романова, а он взят был к великому государю в конюхи, а в прошлых годах сослали с Москвы в Томск по грамоте в пешую службу. Оклад 4 рубли с четью, хлеба 5 четей с осьминою ржи, 2 чети овса, 1½ пуда соли».

Верещагин Гришка Омельянов сын: «…отец родился в Томске и был в конной службе, а он родился в Томске и верстан в отцово место при воеводе князе Даниле Афанасьевиче Барятинском. Оклад 7 рублев с четью, 2 пуда соли. Пашня».

Верещагин Ивашко Федоров сын: «Родом он… посадского человека сын, в Томск пришел гулящим человеком и поверстан в пешую службу. Оклад 4 рубли с четью, 5 четей с осьминою ржи, 2 чети овса, 1½ пуда соли».

У якутских Верещагиных история их казачьего рода была иная: в 1672 году Илимскому воеводе С.О. Аничкову пришел указ о присылке в Якутский острог ссыльных людей Акима Верещагина и Алексея Якимова.

В 1681 году мы встречаем имя Екимки Верещагина в списках якутских казаков. А в 1687 году Яким Верещагин записан в казачий женатый оклад — то есть у него образовалась семья.

Камчатская родовая линия казаков Верещагиных начинается с Федора, который служил здесь во времена пребывания на Камчатке С.П. Крашенинникова.

Но в этот период на Камчатку посылали людей из двух мест — Якутска и Иркутска-Нерчинска.

В 1685 году в списках нерчинских казаков мы находим имя десятника Дмитрия Верещагина.

В 1694 году в Итанцинском остроге (построенном в 1679 году в устье реки Итанци, правом притоке реки Селенги) он также служил в десятниках.

В 1700 году в десятниках служит уже его сын Гаврила.

Следующая запись:

«Десятник Гаврило Верещагин и в 707 году умре, а в ево место и в оклад приверстан брат ево родной Иван Верещагин, служит с пашни».

1721 г.: «Десятник Иван Верещагин 54, дети ево сын Гаврила 14, Михайло 12, Фрол 10, да брат ево Иванов Василей 25».

Имени Федора в этом списке нет. Поэтому, возможно, он прибыл на Камчатку из Якутии. И знаем мы о нем только благодаря упоминанию этого имени в книге «Описание земли Камчатки» (1949 г. издания): «И по силе вышеозначенного требования отправлен от Большерецкой приказной избы от закащика Тимофея Гусельникова служивой Федор Верещагин, которому дан ее императорского величества указ, чтоб ему ехать на Авачю, на Налачеву и в Калахтыри для покупки иноземческого платья, о чем ко мне из помянутой приказной избы июня 13 дня прислано известие».

В Большерецком остроге у казака Федора Дмитриевича Верещагина было два сына — Василий и Роман.

В 1745 году на полуострове начала свою деятельность Камчатская Духовная Миссия архимандрита Иоасафа Хотунцевского, который не только занимался миссионерской деятельностью, но и готовил местные кадры церковно- и священнослужителей.

В 1750 году в духовное звание был принят Василий Верещагин.

Преемник архимандрита Хотунцевского на посту главы Миссии Пахомий обратил внимание на другого сына Федора Дмитриевича — Романа, «исходатайствовал увольнение с казачьей службы и лично в 1758 году 13 мая представил в Иркутске к рукоположению в диаконы. Прослужив в этом сане при большерецкой церкви около 10 лет, Роман Верещагин, вторично посланный в Иркутск 14 ноября 1767 года рукоположен в священники и был первоначально определен к Нижнекамчатской Николаевской церкви, а потом переведен в проповедническую свиту. Временно служил и при паратунской церкви. Умер в Нижнекамчатске 11 апреля 1801 г.».

Но в мировой истории остался известен именно… паратунский священник Роман Федорович Верещагин, благодаря его встрече в Петропавловской гавани с членами экспедиции Джеймса Кука.

Вот, что написано в справочном отделе книги «Джеймс Кук, Плавание в Тихом океане в 1776–1780 гг.».

«Священник Роман Федорович Верещагин имеет от роду 44 года и родился в Большерецке. Отец его был русским, мать — камчадалкой. У него было пятеро или шестеро детей и их, и жену он достойно содержал, получая 80 рублей в год. Ежегодно летом он в открытой лодке совершал переход на ближайший из Курильских островов, чтобы наставлять его обитателей в христианской вере. Первый раз он там побывал в 1777 году. Он обратил в христианство жителей 14 Курильских островов. У камчадалов он пользовался большим уважением и говорил на языках Верхней и Нижней Камчатки, Пенжинской (Пенжинского берега) и Курильских островов. Это был умный, щедрый и мыслящий человек, хотя его так и нельзя было убедить, что Лютер и Кальвин были достойными особами. Поведение его было очень общительным, и к людям он хорошо был расположен, и эти качества создали ему доброе имя и известность у многих обитателей Камчатки».

Роман Федорович Верещагин (1735 – 1782) — «священник в Паратунке, личность весьма примечательная. С его отцом “служилым” человеком, летом 1738 г. встречался С.П. Крашенинников. Два сына этого служилого человека, по словам И.Ф. Крузенштерна, “сделали величайшую честь своему состоянию”. Старший, Роман сыграл большую роль в распространении русской культуры на Камчатке и Курильских островах, на которых он неоднократно бывал. Р.Ф. Верещагин в совершенстве владел камчадальским и корякским языками и пользовался у коренных жителей Камчатки “огромным авторитетом”».

Члены экспедиции Джеймса Кука дважды заходили в Петропавловскую гавань. В последнем случае по весьма трагическим обстоятельствам — чтобы предать земле прах мореплавателя Чарльза Кларка, который возглавил экспедицию после гибели Джеймса Кука.

Лейтенант Дж. Барни писал в своем дневнике в 1779 году: «Пятница, 27 августа. Этой ночью прибыл наш старый друг приходской священник из Паратунки Роман Федорович Верещагин и утром посетил капитана Гора. Он отказался хоронить капитана Кларка в Паратунке, ссылаясь на то, что мы не христиане или, по меньшей мере, люди, не приобщенные к греческой церкви, но предложил предать тело земле в том месте, где в будущем году должны построить церковь и где похоронено много русских… Взяв в расчет, что людей этих убедить невозможно, мы согласились… Вечером вырыли могилу у подножия дерева в самой глубине бухты Петра и Павла…».

«…Воскресенье, 29 августа. Между 12 часами и 1 часом тело капитана Кларка было предано земле с воинскими почестями, достойными его ранга по церемониалу, принятому англиканской церковью. С кораблей было дано 12 пушечных выстрелов, и солдаты трижды салютовали из мушкетов у могилы. На погребении присутствовали капитаны, все офицеры обоих кораблей, священник, сержант. В качестве зрителей

Атлас к Путешествию вокруг света Капитана Крузенштерна

Памятник, сооруженный нами Капитану Кларку и Адмиралу де ла Кроару въ Петропавловской Гавани

Так памятник А. Кларку выглядит сегодня

было много русских и большинство наших матросов».

По сообщению самого Романа Федоровича в 1795 году священников Верещагиных было уже трое:

Из Рапорта в Камчатское Духовное Правление Камчатской проповеднической свиты священника Романа Верещагина

«В прошлом 1795 году 20 числа по данному мне из оного Духовного Правления Его Императорского Величества указу, о следовании через Курильские морские острова к дальним мохнатым курильцам для проповеди слова Божия и крещения по желанию их с данным о проезде моем от Нижнекамчастких городничих дел подорожною, а от земского суда билетом, отправясь исследовать даже до четвертого-надесять острова с патриархальным священником Федором Верещагиным в одной байдаре…».

Вероятно, это был сын Василия Дмитриевича Верещагина, о судьбе которого нам пока ничего не известно.

И, таким образом, все современные камчатские Верещагины, — это потомки Федора Дмитриевича и Романа Федоровича Верещагиных.

И поэтому, первое поколение Романовичей всецело отмечено как церковно- и священнослужители:

Верещагин Иоанн Романович (1768), 1808 г., священник Нижнекамчатской Николаевской церкви; 1816 г., священник в Петропавловском порту.

Верещагин Федор Романович (1779), 1808 г., дьячек в Петропавловском порту в 1808 г.; 1828 г., священник Тигильской Христорождественской церкви; священник Ичинской церкви в 1845 г.; священник Верхнекамчатской Богоявленской церкви.

Верещагин Афанасий Романович (1773), 1808 г., дьячок Тигильской церкви; 1815 г., отставной дьячек Тигильской церкви

Верещагин Никифор Романович (1782), 1808 г., пономарь Ичинской церкви; дьячек, Петропавловский порт, 1823 г.

В 1840 году образована территориально самая крупная в Российской империи Камчатская епархия, простиравшаяся от Аляски до Якутии. Интересно проследить о перемещении камчатских Верещагиных в период их обучения в семинариях и последующих службах.

Сын Федора Романовича — Иван Федорович: «С 1820 г., Петропавловский порт, Камчатское духовное училище; с 1835 г. в Иркутской духовной семинарии; в 1850 г. священник Ичинской церкви.

Священнический сын, обучался в Иркутской духовной семинарии. Был учителем в нижнем отделении Якутского духовного училища, в 1851 г., рукопоположен в диаконы по Ситхинскому собору, в 1847 году был экономом в Новоархангельской семинарии, исправлял должность секретаря Новоархангельского духовного правления, в 1848 году рукоположен в священники Ичинской церкви. В память о войне 1854 года награжден наперсным бронзовым крестом на Владимирской ленте и медалью на Андреевской ленте. В 1862 году определен соборным священником и помощником Благочинного Камчатских церквей».

Его братья — Власий и Николай — проходят обучение в Ситхинской духовной семинарии на Аляске.

А вот дети Ивана Романовича Верещагина:

Верещагин Иринарх Иванович (1785–1885), родился в с. Верхнекамчатск, заштатный священник Приморской области Софийского округа с. Циммермановка, церковь Софийской Божьей Матери (ГАХК, ф. И85, оп. 44, д. 55).

Его брат Роман Иванович (1804): «Гижига всегда была тесно связана с Анадырским острогом, в котором в 1746 г. уже действовала церковь. В 1770 г., после ликвидации острога, жители в основном переселились в Гижигу и селения на Колыме, а церковь была разобрана. Вторичное заселение Анадырской крепости гижигинскими промышленными

людьми произошло в начале XIX в. Центром распространения православия в районе бывшего острога с этого периода становится Гижигинская церковь. На базе Гижигинской церкви с 1844 г. стала действовать Анадырская миссия, или Гижигинская походная Благовещенская церковь. В этом же году в Анадырскую часовню, построенную в 1839 г. в селении Майнской промысловой артели прибыл первый причт, посланный И.Е. Вениаминовым “приобщать к слову Божию чукоч”. Возглавлявший миссию гижигинский священник Роман Иоаннович Верещагин с 1844 по 1849 гг. окрестил 225 чукчей. Ему помогал пономарь Иннокентий Иванович Трифонов. Р.И. Верещагин неоднократно выезжал в устье р. Анадырь и принял деятельное участие в строительстве местной часовни. Он известен также тем, что во время голодовок юкагиров кормил их своими припасами. Однако Р.И. Верещагин, по-видимому, допустил серьезные нарушения в работе, так как в 1855 г. был понижен до должности дьячка, а в 1859 г. “запрещен” и отбывал послушание в Якутском монастыре»

Верещагин Иннокентий Федорович (сын Федора Романовича): «Особо следует сказать о миссионере Пуциловского стана в 1891–1895 гг. Иннокентии Федоровиче Верещагине. По отзыву епископа Камчатского Макария, это был “опытный миссионер и хороший учитель”, основательно изучивший корейский язык. 16 марта 1895 г. он скоропостижно скончался от воспаления легких. Отцу Иннокентию Верещагину в школьной работе “деятельно” помогал псаломщик Александр Иоаннович Петрологинов (из рода камчатских священников Логиновых — *С.В.*)».

Верещагин Николай Кириакович

Еще один сын Ивана Романовича Верещагина — Иоанн — был священником Мильковской Богоявленской церкви, но в 1843 году был лишен этого сана:

«…утверждаю мнение правления о лишении священства за прелюбодеяние бывшего мильковского священника Иоанна Верещагина» («Творения Иннокентия, митрополита Московского», книга вторая, М, 1887 г., гл. 3, Путешествие по Камчатке (с 19 августа 1842 г. по 9 февраля 1843 г., 174 дня), стр. 72).

Председатель колхоза «Коммунар» Иннокентий Модестович Верещагин

И вот таким образом в селе Верхнекамчатск появились крестьяне Верещагины в то время как по всей Камчатке Верещагины по-прежнему представляли один из мощных кланов церковно- и священнослужителей: в Тигиле, Анадыре, Гижиге, Облуковино, Нижнекамчатске, Петропавловске, Благовещенске, Хабаровске, Якутске…

Так, например, сын анадырского псаломщика Федора Ивановича Верещагина — Верещагин Никифор Федорович (1909) был в годы Великой Отечественной войны руководителем оперативной связью Уэлькальского аэропорта, обеспечивающего поставки самолетов с Аляски по ленд-лизу, награжденный 16 июня 1944 года медалью.

У Ивана Ивановича было трое сыновей. Младший — Николай Иванович (1858) — окончил Благовещенскую духовную семинарию. А старшие — Иннокентий и Филарет — крестьянствовали в селе Верхнекамчатск.

Политические репрессии в 1930-х годах коснулись практически всех ветвей этого большого уже не только камчатского (но дальневосточного) рода.

Первый удар пришелся по семье Зиновии Иринарховны Верещагиной (1891), ко-

торая была замужем за Константином Степановичем Телятьевым (1878), осужденным 14.01.1932 г. и приговоренным к 10 годам лишения свободы.

Константин Степанович до революции и после нее работал учителем в церковно-приходской школе села Мильково.

А эта информация, по всей видимости, о его брате Иннокентии Степановиче:

Род. в 1888 г., с. Средняя Борзя Нерчинско-Заводского уезда Забайкальской обл., русский, житель с. Кутомара Нерчинско-Заводского р-на Читинской обл. Служил в Белой армии. Красный партизан. Работал в школе, заведующий. Арестован 24 октября 1938 г. Приговорен 5 октября 1940 г. Особым Совещанием при НКВД СССР по ст. 58-10, 58-13 УК РСФСР к высылке на 5 лет в Казахстан. Реаб. 24 октября 1989 г. прокуратурой Читинской обл. Жена Елена Максимовна, дети: Леонид — 1912 (умер 18 сентября 1939 г. в тюрьме), Константин — 1921, Мария — 1921, Екатерина — 1928, Степан — 1931, Алексей — 1936.

В Иркутске был приговорен к 3 годам Телятьев Семен Степанович. Родился в 1889 г., русский; образование среднее; б/п; зав. нач. школой. Проживал: ст. Селенга Заб. ЖД.

Арестован 6 июня 1931 г. Приговорен: Тройка ПП ОГПУ Восточно-Сибирского кр. 6 октября 1931 г., обв.: по ст. 58-10, 13.. Приговор: 3 года лишения свободы. Реабилитирован 5 февраля 1996 г.).

Обратите внимание на тот факт, что все трое были простыми учителями…

Второго июня 1932 года умер в тюрьме, не выдержав пыток, Верещагин Модест Иннокентьевич (1887) из Верхнекамчатска.

В этом же, 1932 году, беда пришла и в семью его старшей сестры Виренеи Иннокентьевны Верещагиной (1875) — был арестован ее муж Всеволод Васильевич Мерлин (1877) из села Машура.

22 августа 1938 года расстрелян (без предъявления обвинения) бывший псаломщик Облуковинской церкви Кириян (Кириак) Васильевич Верещагин (1877), участник обороны Камчатки в годы Русско-японской войны 1904-1905 гг.

А их дети сражались за Родину в боях с немецкими фашистами и японскими милитаристами.

Николай Кирьякович Верещагин из западнокамчатского села Крутогорово погиб 30 августа 1941 года. Серафим Кирьякович Верещагин был участником Курильского десанта (в 1985 г. награжден орденом Отечественной войны 2 степени), как и Верещагин Иринарх Андреевич, погибший 18 августа 1945 г. на острове Шумшу.

Павел Модестович Верещагин 27 июля 1944 года награжден медалью «За отвагу».

Арсентий Модестович участвовал в Курильском десанте. А Константин и Иннокентий Модестовичи были награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Участники Мильковского поискового краеведческого клуба «Камчадалы» установили, что в 1942 году под Сталинградом погиб Славьян Константинович Телятьев. А его брат — Витольд Константинович — в 1985 году за участие во второй мировой войне награжден орденом Отечественной войны 2-й степени.

Медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» награждены колхозники из Верхнекамчатска: Верещагины Касьян (Кассиан) Иннокентьевич, его дети — Анфиса Касьянова и Владимир Касьянович, а также Верещагина (в девичестве Зимина) Евдокия Афанасьевна (1894), жена Андрея Иринарховича Верещагина…

Верещагин Федор Кириакович с женой Анной Тимофеевной

ЧЕРНЫХ

Эта фамилия была очень распространенной в Сибири. Практически в каждом гарнизоне городов-крепостей были свои Черные, Черновы и Черных.

Первым же, как ни странно, отметился в Тобольске — сибирской столице, в 1623 году, литвин: «Деревня Шанталыке межах с монастырскими пашнями. Во дворе служилый человек литвин Григорий Черный. Пашни пашенные середние земли три чети без третника да перелогу четверть в поле а в дву потому ж а поскотинные земли в логу три десятины».

Позже он пошел на повышение: «…осенью 1628 г., в Москву поступила челобитная из Тобольска от служилого подразделения “тобольской литвы и литовского списка казаков”. После смерти выбранного и много лет командовавшего ими ротмистра Бартоша Станиславова служилые люди, “излюбя из свое братьи из иноземцев”, выбрали в ротмистры “рядового литвина” Григория Иванова Черного и просили утвердить его

в этой должности. Рассмотрев это дело, служилую челобитную, приказные справки и отписку тобольского воеводы кн. А.Н. Трубецкого, начальник Сибирского приказа кн. Д.М. Черкасский в начале лета 1629 г. утвердил Г. Черного ротмистром…».

В 1658 году в Якутске отмечен его полный тезка — казак Григорий Иванов сын Черной, который в 1661 году служит вместе со знаменитым Иваном Ерестовым: «Роспись служилым людем, каторые посланы в Якутцкой острог за государевою соболиною казною с сыном боярским с-Ываном Ерастовым: Андрюшка Федоров Пан, Васька Варфоломиев Бронник, Потапко Данилов, Гришка Черной, Никифорко Мощильцов, Софонко Симанов, Ивашко Белокопыт, Мишка Коновал».

В это же время в списках якутских казаков отмечен Андрей Иванов Черной (Черных).

Но эти Ивановичи могли быть как тобольскими, так и енисейскими казаками.

Примерно в это же время в Енисейске, в новой Кемской слободе отмечена деревня «служилово человека Ивашка Федорова Черного, у него детей 4 сына Васка 16 женат, Тихонко 15 холост, Куземка 14 женат, Матюшка 12. Земля отведена з братом с Ылейкою на Кеме во 169-м году при воеводе Иване Ржевском».

В 1689 году сын Григория Ивановича Черного Стенка Григорьев сын Черной «сказал родом он города Тоболска у него дети Офонка 20 лет Ивашко болшой осми лет Ивашко меншой пяти лет».

В 1692 году в Якутске служит Мартынко Иванов Черный и два брата Максимко и Алешка (умер от оспы в это году) Богдановы дети Черные.

В Якутске в 1720 году проживал отставной казак Иван Черных шестидесяти лет от роду — то есть 1660 года рождения, возможный отец Мартына и Максима.

В 1706 году в Якутском казачьем полку: Черных Данило Федоров (13-ая пятидесятня) Черной Мартын Иванов (13-ая пятидесятня: «за заморские реки умре») и, вероятно, его брат Черной Максим Иванов (6-я пятидесятня).

На Камчатку в 1709 году следовал отряд из тобольских и енисейских казаков: «…в прошлом 709 году писал в Якуцкой из заморских рек камчадалской прикащик Болшей реки сын боярской Иван Панютин: осталось де от него в Зашиверском и Уяндинском зимовьях, за скорбью служилых людей, 16 человек: Иван Нехорошков, Федор Хиценков, Ондрей Залесов, Гаврило Трубачев, Никита Чегус, Яков Нарицын, Василей Толстоухов, Федор Ерофеев, Степан Лапин, Михайло Минозим, Василей Гроцкой, Кирило Черных, Гаврило Истомин, Иван Волков, Михайло Вараксин, Иван Хайлов, и велено их забрать в Камчатку Осипу Миронову».

Судьба Кирила неизвестна.

Но в 1720-х годах на Камчатку направляют большую группу служилых людей, набранных в Нерчинске, Иркутске и Селенгинске.

Примерно в это же время появляется на полуострове Черной (Черных) Леонтий, ясачный сборник на р. Хайрюзовой, участник подавления бунта камчадалов в 1731 г.

Исходя из того, что старшие дети в казачьих родах, как правило (или нередко), носили имена своих дедов, то и аналог имени Леонтий Черных мы находим тоже в Нерчинске: «Меркурей Леонтьев сын Черных, у него отец Леонтей».

Меркурий Черных в 1721 году записан среди канцелярских людей Нерчинска как «Верхотурец казачей сын Меркурей Черных 43 [лет]», то есть 1678 года рождения и у него вполне вероятно был старший сын Леонтий, который был отправлен на Камчатку, как и в последующих годах — братья Андрей (Андриан), Иван и Алексей Черных.

О них же по архивным материалам выясняется: в Нерчинске «1719 году октября в… день Подгородной промышленной (а платит оброк — написано сверху) человек Максим Черных сказал живет он Максим в Нерчинску, женат, своим домом, у него де в доме мужеска полу людей он Максим штидесят лет, у него сыновья Андреян тринатцати лет, Иван десяти лет, Алексей двух лет, а болши де того у него Максима мужеска полу людей нет».

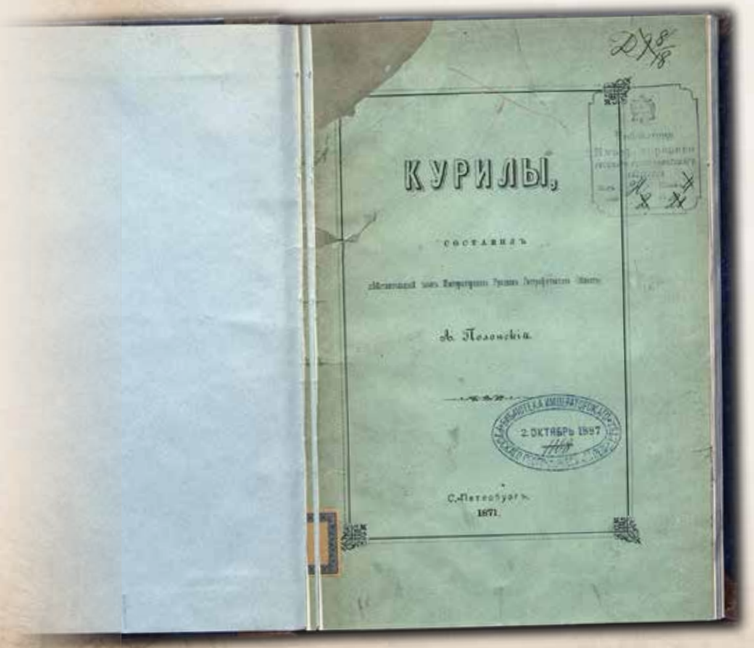
«В октябре 1731 года были отправлены в Верхнекамчатск из Большерецка сын боярский Назар Колесов с служилым Иваном Богомоловым. Они прошли через Авачу и, подходя к острогу Малого Канача, встретились с вооруженными камчадалами, которые их копьями и ножами покололи, а проводника-камчадала взяли в плен. Кроме того, эти же камчадалы убили 4 ясачных сборщиков служилых Ивана Украинцова, Михаила Дружинина, Михаила Шипунова и Алексея Черных и собирались идти на р. Большую в острог, чтобы сжечь казачьи зимовья и казаков перебить. Но, к счастию, проводник, взятый в плен, убежал и 20 октября донес в Большерецк про измену авачинских камчадалов, на которых и послан был пятидесятник Штинников и служилый Соловьев с 40 человеками».

Крашенинников С.П.: «Служивых людей при мне пять человек, а имянно: Осип Аргунов, данной мне в Якуцке для письма, Иван Пройдошин, определен от здешней приказной избы для чинения метеорологических обсерваций, а для россылок Иван Попов, Иван Черной, Петр Матвеев да толмач Алексей Горлов».

Позже (допрос 1751 года): «И тако де означенная измена и убивство учинилось в начале в Акланском остроге от возмущения оленного коряцкого князца Косинского, а их де было в остроге и с ним, Потаповым, 12 человек, а имянно: служилые Козьма Коротких, Степан Беляев, Иван Колесов, Иван Ослоповской, Иван Черной, Трифон Крымской, Прокопей Шемаев, Никифор Солдатов, Алексей Тарабыкин, Иван Арзамас, Андрей Старков, и тако де они, Потапов с товарищи, и засели в том Акланском остроге в осад[е], и вышеупоминаемые де изменники коряки Косинской с товарищи на оленях в третей день, то есть ноября 26 дня, приехали всего человек со сто и более, и того де дни до прибытия тех изменников к острогу вышел от них для осмотру поставленных на крупашки пленок служилой Петр Карпов, то де оные изменники, напав на него незапно, не допустя до острогу сажень за сто, застрелили из луков и подступили под острог, от которых де отбились стрелянием из острогу из огненного ружья, токмо из изменников никого не побили, понеже стоят в отдаль. И простояв оные изменники одне сутки, паки от острогу отступили прочь и в третей де день паки подступили под острог и отошед чрез дни четыре и три, паки подступили к их острогу всего раз пять, токмо никакого им зла не учинили».

Но в истории Иван Черных (Черной, Черный), к тому времени уже сотник, то есть обер-офицер, останется совсем по другому поводу — в 1766 году он возглавит экспедицию на Южные Курильские острова: «Экспедиция Черного 1766–1769 годов внесла большой вклад в изучение Курильских островов. В течение более ста лет — до самого конца XIX столетия, данные Черного являлись фундаментом знаний россиян о Курильских островах. Он прошел всю Курильскую гряду до севера Итурупа и составил очень подробное и чрезвычайно толковое описание всех посещенных им островов. Исчисление островов Курильской гряды, данное Черным, оставалось неизменным и в XIX веке. “Журнал” Черного лег в основу подробной сводки о Курильских островах, составленной начальником Иркутской навигационной школы — секунд-майором Татариновым (1785). Полностью “Журнал” был опубликован сто лет спустя в статье “Курилы” Александра Полонского (1871). Его работу в 1775 году продолжили Григорий и Василий Шелиховы, в 1777–1779 годах также и Федор Шабалин, Павел Лебедев-Ласточкин, Иван Антипин».

Сведения о том, что за свои злоупотребления на Курильских островах Иван Черных был привлечен к суду и умер во время следствия в Иркутске от оспы не совпадают с другими историческими фактами — в 1771 году отставной сотник Иван Черных — единственный в Большерецком остроге — встретил бунтовщиков, убивших начальника Камчатки капитана Нилова и захвативших власть в Большерецке, с оружием в руках, за что был арестован бунтовщиками и помещен в местную тюрьму…

Леонтий Черных, будучи впоследствии пятидесятником, активно участвовал в деятельности Камчатской Духовной Миссии, которая прибыла на Камчатку в августе 1745 года.

По всей видимости, это его фамилия и сохранилась среди православных камчадалов Черных на северо-западном побережье Камчатки. Впоследствии, она была перенесена, как и многие западнокамчатские фамилии, в центральную часть полуострова, где после двух опустошительных эпидемия 1768 и 1800 годов многие поселения камчадалов обезлюдели.

В этот же период пятидесятник Леонтий Черных близко сошелся с архимандритом Камчатским Иоасафом Хотунцевским, который из числа казачьих детей готовил будущие кадры камчатских церковно- и священнослужителей.

Сын Леонтия — Георгий — стал родоначальником камчатских священников Черных. В 1757 году Георгий Леонтьевич обучался в Большерецкой школе у священника Петра Михайловича Логинова и по ее окончанию был зачислен в клир преемником Хотунцевского на посту главы Миссии Пахомием. А 20 января 1771 года в Иркутске он был рукоположен в сан священника епископом Софронием (за 10 дней до его кончины) и был определен священником Большерец-

кой Успенской церкви на место умершего своего учителя Петра Михайловича Логинова, который (по семейной легенде в апреле 1771 года был отравлен бунтовщиками). И всю оставшуюся жизнь Георгий Леонтьевич служил в этой церкви вплоть до своей кончины 18 мая 1786 года.

У него было пять сыновей. Вот данные о них за 1808 год:

Алексей Георгиевич, священник Большерецкой Успенской церкви; Никита Георгиевич, дьячок Верхнекамчатской Богоявленской церкви; Александр Георгиевич, священник Гаванской Рождественской церкви; Леонтий Георгиевич, священник Тигильской Христорождественской церкви; самый младший — Федор Георгиевич.

Впоследствии, в период образования Камчатской епархии, охватывающей территории Российской империи на Востоке от Русской Америки до Якутии и от Чукотки до Приамурья и Приморья, епископ Камчатский Иннокентий распределял камчатские свои кадры по всей территории епархии.

Вот судьба одного из многих Черных:

Черных Алексей Никитич (1824), дьяческий сын, дьячок Верхнекамчатской церкви; дьячок Петропавловского собора в 1854 г., награжден памятной медалью на Георгиевской ленте за участие в обороне Петропавловского порта, в 1861 г. рукоположен в диаконы, г. Николаевск-на-Амуре, храм апостолов Петра и Павла.

А вот судьба детей Леонтия Георгиевича, унаследовавшего имя своего деда:

Черных Иван Леонтьевич (1803), 1845 г., Петропавловский собор, столоначальник Камчатского духовного правления.

Черных Никита Леонтьевич (1806), 1820 г., Петропавловский порт, в 1823 г. окончил Петропавловское духовное училище и в 1829 г. был определен на место дьячка к Охотской Спасо-Преображенской церкви.

Черных Илларион Леонтьевич (1812–1876). В 1845 г. рукоположен в сан священника епископом И. Вениаминовым в г. Ситхе. Направлен в с. Тауйск, где жил с 1846 г. до смерти

9 мая 1846 г. во вновь построенном селении Аян епископа И. Вениаминова встречает священник Тауйской церкви Илларион Черных, который зимовал в Аяне.

«В начале 1850-х гг. в г. Охотск из г. Иркутск прибыл на службу священник Илларион Леонтьевич Черных, который был направлен к Тауйской Покровской церкви, где прослужил 23 года. Тауйцы рассказывали, что в г. Охотск он был сослан за какую-то провинность. И.Л. Черных возглавил работы по восстановлению Тауйской церкви, сгоревшей в 1857 г., пользовался уважением местных жителей. Более 10 лет священник вел обучение детей в домашней школе при Тауйской Покровской церкви. За многолетнее верное служение церкви и Отечеству Илларион Черных в 1858 г. был награжден бронзовым наперсным крестом. Из-за слабого здоровья И.Л. Черных дважды (в 1865 и 1867 гг.) подавал прошение об увольнении».

Черных Алексей Леонтьевич, дьячок Петропавловского собора в 1854 г.

Черных Александр Леонтьевич (ум. до 1884), псаломщик Паланской церкви.

Другая судьба выпала их брату — Георгию Леонтьевичу — 1820 года рождения, который после окончания Камчатского духовного училища был направлен не в Ново-Архангельск на Аляску в духовную семинарию, а в школу Земледелия в Москве, по окончанию которой он стал агрономом и прославился своими рекордными урожаями в Форте Росс, в Калифорнии, куда был приглашен руководством Российско-Американской компании.

Сын Георгия Алексеевича — Черных Алексей Георгиевич (1819–1876) — дьякон Петропавловского собора, был участником обороны Петропавловского порта в 1854 г., награжден памятной бронзовой медалью на Георгиевской ленте.

Дочь Ивана Александровича (внучка Александра Георгиевича) — Черных Рахиль Ивановна (1822), была женой боцмана 46-го Камчатского флотского экипажа Павла Васильевича Усова, который вместе с семьей (жена и двое детей) и подчиненными ему матросами, попали в плен к англо-французам в августе 1854 года на грузовом плашкоуте, доставлявшим кирпич в Петропавловский порт из бухта Тарья. Именно благодаря Рахиль Ивановне французский адмирал Де-Пуант, командующий эскадрой благосклонно отнесся к семье и освободил их из плена вместе с мужем и племянником — матросом Иваном Киселевым, приняв его за мальчишку.

Сын Алексея Никитича — Черных Петр Алексеевич (1847), — священник Ямской Благовещенской церкви в 1880-е годы, будучи ранее уволенным из духовного звания, в 1872 г. подал прошение о принятии его обратно в духовное звание с определением к Черемховскому приходу и о переводе к Иннокентьевской церкви, где до 1877 г. исполнял должность псаломщика, в 1877 г. подал прошение о рукоположении его в священника, в Ямской церкви служил до 1888 г., а затем переведен в Корякскую миссионерскую походную церковь, с 1894 г. одновременно заведывал и Гижигинским приходом. В Гижиге прослужил до 1907 года.

Другой его сын — Игнатий Алексеевич (1854) — «в 1861 г. обучался в Благовещенском духовном училище. В 1876 г. он окон-

чил полный курс наук по 2 разряду Благовещенской духовной семинарии и «согласно прошению, допущен в Камчатскую Духовную Консисторию к занятиям в качестве вольнонаемного писца», а в 1877 г. определен канцелярским служителем 2 разряда той же Консистории. 18 февраля 1878 г. Преосвященным Мартинианом, епископом Камчатским, Курильским и Благовещенским рукоположен в диакона, а на следующий день — в священника к домовой крестовой Архиерейской церкви. В марте этого же года был назначен казначеем Камчатского Архиерейского дома. 1 декабря 1879 г. И.А.Черных был переведен к приисковой Николаевской церкви Верхне-Амурской золотопромышленной компании Камчатской епархии и вскоре указом Камчатской Духовной Консистории за № 341 назначен духовником священнослужителей Верхне-Амурского благочиния, а через год — благочинным Верхне-Амурских церквей. В этой должности он состоял до 1886 г., когда был переведен благочинным VII участка церквей Камчатской епархии. В 1891 г. Игнатий Черных был переведен в Амурскую область к вновь открытому приходу Буссеевской церкви, а в 1893 г., согласно собственному прошению, — к Павловской Михайло-Иннокентьевской церкви. И.А. Черных был неоднократно награжден. В 1881 г. “за благочестную жизнь, ревностное исполнение пастырских обязанностей и за благопопечение о благолепии и устройстве храмов Божиих, награжден набедренником”, в 1885 г. ко дню Св. Пасхи награжден бархатной фиолетовой скуфьей, в 1896 г. удостоен права ношения серебряной медали на Александровской ленте в память царствования императора Александра III, а в 1897 г. “удостоен права ношения темно-бронзовой медали на ленте государственных цветов за труды по первой всенародной переписи”. В 1894 г. священнику Игнатию Черных была назначена пенсия “за выслугу лет в Камчатской епархии”.

В 1900 г. Игнатий Черных был переведен из Благовещенской епархии во Владивостокскую. К этому времени в его семье было 7 детей, в том числе сыновья Иннокентий, 14 лет, и Иван, 11 лет».

Сын Никиты Леонтьевича — Черных Леонтий Никитович — в 1851–1852 гг. пономарь Охотской Спасо-Преображенской церкви, с 1853 по 1856 гг. в Инской Николаевской церкви. «В 1880 г., исправляющий должность псаломщика Ямской Благовещенской церкви переведен в Благовещенский Кафедральный собор, где в 1881 г. был рукоположен в диакона. В 1883 г. из Благовещенского Кафедрального собора он был перемещен к Марковской Покровской церкви на псаломщическую вакансию, а оттуда в 1884 г. к Кумарской. В 1889 г. Леонтий Черных получил свидетельство на почетное гражданство, а в 1896 назначен псаломщиком к Спасской церкви Южно-Уссурийского края и в том же году был уволен».

Дети Георгия Леонтьевича.

Черных Гавриил Георгиевич прибыл в Приохотье с Амура, где выполнял обязанности эконома при Архиерейском доме, в 1865 г. принят в духовное звание и 21 ноября 1865 г. произведен в иподиакона, 10 июля 1868 г. с сыном Иннокентием отбыл в Якутск «для поступления там на службу по епархиальному ведомству».

Дети Иллариона Леонтьевича:

Черных Леонтий Илларионович (1848–1926), псаломщик, затем пономарь в Тауйской церкви (до 1910), за долголетнюю службу его наградили золотой медалью на Аннинской ленте «За усердие»

Черных Иннокентий Илларионович (1842–1885), окончил в 1864 г. семинарию в г. Якутск, а в 1875 г. сменил отца в с. Тауйск, в 1878 г. его перевели в Охотскую Спасо-Преображенскую церковь; 1885 г. священник Софийской Казанской Божьей Матери г. Софийск Приморской области.

Черных Николай Илларионович (1850–1895). Окончил Якутскую духовную семинарию, был священником в с. Тауйске, с. Ола, заведовал и Ямским приходом (1889–1893). В 1876 году (в год смерти отца) два сына И.Л. Черных, Никодим и Николай, служащие диаконами при Якутской епархии, обратились с прошениями к епископу Якутскому и Вилюйскому, Преосвященнейшему Дионисию о переводе их в Камчатскую епархию. Поскольку Камчатская епархия испытывала большой недостаток священников, оба брата были приняты на службу: Николай — священником Тауйской Покровской церкви, на место своего отца, а Никодим — Иньской Николаевской.

14 сентября 1877 г. диакон Николай Черных стал иереем в главном храме Нерукотворного образа Христа Спасителя Якутского Спасского монастыря.

В с. Тауйск Николай Черных прибыл в 1878 г. и прослужил в Покровской церкви до своей трагической гибели в 1895 г. Вместе с Николаем Черных в Тауйской церкви служил его родственник Леонтий Черных. В отсутствии священника в с. Ямск в 1880-х гг., Николай Черных вынужден был одновременно с основной службой заведовать и Ямским приходом.

Если учитывать протяженность территории, которую приходилось обслуживать священнику, удаленность селений и проблемы транспортного сообщения между ними, то можно судить о сложности работы Н.И. Черных. Он и погиб, исполняя свои

священнические обязанности. Выехав 4 декабря 1895 г. с церковным старостой Егором Самсоновым в с. Армань для совершения там богослужения, они провалились с собачьей упряжкой в полынью на р. Тауй и утонули.

Черных Никодим Илларионович (1851). Окончил Иркутскую духовную семинарию и в 1872 г. «определен дьячком к градоякутской Богородской церкви. Посвящен в стихарь 28 марта 1876 г. 6 января 1877 г. рукоположен в диакона и определен на праздное дьяческое место к Намской Предтечевской церкви. Женат. От роду имеет 25 лет. Читает и поет хорошо. Уставу учится. Катехизис знает. Поведения хорошего» [НА РС(Я). Ф. 227. Оп. 2. Д.100. Л. 6 об.]. В 1877 г. Никодим Черных был определен к Иньской Николаевской церкви, где прослужил до середины 1880-х гг., когда Инской приход был присоединен к г. Охотск. Священник был переведен в Охотск и назначен Благочинным Охотских церквей «как пользующийся отличной репутацией за свои истинно пастырские и христианские качества». В 1885 г., священник Охотской церкви, а затем — благочинный Охотских церквей в 1892–1897 гг.

Дети Иннокентия Илларионовича:

Черных Петр Иннокентьевич (родился 21 декабря 1870 в г. Охотск), в 1886 г. окончил Благовещенское духовное училище и назначен псаломщиком к церкви Тихвинской Божьей Матери в с. Шкотово на р. Цемухэ, в 1887 г. переведен к Нестеровской Иннокентьевской церкви, с февраля 1896 г. псаломщик Ханкайской церкви Владивостокской епархии в п. Камень-Рыболов, с 1 октября 1890 г. переведен в Удской округ Приморской области и назначен вольнонаемным псаломщиком Буруканской походной у якутов и тунгусов церкви.

Черных Илларион Иннокентьевич (1872). В 1886 г. окончил Благовещенское духовное училище и в июле того же года был назначен Преосвященным Гурием, епископом Камчатским, Курильским и Благовещенским, псаломщиком к церкви Тихвинской Божьей Матери в с. Шкотово на реке Цемухэ. В 1887 г. был переведен к Нестеровской Иннокентьевской церкви. В 1892 г. обратился в епархию с прошением «Об определении его вновь на псаломщическое место и назначении к Григорьевской Свято-Троицкой церкви». С февраля 1896 по июль 1900 гг. г. Петр Черных исполнял должность псаломщика Ханкайской церкви Владивостокской епархии в п. Камень-Рыболов, где одновременно безвозмездно исполнял обязанности учителя церковно-приходской школы. С 1 октября 1900 г. он был переведен в Удской округ Приморской области, где назначен вольнонаемным псаломщиком Буруканской походной у якутов и тунгусов церкви «с отнесением должности учителя Мариинской миссионерской школы».

Серапион Леонтьевич и Александра Варлаамовна Черных с семьей

Дети Леонтия Илларионовича.

Черных Иннокентий Леонтьевич, церковнослужитель в крепости Порт-Артур.

«Судьба Серапиона, Серафима и Александра (сыновей Леонтия Илларионовича) после революции сложилась трагически. Серапион Черных родился предположительно в 1873 г. С июня 1893 г. имя отца Серапиона отмечено в метрических книгах Иннокентиевского храма Хабаровска — его штат был переведен во вновь открытый Успенский собор. В этом соборе Серапион прослужил до февраля 1904 г. Проживал с семьей в собственном доме по Лисуновской улице на Артиллерийской горе (ныне пересечение улиц Комсомольской и Ленина) с женой Александрой Варлаамовной. В Хабаровске у них родилось четверо детей: Клавдия, Варлаам, Николай, Софья. Михаил и Зинаида, видимо, появились в Николаевске. В августе 1896 г. в доме отца Серапиона останавливался преосвященный Макарий, епископ Камчатский, который прибыл в Хабаровск для освящения домовой церкви в честь мученика Сергия Римлянина. В 1904 или 1905 г. уже в сане протоирея отец Серапион назначен настоятелем Николаевского со-

Священномученик Серапион Амурский (Черных)

бора в г. Николаевск-на-Амуре. Во время Первой мировой войны (1914–1916) он участвовал в работе областного отделения Николаевского района и Сахалина Комитета Великой Княгини Елизаветы Федоровны. Комитет занимался благотворительной деятельностью: помощью семьям лиц, призванных на службу. Потом началась революция и гражданская война».

«28–29 февраля 1920 г. Николаевск заняли “лихие эскадроны” приамурских партизан-анархистов под командованием Якова Тряпицына и Нины Лебедевой. В докладе иеромонаха Никанора (Лепешева), преподавателя Хабаровской духовной семинарии, “Православные аспекты истории создания и становления города Николаевска-на-Амуре”, приводится следующее сообщение: “4 апреля (вариант: 1 марта) 1920 г. принял мученическую кончину протоиерей Серапион Черных, с 1895 г. служивший настоятелем Николаевского собора. Людьми Тряпицына и Лебедевой о. Серапион был спущен под лед в бухте, во время освящения вербы, прямо в облачении. Священномученик Серапион Амурский был прославлен в лике святых Собором РПЦЗ в 1981 г.».

Дети Алексея Леонтьевича.

Черных Никита Алексеевич (1885), с. Тигиль, репрессирован.

Дети Петра Прокопьевича:

Черных Иван Петрович, (1882), место рождения: ДВК, камчадал, арестован в 1934 г., осудивший орган: Тройка УНКВД по ДС, осужден 13.03.1938, статья: 58, расстрелян 27.03.1938, реабилитирован 11.05.1989.

ЛОГИНОВЫ – АНЖУ

В середине XIX столетия святитель Иннокентий, апостол Сибири и Америки рукоположил детей дьячка Большерецкой Успенской церкви Петра Константиновича Логинова в сан церковно- и священнослужителей. Старшему из них — Алексею — он велел с тех пор быть Лонгиновым. А братьям Харлампию, Симеону и Иоанну Логиновым — быть теперь Петрологиновыми.

Это известные истории и о них мы рассказывали в других своих книгах.

Но на протяжении почти трех столетий, как несут свою службу на Камчатке Логиновы — Лонгиновы — Петрологиновы, случились сотни новых и новых фамильных преобразований, когда дочери из этого рода выходили замуж.

И об одной — самой известной из всех историй этой семьи — наш рассказ.

Сразу оговоримся, что материал для него собрали не мы. Летописцем этой семьи является Светлана Узлова, которая по крупицам собирает все то, что было унесено в неизвестность Ураганом Великого Государственного Переворота 1917 года и последующей за ней гигантской волны гражданской войны и политических репрессий.

Сын Петра Михайловича Логинова, патриарха этого рода, Иван Петрович Логинов тоже был священником, но за пьянство был разжалован в дьячки.

У него была большая семья. Трое сыновей и три дочери. Сыновья, как и положено, закончив Камчатское духовное училище, стали священниками. Братья — Георгий и Александр — в 1854 году бесстрашно служили молебны под обстрелом артиллерии англо-французской эскадры.

А у сестер, естественно, была другая судьба. Им несказанно повезло: на Камчатке в это время была замечательная женщина — Людмила Ивановна Рикорд, жена начальника Камчатки Петра Ивановича Рикорд. В российской истории она известна как писательница. А на Камчатке ее знали, как добрейшей души человека, который не мог пройти мимо тех девчонок, которые росли на ее глазах в Петропавловске. И она взялась за их воспитание, превращая в благородных девиц. Ей даже специально доставили из Петербурга на морском корабле рояль, чтобы она приобщала своих воспитанниц к прекрасному.

Но жизнь шла своим чередом. И порядки «старины глубокой» въелись настолько глубоко в провинциальную жизнь Камчатки, что изменить здесь что-либо было чрезвычайно сложно.

Дьячек Иван Петрович не спрашивал о том, какие чувства и к кому испытывают его дочери. Он просто, одну за другой, выдавал их замуж.

Первую — за Петра Федоровича Выходцева — сына рыльского купца Федора Алексеевича Выходцева, комиссионера Российско-Американской компании, с отцом которого вел когда-то какие-то темные дела, будучи еще священником в Нижнекамчатском остроге. Петр Федорович увез семью на Аляску, откуда впоследствии за какие-то уже свои собственные «грехи» был сослан… в Камчатку.

Вторую — также за сына местного купца.

А вот третью…

Здесь случай особый.

В память о Витусе Беринге Джеймс Кук назвал пролив, разделяющий Азию с Америкой, его именем, якобы, в благодарность за то, что капитан-командор развеял миф о соединении двух материков. Увы, великий Кук поторопился с выводами — миф этот не был развеян и после того, как не стало в живых и самого Кука, хотя его корабли «Резольюшен» и «Дискавери» в 1778 году пробо-

роздили Берингово море, прошли Берингов пролив и были остановлены льдами лишь у мыса Северного (Шмидта).

...Шел 1820 год. Василий Берх, один из участников первой русской кругосветки, будучи на статской службе в Перми, неожиданно встретил на пороге своего дома странного гостя «в синей фуфайке, лосиных панталонах, с такими же стиблетами и с котомкою за плечами», при этом ни слова не говорящего по-русски.

Это был капитан английского флота Джон Кохрен (John Cochrane), племянник английского адмирала, который шел пешком из Дьеппа (Франция) через Германию и Россию — в Америку, чтобы самолично определить координаты «Шалоцкого (Шелагского) мыса» и установить, сходятся ли все-таки Азия с Америкой. То есть, ни Берингу, ни Куку наш герой не поверил.

Василий Берх постарался остудить пыл молодого путешественника: «Убеждаясь нехотя сими доказательствами, — писал Берх об этом удивительном человеке издателю «Сына отечества», — отвечал он: «может быть и так, однако ж я пойду непременно к Шалоцкому мысу».

А затем — на Камчатку, откуда ему непременно нужно будет попасть в Америку и добраться до широты 65-го градуса.

Не слишком ли смел был этот англичанин — в одиночку, пешком, без знания русского языка отправляясь в путешествие через два континента? Под Царским Селом его уже обобрали до нитки русские мужики, а что могло ожидать впереди?

Но при этом нужно не забывать, что, во-первых, до Перми Кохрен все-таки уже

Джон Дундас Кохрен (John D. Cochrane)

добрался. Во-вторых, как выяснилось, у него была исключительная закалка для путешествий такого рода. Первый свой большой поход он совершил во время американской войны: был послан из Квебека для защиты озера Супериор. «Туда и обратно» пешком составило 4000 верст. Затем он пять лет странствовал по Испании и Португалии. Вернувшись в Лондон, просил направить его в Африку для обследования истоков Нигера, но разрешения не получил. Тогда родилась мысль идти в Америку через Россию. За месяц он дошел из Франции в Санкт-Петербург (в этот срок входят и те несколько дней, что он провел в Берлине). В Петербурге, получив разрешение от графа Кочубея, Кохрен тотчас отправился в путь. Говорят, что от Москвы он уже не шел пешком, а ехал, но, судя по его дневнику, большую часть пути до Тобольска («Московский телеграф», 1825, №1) он шел все-таки пешком.

И еще одна немаловажная деталь, заставившая Берха поверить в то, что Джону Кохрену по плечу и не такой поход.

«Капитану Кохрену только 27 лет от рождения, он ростом не велик, но крепок телом и способен к перенесению всяких трудностей. Живши неделю у меня в доме, ел он только за обедом или один раз в 24 часа, да и то весьма умеренно. В последние дни, когда мы с ним короче познакомились, он просил меня велеть ему готовить часть свинины и бефстекс. Телятины он никогда не ест, отказываясь, что она слишком нежна для его желудка. На вопрос: долго ли он может пробыть без пищи? – отвечал г. Кохрен: «в среду (30 июня) удержал меня почетный губернатор Казани отобедать; из дому Его превосходительства поехал я с почтою к вам в Пермь. В субботу (3 июля) пришел я к вам прямо на обед. Что, вы думаете, ел я дорогою? Ничего кроме куска черного хлеба, коим я запил рюмку водки, выпитую в Оханске (от Казани до Оханска 536 верст)».

Берх поверил в замыслы капитана английского флота и рассказал ему о сообщении сотника Кобелева, датированном еще прошлым веком, о том, что на острове Кинговее, в долине американской реки Хеуверн, живут русские люди, которые читают русские книги, молются иконам и носят бороды. Живут там они издавна, а как попали, никто не знает.

— Рашен? — удивленно переспросил Кохрен. — Если я их найду, то останусь у них зимовать и доставлю вам самое подробное сведение».

С тем и расстались два путешественника, два моряка, один только недавно вернувшийся из Америки, а другой только еще вступающий в Азию, способную преподнести самые неожиданные сюрпризы. И судь-

бы этих двух людей удивительным образом сплетутся между собой.

Сначала отметим, что Кохрен, несмотря на подготовку, закалку и выдержку, не достиг ни одной из поставленных целей, хотя и добрался-таки до Камчатки.

Что же помешало?

Капитан английского флота… влюбился в дочь петропавловского священника и воспитанницу камчатского командира П.И. Рикорда пятнадцатилетнюю Ксению Ивановну Логинову. Об удивительной красоте этой девушки Кохрен узнал еще в Охотске — за время путешествия по Сибири он освоил уже русский язык, по слухам, создал в своем воображении образ такой девушки, что даже изменил маршрут, ради того, чтобы хоть раз увидеть ее. Но скорее всего легенда — многие суда, прежде чем идти во владения Российско-Американской компании на Аляске, заходили в Петропавловский порт. Но факт остается фактом — капитан влюбился, была сыграна свадьба, и летом 1822 года вместе с супругами Рикорд молодая чета Кохрен отправилась в Петербург. А оттуда в Лондон.

Здесь маленькое уточнение: это юное, утонченное благородным воспитанием, существо по имени Ксения, изволило в это же самое время влюбиться в юного морского офицера, так что в церковь для венчания ее не вели под руки, а несли, так как сама она не желала идти под венец с рыжим англичанином.

Сохранились уникальные воспоминания морского офицера Эразма Стогова об этой свадьбе: «Кокрен влюбился в одну из барышень, воспитанниц Людмилы Ивановны; барышня [Оксинька] была, как и все другие, умненькая и прехорошенькая. После, через двенадцать лет, я видел ее красавицей, барыней высокого тона; но уже не как Кокрен, который умер в Южной Америке, а как жену русского. Людмила Ивановна, выдавая замуж свою воспитанницу, как мать соблюла все обычаи. Пятидесятисемилетняя давность дает мне право рассказать некоторые тогдашние секреты.

Ксения Логинова-Кохрейн (Mrs. Cochrane)

Кокрена обручили в доме Петра Ивановича. Как теперь вижу эту сцену: молоденькая, хорошенькая невеста, с распущенными светло-русыми длинными волосами плачет и говорит: “не хочу за Кокрена, а хочу за Повалишина!” Повалишин был очень недурной брюнет. Но обручение совершилось. Лейтенант Саполович и я были шаферами [Кокрена]. Я учил Кокрена отвечать священнику на вопрос: согласен ли пойти и проч. — словом “да, согласен”. Наступил день свадьбы; нам, шаферам навязали на левую руку по огромному банту из пунцовой шелковой ленты. Кокрен, в моем новом вицмундире и, кажется, для большего эффекта в эполетах был отправлен в церковь. Невеста была убрана прекрасно.

Когда надобно было и ей отправиться в церковь[, но она не хотела], мы с Сапоновичем взяли ее под локотки и, как легкое перушко, понесли; она не дотронулась даже до земли ножками вплоть до церкви, которая стояла под дорогой, дорога к ней между разгребленными стенами снега была устлана красным сукном и освещалась фальшфейерами. Хор певчих встретил невесту концертом. Для Кокрена все было ново, и он так растерялся, что на вопрос священника, вместо должного ответа, отвечал: “здравствуй, благодарствуй!”.

Священник Иоанн любил говорить наставления. Венчая камчадалов, он, обыкновенно, говорил: “любите друг друга; если ты не будешь верен, то первый медведь тебя погубит; а если ты не будешь любить своего мужа, то он будет несчастлив на охоте, и ты не увидишь платка с золотом на голове своей, и не будет вам чашки чая”. Камчадалов очень трогали эти слова Иоанна. Я так и ждал, что он повторит это заученное наставление и теперь; но речь была сказана приличная.

Возвращаясь из церкви, мы увидели иллюминованные ворота дома начальника: над воротами красовался транспарант, изображающий Гименея, сыплющего из рога изобилия — радости, богатство и всякое счастие на новобрачных. Транспарант писал ссыльнокаторжный, с вырванными ноздрями и клеймами на лице — англичанин Бутлер. Он наказан за фальшивые ассигнации; хорошо образованный, уже старик, но все-таки не выучился говорить по-русски;

мы все его ласкали, давали работу и платили за плохие рисунки.

После обычных — встречи, приветствий и благословений, уселись за ужин. Петр Иванович был всегда готов на острое словцо. Он, обратясь к нам, сказал: “Теперь никто не будет винить Кокрена, что он не обошел кругом света; он обошел не один, а три раза — вокруг аналоя”. Все были веселы, и не могло быть иначе при доброте и радушии хозяев. Молодых проводили в дом капитана Калмыкова; заперли в комнату, а платье и обувь унесли».

Кстати, Эразм Иванович и составил интереснейший портрет первого супруга Ксении Ивановны Логиновой.

Вот их первая встреча: «Рассказ мой должен начаться в Охотске. В один прекрасный день — как начинаются многие рассказы (но в Охотске тем более памятны такие дни, потому что очень редки), в апреле шел я из порта домой по берегу реки Кухтуя. С чахлого льда реки поднялся на берег неизвестный мне человек и стал предо мною. Он был небольшого роста, худощав, одет в дрянной оленьей кухлянке, в изорванных торбасах (обувь), в непозволительно дурном малахае (шапка). Первая мысль — бедный тунгус. Нет — рыжая клином борода, рыжевато-светлые волосы, лицо красное, в веснушках. Нет — не тунгус. Ссыльнокаторжный? Нет — без кандалов. Жителей Охотска знаю всех — это не здешний. На вопрос: кто? — пришелец отвечал: Джон Андрес Дондас Кокрен , пост-капитан, и подал мне бумагу. То был паспорт от русского правительства. Потом в это же время Кокрен посмотрел в находившуюся у него бумажку и произнес фамилии: Повалишина , Берга и мою. Повалишина не было в Охотске; Василий Николаевич Берг был в то время в Перми советником казенной палаты, и мы проездом были его гостями. Маленьким я говорил по-французски, в корпусе забыл и начал учиться по-английски — не выучился; но, однако, кое-как некоторый запас вокабул помог мне пригласить незнакомца к себе.

У Кокрена не было ни одной вещи, кроме надетых на нем, а эти вещи были невозможны для комнаты. У меня на дворе имелась баня, и Джон Андрес Дондас Кокрен, пост-капитан, как говорится в русской сказке, в одно ухо влез, а в другое ухо вылез, — вышел из бани в моем белье, в моем вицмундире; но все-таки вышел не молодцом. Он ни слова не знал по-русски, но говорил на всех языках Европы; я же говорил только по-русски, но знал много слов английских и французских, умел поздороваться по- немецки и, сверх того, помнил слов десяток латинских. Учиться Кокрену по-русски слишком долго; учиться мне какому-нибудь языку — тоже слишком долго; а между тем говорить нам между собою надо. Первая проба говорить вдруг на всех языках довольно изрядно нам удалась, и мы остановились на этом способе, который в короткое время усовершенствовался и дал нам возможность почти без затруднения объясняться даже бойко. Но вот что вышло: мы между собою говорили как на родном языке, а нас никто не понимал. П.И. Рикорд и Людмила Ивановна, зная языки, слушали нас и не понимали ничего, потому что, для какого-то удобства, мы к иностранным словам приделывали русские окончания, у русских слов переделывали ударения; было у нас много слов — составных — русских с иностранными.

Но дело в том, что мы беседовали о всех отвлеченных идеях без малейшего труда; а что не понимали нас, сначала мы этого не замечали, потому что некому было понимать, а привыкнув переучиваться было поздно.

Кокрен был лет 35-ти; очень обходительный и очень любезный для англичанина; любил рассказывать, а рассказов у него было — без конца! Он обошел все государства пешком; знал нравы народов как свои пять пальцев. Как англичанин, он имел необходимость каждый день выпить три [бокала] пунша, кроме того, сего и прочего. Может быть, будет кстати теперь повторить переданный им мне рассказ о причине путешествия его в Охотск . Вот этот рассказ:

"Я только что возвратился из Испании и Португалии, которые я обошел пешком. Однажды в Лондоне, в обществе приятелей зашел горячий разговор о путешествиях и разных затруднениях; так как я обошел всю Европу пешком, то в беседе играл не последнюю роль. К концу вечера было довольно выпито, и были все навеселе; говорили с сожалением и о том, что некуда с интересом путешествовать, что весь земной шар истоптан англичанами. На столе лежали карты с путями путешественников. Один из беседовавших сказал: вот места, никем не посещаемые, и указал путь — Якутск, Колыма, Берингов пролив (ежегодно замерзающий ненадолго), Америка, Фактории компаний и — морем — домой. Разговор оживился, все рассуждали; но находили непреоборимые препятствия — невозможность! У меня было довольно в голове, и я находил возможным совершить это путешествие. Заспорили, я положительно объявил, что этот путь нетрудно пройти пешком; меня поймали на слове, и я дал слово совершить этот путь пешком. На другой день я и желал, чтобы этого вечера не было, но слово дано, исполнить должно! Сделалось известным мое намерение, я был львом дня. Надавали мне писем министры, вельможи,

коммерсанты —в Петербург и Москву. В Петербурге посланник меня представил Государю, он спросил, а я рассказал ему о моем намерении. Государь улыбнулся и сказал:

‘До Иркутска я еще знаю что-нибудь; но далее — мне неизвестно. Желаю вам успеха!’ Это было в начале лета. Чтобы не терять времени, я отправился рано утром. За Царским Селом четыре солдата отняли у меня все, даже сняли с меня платье, оставили фланель и башмаки. Хотели взять паспорт; но я, указав на печать из сургуча, сказал: ‘казен’, и паспорт мне оставили. Пройдя немного, я увидел хороший дом; меня в нем приняли, обласкали и одели, тут я и ночевал. Утром собираюсь идти; все жалели, но я уверял, что обязан идти — это мой долг! Мне предложили, что меня отвезут; я отвечал, что отказаться не имею права, но просить не должен. Так добрался до Иркутска, где давно меня ожидали и вручили мне все мои вещи, отнятые солдатами — славная полиция! Из Иркутска я плыл Леною до Якутска; там, по рекомендательному письму, один купец отправил меня при транспорте своих товаров в Колыму; туда на ярмарку прикочевали разные народы и чукчи с Берингова пролива, которые говорили, что они каждый год ездят на оленях на берег Америки — торговать. На предложение мое взять меня с собою чукчи просили пять сум (около 15 пудов) табаку, а это составляло огромную сумму по тамошним ценам, и, сверх того, чукчи не ручались за мою жизнь, им самим приходится сражаться по окончании торга в Америке. Итак, путешествие мое совершиться не могло. А так как всем начальникам было предписано охранять меня и давать пособия, то колымский исправник, узнав, что я хочу идти пешком [обратно] в Якутск, что, конечно, было невозможно, предложил: не желаю ли я доехать до Охотска с тунгусом. Я охотно согласился, предполагая из Камчатки возвратиться на корабле домой. Тунгус был беден, имел шесть оленей; на одном я ехал верхом. Олени составляли все имущество тунгуса. Питались мы дорогой только тем, что добудет охотою тунгус, его семейство и я; случалось не есть по двое суток. Для тунгусов, как я заметил, это было не лишением, — лисица, белка, заяц, птица — все служило пищею. Недавно я провалился с оленем в речку. Теперь я в теплой комнате, с полным комфортом и все забыл!?”

Да простит мне тень умершего моего приятеля; я имею основание по некоторым словам, сказанным им в минуту откровенности, что не данное слово в дружеской компании, в веселую минуту, было причиною его путешествия, а богатый торговый дом желал иметь подробности о торговле с

чукчами, что за известную сумму и принял на себя Кокрен. Так как Кокрен был — Джон Андрес, то мы и назвали его Иваном Андреевичем. Когда я объяснил ему, что русские, из почтения к отцу, прилагают к своему имени имя отца, то этот обычай очень ему нравился и он был доволен названием Ивана Андреевича».

Кохрен увез молодую жену в Англию.

Здесь они недолго пробыли вместе: поместив Ксению в пансион, Джон уехал в Южную Америку, в Каракас, где ему был поручен надзор за медными рудами. Скоро он привез сюда и жену. И опять недолго они пробыли вместе — летом 1825 года Джон неожиданно умирает. Вдове, госпоже Кохрен, в тот год только-только исполнилось восемнадцать лет. И длинная-длинная дорога предстояла теперь ей. Домой. К родным. Сначала в Англию. А в 1827 году — в Кронштадт, где в то время служил командиром порта Петр Иванович Рикорд, который вместе со своей женой, Людмилой Ивановной, были Ксении вместо родителей.

В Кронштадте и произошла новая удивительная и в то же время закономерная встреча. Петр Федорович Анжу, морской офицер в 1828 году вернулся в Кронштадт после участия в Наваринском сражении, где за храбрость заслужил Георгиевский крест, и нанес визит командиру порта, с которым его связывала искренняя дружба. Удивляться ли после этого знакомству двух молодых людей?

В тот самый год, когда Джон Кохрен преодолевал сибирские просторы, чтобы закрыть белые пятна Ледовитого моря у границ с Америкой, П.Ф. Анжу возглавил экспедицию к… Земле Санникова. В течение двух лет, на собачьих нартах или в байдарах, русские моряки описывали Новосибирские острова, впервые положили их на карту, а 5 апреля 1821 года отправились на поиски земли, виденной якутом Яковом Санниковым и русским путешественником Матвеем Матвеевичем Геденштромом.

Мороз, ветер, метели, торосы, трещины, полыньи…

«Проходит час, два, день, но впереди ничего не видно, кроме льдов. Но вот с вершины высокого тороса у самой черты горизонта путешественники различают контуры неведомого острова. Еще несколько часов пути, и экспедиция вступит на загадочную таинственную землю Санникова. Чем дальше на северо-запад продвигалась экспедиция, тем яснее вырисовываются контуры неведомой суши. Ошибки не может быть. Можно различить не только горы, но даже отдельные скалы, причудливо окрашенные лучами полярного солнца. Никто не сомневается, что на долю экспедиции выпало вы-

Парадный портрет П.Ф. Анжу

дающееся открытие и все дружно поздравляют друг друга с успехом. Но вот прошел еще час, другой. Солнце переместилось по горизонту. И вместе с изменением освещения, лежащий впереди остров стал увеличиваться, распространяться в стороны. Прошло еще немного времени, и экспедиция оказалась как бы в ложбине, зажатой со всех сторон горами. Но не было ни гор, ни Земли Санникова. Путешественники оказались жертвой полярного миража. Впереди ничего не видно, кроме причудливых нагромождений ледяных гор». (В.М. Пасецкий, Петр Анжу, М., 1958, стр. 20).

Но Санников дважды «видел землю», причем, в разных местах. Поэтому Анжу попытался было предпринять и поиски «второй», но пройти туда не позволили океанские льды. Поэтому сибирский губернатор М.М. Сперанский приказывает П.Ф. Анжу в 1822 году повторить поиски земли. В тот год был открыт (правда, совсем в другой стороне) остров, названный Анжу в честь натуралиста, врача экспедиции Алексея Евдокимовича Фигурина. Земли Санникова обнаружить не удалось… А потому легенды об этой Земле жили еще очень долго — так хотелось надеяться, что она все-таки есть, — и живут по сей день в замечательной книге «Земля Санникова», В.Ф. Обручева, рождая все новых и новых кохренов.

Так что встреча в доме Рикорда вдовы Кохрен и капитан-лейтенанта Анжу удивительна лишь для нашего рассказа. Но естественна их взаимная любовь. 24 октября 1828 года в церкви Морского корпуса в Кронштадте был совершен древний православный обряд — Петр Федорович и Ксения Ивановна стали мужем и женой.

Но удивительное на этом не закончилось. Помните Василия Берха? Того самого, что встречал в Перми Кохрена, а до этого был участником первой русской кругосветки. Возвращаться из Америки, как уже говорилось, ему пришлось через Сибирь. В Кяхте он побывал на сговоре будущего декабриста Владимира Ивановича Штейнгеля с Поленькой Вонифатьевой. И далее они поедут в Санкт-Петербург вместе. В Твери им будет уготована встреча с принцем Ольденбургским. «…И мог ли тогда воображать, — писал позже в своих “Записках” В.И. Штейнгель, —что сын этой августейшей четы, тогда еще не бывший на свете, через 50 с лишним лет будет благословлять образом моего сына».

Сына декабриста и дочь вице-адмирала Анжу, внучку камчатского священника Логинова… — Людмила Анжу станет женой Вячеслава Штейнгеля.

Сын же Петра Федоровича и Ксении Ивановны — мичман Петр Петрович Анжу примет участие в знаменитом плавании фрегата «Паллада», его именем будет назван один из мысов полуострова Корея.

И еще один штрих для полноты нашей удивительной истории: Василий Берх первым в русской истории расскажет о Большерецком бунте 1771 года. И благодаря ему мы узнаем еще об одном камчатском Логинове, отправившемся на поиски Земли Справедливости… — юнге Иване Логинове.

И еще одна деталь, скорее справка: советские исследователи назвали группу островов в Восточно-Сибирском море, открытую в 1772–1773 годах Я. Санниковым и И. Ляховым, островами Анжу.

Но на этом наша история с фамилиями не заканчивается.

Благодаря Светлане Узловой и ее двоюродному брату Кириллу Шалахину мы узнаем новые интереснейшие подробности из истории рода адмирала Петра Федоровича Анжу.

Другая его дочь — Александра Петровна (1839 – 06.10.1888) — вышла замуж за Владимира Васильевича фон Нотбек (22.04.1825 – 21.09.1894). Кто не знает — это выдающийся теоретик и практик стрелкового и оружейного дела, а также крупнейший организатор оружейного производства в Российской Империи XIX века, начальник Императорского Тульского оружейного завода, инспектор стрелковой части в войсках и инспектор оружейных и патронного заводов, генерал от инфантерии, кавалер многочисленных орденов.

Мария Владимировна фон Нотбек (10.04.1868 – 1941) стала женой Гавриила Георгиевича Милеанта (24.03.1864 – 1936): генерал-лейтенант Российской императорской армии; участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн: кавалер Золотого оружия. После октябрьской революции служил в Вооруженных силах Юга России. Затем эмигрировал. Супруги похоронены в Черногории на кладбище в Херце Нова.

Баронесса Мария Вячеславовна Штейнгейль вышла замуж за Николая Аркадьевича Воеводского, дочери которых — Мария и Людмила — поочередно (после смерти Марии в 1912 году) были женами того самого Николая Ивановича Черниловского-Соколова (27.08.1881 – 26.11.1936), который прославился тем, что затопил крейсер «Варяг». 23 февраля 1904 года был награжден орденом Святого Георгия IV класса «В воздаяние геройского подвига, оказанного крейсером 1-го ранга “Варяг” и мореходною канонерскою лодкою “Кореец” в бою 27 янв. 1904 г. с японскою эскадрой».

Людмила Николаевна, как и ее сестра, не дожили до революции 1917 года — Людмила умерла в 1916 году.

А вот роль Николая Ивановича в событиях гражданской войны весьма и весьма значительная:

Март 1917 — Член Севастопольского Центрального Военно-Исполнительного Комитета от офицеров флота.

Апрель 1917 — Подписал опубликованное в газете воззвание офицеров-сторонников демократической республики.

28 июля 1917 — Капитан 1-го ранга (старшинство 6 декабря 1913 года).

Август 1917 — Начальник Черноморской воздушной дивизии.

Май 1918 — Представитель Центрофлота Черного моря на переговорах с командованием наступающих на Севастополь немецких войск.

1918 — Произведен в контр-адмиралы гетманом П.П. Скоропадским.

1918 — Командующий гетманским флотом.

1918 — Начальник штаба официального представителя Морского министерства Украинской державы в Севастополе.

Ноябрь 1918 — Начальник штаба белого Черноморского флота.

Март 1919 — Врид Начальник Управления снабжения флотом,

Апрель 1919 — Эвакуирован в Константинополь.

Через Одессу пробрался в Сибирь на территорию, контролируемую правительством Колчака.

Сентябрь 1919 — Во Владивостоке зачислен в списки Морских сил на Дальнем Востоке в чине контр-адмирала.

1 февраля 1920 — Командующий Сибирской флотилией (приказ Временного правительства Приморской областной земской управы), одновременно Директор маяков и лоций Тихого океана и командир Владивостокского порта.

26 июля 1921 — Отстранен от должности и уволен в отставку с зачислением в резерв Штаба Сибирской флотилии.

1922 — Остался во Владивостоке, получил должность начальника Морских сил Дальневосточной республики.

Эмигрировал в Китай, умер в Тяньцзине.

Дети сестер Черниловских-Соколовых тоже оказались за границей — Сергей умер в Греции в 1920, а Николай — в Париже в 2005 году.

Дочь Вячеслава Владимировича Нотбек — Татьяна — родилась в 1931 году в Югославии, умерла в 2004 году в Бразилии. Ее дети — Бехтеевы — проживают в Испании и Бразилии.

Кирилл Игоревич Шалахин, летописец рода адмирала Анжу по мужской линии, родился во Франции.

Вот какова судьба его деда Доможирова Константина Владимировича (1896–1953), женатого на Ксении Петровне Анжу (1905 – 16.05. 1933):

«1-й кадетский корпус, академия Генштаба. Штабс-ротмистр. В Вооруженных силах Юга России, в 1919.07. в штабе 3-го армейского корпуса, младший помощник начальника разведывательного отдела штаба войск Новороссийской области. В Русской Армии в отделе ген.-квартирмейстера штаба Гавнокомандующего до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Сцегед». Галлиполиец. Осенью 1925 в прикомандировании к Корниловскому полку во Франции».

Трагична оказалась судьба отца и сыновей фон Нотбек.

Отец — фон Нотбек Владимир Владимирович (09.06.1865 – 1921). Мать — Лерхе Александра Карловна (31.09.1866 – 1930).

«Военачальник, генерал-лейтенант (1915). Из потомственных дворян; сын генерала от инфантерии В.В. фон Нотбека. Окончил Пажеский корпус (1885) и Николаевскую академию Генштаба по 1-му разряду (1891). Из корпуса, который он окончил с премией генерал-адъютанта Игнатьева, выпущен 7 августа 1885 г. подпоручиком в лейб-гвардии Егерский полк. После академии переведен в Генштаб. С 28 июля 1892 г. помощник старшего адъютанта, с 10 апреля 1892 г. старший адъютант штаба 1-й гвардейской пехотной дивизии. С 21 июня 1893 г. помощник старшего адъютанта штаба войск Гвардии и Петербургского военного округа; одновременно с октября 1894 г. по октябрь 1895 г. отбывал цензовое командование ротой в лейб-гвардии 1-м стрелковом Его Величества батальоне. С 6 декабря 1898 г. заведующий передвижением войск по железнодорожным и водным путям Петербургско-Двинского района; в мае–сентябре 1903 г. отбывал цензовое командование батальоном в лейб-гвардии Егерском полку. 6 декабря 1902 г. произведен в полковники. 8 октября 1905 г. назначен командиром 1-го железнодорожного батальона, а 15 сентября 1906 г. — исполняющим должность окружного дежурного генерала штаба войск Гвардии и Петербургского военного округа (с присвоением звания генерал-майора 13 апреля 1908 утвержден в должности). 31 декабря 1910 г. получил назначение начальником 2-й Финляндской стрелковой бригады.

После начала Первой мировой войны во главе бригады выступил на фронт. За отличие в бою 27 августа 1914 г. у Лыка награжден Георгиевским оружием (приказ 21 мая 1915). Отличился в боях в январе–феврале 1915 г. на Вышковском и Тухлинском направлениях, за что был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (приказ 28 марта 1917), а 23 марта 1915 г. произведен в генерал-лейтенанты. 12 мая 1915 г. его бригада развернута во 2-ю Финляндскую стрелковую дивизию. 3 июля 1915 г. назначен начальником 1-й гвардейской пехотной дивизии. После Февральской революции 25 апреля 1917 г. получил в командование VI армейский корпус, входивший в состав 11-й армии. В бою 11 июля в районе Лясковец лично возглавил атаку Туркестанских стрелковых полков, пытаясь остановить наступление немцев. После провала выступления генерала Л.Г. Корнилова 9 сентября назначен командующим 1-й армией вместо замешанного в выступлении генерала Г.М. Ванновского. За боевые отличия во время войны Нотбек был также награжден орденами Св. Анны 1-й степени с мечами (1915), Св. Владимира 2-й степени с мечами (1915), Белого Орла с мечами (1916). После Октябрьского переворота в ноябре 1917 г., когда разложение армии достигло предела, оставил командование.

В 1918 г. вступил в РККА, занимал пост военного руководителя Приволжского военного округа. После захвата территории округа частями Чехословацкого корпуса остался у белых, поступил рядовым в русско-чешский полк, участник боев. Впоследствии служил у адмирала А.В. Колчака, 9 марта был зачислен в резерв чинов при штабе Омского военного округа, 31 марта — в резерв офицеров Генштаба. С февраля 1919 г. помощник председателя Чрезвычайной следственной комиссии для выяснения обстоятельств, связанных с нарушением железнодорожного сообщения и телеграфно-телефонной связи в Забайкалье и причастности к ним полковника Семенова. С 15 июня по 18 июля помощник командующего войсками Приамурского военного округа, с 18 июня член военного совещания того же округа. С 23 сентября председатель постоянной думы кавалеров Георгиевского оружия. В январе 1920 г. состоял на учете при управлении коменданта Иркутска. По раз-

Владимир Владимирович фон Нотбек

личным данным, либо был убит (1920), либо умер в Верхнеудинске (1921)».

Сыновья:

Вячеслав Владимирович фон Нотбек (14.11.1893 – 1946).

«Старший сын командира 1-й гвардейской дивизии генерал-лейтенанта Владимира Владимировича фон Нотбека. Родился в Петербурге в 1893 году, окончил 2-й кадетский корпус, Павловское военное училище и в 1914 году был выпущен прапорщиком в лейб-гвардии Егерский полк. С 1915 года – в действующей армии. Участвовал во всех боевых делах полка — до его расформирования в 1918 году; дослужился до чина полковника. Награжден орденами Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом и Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом. После расформирования полка находился в Петрограде, преподавал на военно-экономических курсах РККА; входил в тайное монархическое объединение “Братство белого креста”. При подходе к Петрограду армии Юденича в июне 1919 года примкнул к Белому движению, затем с остатками армии ушел на территорию Эстонии, где несколько месяцев служил рядовым в эстонской армии — русских офицеров в ошалевшей от внезапного обретения независимости Эстонии тогда не жаловали. Вскоре Вячеслав Владимирович стал секретарем монархической организации “Союз верных”. С момента создания Врангелем в 1924 году Российского общевоинского союза (РОВС) Нотбек входил в его эстонский филиал, публиковался в эмигрантском журнале “Часовой”. В 1939 году выехал в Германию, откуда перебрался сначала в Югославию, затем, вероятно, во Францию, где находился центр первого отдела РОВС и общегвардейского объединения. Известно, что с парижским центром он поддерживал самые тесные отношения. 15 марта 1937 года полковник Нотбек был единственным лейб-егерем, приглашенным на торжества л.-гв. Казачьего полка в Париже. Отметим, что трагедия РОВС заключалась в том, что в основе идеологии союза лежал антибольшевизм. Все было логично и просто до начала Великой Отечественной войны. С ее началом оказалось, что продолжение непримиримой борьбы с большевизмом неизбежно вело в лагерь Гитлера. Вступить же в борьбу с нацизмом означало стать невольным союзником Советской власти. В результате РОВС разделился: его части действовали в рядах немецкой армии на Восточном фронте — отдельно от РОА генерала Власова, однако не меньшее число бывших офицеров императорской армии в составе отрядов РОВС боролось с немцами на территории Западной Европы. На какой стороне оказался Вячеслав Владимирович Нотбек — неизвестно. Его дочь смогла сообщить лишь то, что ее отец погиб в 1946 году на территории Германии. Зато удалось выяснить, что два его младших брата погибли, будучи участниками французского Сопротивления» (Волков С.В. Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога. М.: Русский путь, 2002).

Владимир Владимирович фон Нотбек (19.09.1895 – 14.08.1956), младший брат Вячеслава.

«1-й кадетский корпус 1911, Павловское военное училище 1913. Капитан л.-гв. Егерского полка. В Вооруженных силах Юга России. Подполковник. Эвакуирован 25 янв. 1920 из Одессы. На май 1920 в Югославии. В эмиграции там же, на 10 авг. 1928 в Белграде, член объединения л.-гв. Егерского полка, затем в Бельгии, 1931 командир 1-й роты Русской Стрелковой Дружины в Бельгии».

И было еще два младших брата, вероятно, о которых, как о погибших во французском Сопротивлении рассказывала дочь Вячеслава Владимировича фон Нотбек — Михаил (15.06.1897) и Георгий (23.11.1900).

Несколько лет назад Светлана Геннадьевна Узлова познакомила меня в Москве со своим французским родственником Кириллом Игоревичем Шалахиным, который пишет летопись рода адмирала Анжу.

Офицеры Лейб-гвардии Егерского полка у дер. Свинюхи (Галиция), сентябрь 1916 г. Штабс-капитан Вячеслав фон Нотбек третий справа

А еще какое-то время спустя в Звенигороде мы встретились со Светланой и ее мамой Ольгой Юрьевной (в девичестве Кашеваровой — это линия сестры генерала Владимира фон Нотбек Ольги Владимировны) с ее камчатскими родственниками — семьей Евгения Филаретовича Лонгинова…

ГЕРОИ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 ГГ.

Советские историки, поставив клеймо на русско-японской войне 1904–1905 гг., как «поражении проклятого царизма», отбросили, как не вписывающееся в их идеологическую догму, события Русско-японской войны на Камчатке, которая только благодаря мужеству и самоотверженности проживающего здесь коренного и старожильческого населения, осталась во владении Российской империи, а не перешла, как полувоенный трофей, Стране Восходящего Солнца.

У японцев виды по овладению Камчаткой появляются в 1897 году, когда Русское Товарищество котиковых промыслов, получив, как водится на святой Руси, «первый блин комом» на промысле камчатской царь-рыбы — чавычи, продукция из которой, приготовленная по методу засолки архангельской семги, протухла на полпути в Англию, пригласили японских специалистов, чтобы те разработали необходимые рекомендации для развития на полуострове рыбного промысла.

Японцы были в изумлении от того количества рыбы, которое пришло на нерест в камчатские реки. Японские лососевые реки к этому времени были уже полностью приведены в промысловую негодность, а тут… настоящий лососевый Клондайк.

Японцы тотчас открыли для России свой внутренний рыбный рынок, обеспечили российских рыбопромышленников кредитами, орудиями лова и собственными ловцами, а также транспортом для бесперебойной доставки рыбопродукции в Японию.

Технология же изготовления этой рыбопродукции была самая простая — пласт рыбы засыпался солью и покрывался рогожей, на которую ложился новый пласт, новая соль, новая рогожа… и так бесконечно, пока не вырастала гора соленой рыбы так называемого «сухого посола» (по-японски «бара»).

Рыба находилась под открытым небом, иногда оставаясь в зиму, если не представлялась возможность вывезти ее по окончанию путины, но и эта рыба мгновенно находила своего потребителя среди самого нищего населения Японии. Камчатский лосось здесь кормил всех и нищих, и самых богатых. Эта рыба была востребована на всех сословных уровнях.

Потому и сразу возник вокруг нее промысловый ажиотаж. И японские браконьеры («хищники», как справедливо их называли на Камчатке) ринулись за камчатским лососем уже в том же 1897 году. Сначала у камчатских берегов появились две-три шхуны, А потом их количество начало расти в геометрической прогрессии.

Тюшов В.Н., автор книги «По Западной Камчатке», окружной врач:

«…японцы, совершенно ознакомившись с действительным беззащитным положением Камчатки в смысле охраны ее богатств от хищников, несмотря на весь риск плавания в этих водах, в 1898 году появились как на западном, так и на восточном берегу Камчатки в таком значительном множестве, что суда Русского Товарищества, несмотря на дальность расстояния их прохождения от камчатских берегов, то и дело имели случай видеть хищнические японские шхуны».

Японцы работали по упрощенной схеме — быстро, сноровисто и беспощадно.

Высадившись в устье нерестовой реки, выгрузив соль для засолки рыбы, и продукты питания для своей промысловой бригады, разбив стан, они перегораживали реку сетями и выгребали все, что в них попадалось. Затем, по окончанию путины, соленая рыба загружалась на шхуну, и та уходила либо на Курильские острова, где у японских рыбаков были свои базы, либо сразу в Японию.

Не встречая практически никакого сопротивления местных жителей, а, тем более, не встречая никакого практического сопротивления со стороны камчатской и дальневосточной власти, японцы год от года наглели все больше и больше. В 1903 году, накануне ожидаемой уже войны с Россией, японская шхуна не побоялась зайти и вести промысел непосредственно в Авачинской бухте.

Начальник Петропавловского округа П. Ошурков, будучи в поездке по Западной Камчатке, попытался было предъявить свои права, но окружившие его японцы были настолько агрессивно настроены, что готовы были его убить, и начальник округа поспешно ретировался, чтобы не довести ситуацию до трагического для себя исхода.

Тюшов В.Н.: «…японцы в 1901 году появились у берегов в такой численности, что по свидетельству судового экипажа парохода “Котик”, на котором в тот раз находился для осмотра западного побережья и Окружной начальник г. Ошкурков, море на расстоянии мили от берега носило множество тел уснувшей горбуши, выкинутой японцами из сетей в море за ненадобностью.

Горбуша самый низкий сорт лососей, всегда выбрасывается (японцами), если есть в изобилии какой-либо другой лосось.

Желая остановить хищнический промысел двух японских шхун, замеченных в реке Облуковиной, окружной начальник хотел было конфисковать как уловленную и засоленную рыбу, так и сами шхуны, но капитаны шхун, напоив и вооружив своих рабочих и команды, не только отказались исполнять требование начальника, но и грозились убить двух русских из Петропавловска, которые в качестве японских же приказчиков оставались на берегу среди японцев и которые спаслись на “Котик” в одном белье, оставив во власти японцев и заработанные деньги, и все свои вещи.

Этот факт открытого сопротивления русским властям и на русской территории, факт нашего, обидного для России, бессилия, был занесен в шканечную книгу “Котика” и передан мне, как таковой, капитаном этого судна г. Щербининым. (Этот факт отмечен и в донесении русского консула в Хакодате своему начальству, причем г. Геденштром заявляет, со слов японцев, проникших и в японскую печать, что в ст. сов. Ошуркова японцы стреляли).

Впрочем, о нем знал и “Якут” (военный транспорт. — *С.В.*), но никто и ничего не предпринимал, а японцы, погрузивши ценную добычу, благополучно и неспеша вышли из р. Облуковиной с полным грузом».

А вот еще:

«С 1899 г. начался хищнический промысел рыбы японцами по всему побережью Камчатки, и население ее начинает справедливо уже жаловаться на оскудение рек рыбою вследствие перегораживания их в устьях японскими сетями.

Количество рыболовных участков, выбранных на чье-либо русское имя, значительно возрастает, причем и численность на этих участках японцев достигает до двух тысяч человек.

Имея в виду, что японцы сходят на берег с ружьями, понятно то опасение, явившееся как у жителей, так и администрации, что Камчатка при малейшем поводе окажется фактически занятой вооруженной японской силой.

<…> японцы начинают проникаться сознанием своей силы в Камчатке и чувствуют себя здесь хозяевами настолько, что какой-нибудь японец-матрос, подвыпивши, не задумывается кинуться с ножом на капитана-русского, не в потере сознания, но напротив, мотивируя свое нападение тем, что теперь уже должна быть война России с Японией и поэтому японцам следует убивать всякого русского. Такой случай был в Петропавловске в ночь с 18 на 19 июня н. г. (1903 г. — *С.В.*) на шхуне “Бобрик”.

Только тем, что японцы сознают свое превосходство, и можно, мне кажется, объяснить такое явление, как заход шхун в камчатские реки для лова рыбы без каких бы то ни было разрешительных документов, даже в устье Камчатки, пункт, в котором находится несколько человек казаков камчатской команды».

Практически все главные нерестовые реки Камчатки были в летний период перекрыты японцами, которые вели себя как хозяева, не боясь никого и не стесняясь.

Нужно сказать, что однажды все-таки камчатская власть решилась на некий прорыв. В том же 1903 году, когда умершего П. Ошуркова сменил на посту начальника (теперь уже не округа, а уезда) другой человек, была проведена военными морякам «Манджура» антибраконьерская операция в устье реки Большой, где действовали одновременно экипажи двенадцати японских хищнических шхун. Было арестовано и доставлено во Владивосток около 200 японских браконьеров. И дело закончилось… выговором местному камчатскому начальнику, который посмел дать команду арестовать «мирных» японских рыбаков.

Читаем его собственное признание: «Лично я не был на Большой. А там действовало русское военное судно, имевшее в отношении надзора за промыслами свои инструкции и действовавшее согласно с их велениями.

Но, тем не менее, конфискация шхун, арест японцев… и, главное, посылка во Владивосток особого парохода были записаны мне на новый минус, тем более, что раньше, до меня “на Камчатке все было так тихо, спокойно, а вот теперь черт знает, что делается…”».

Но в то время хотя бы речь шла еще только о «мирных» японцах. А что же будет во время войны?

Как сегодня известно, Русско-японская война была проиграна Россией во многом по причине предательства со стороны не только русского генералитета, но и со стороны русского правительства на Дальнем Востоке, вступившего в, разумеется, неофициальный коррупционный сговор с японцами…

Вот мнение одного из современников той далекой уже эпохи:

«Северное японское рыболовное общество (организующее в Японии промысел камчатского лосося — *С.В.*) вело даже переговоры о том, чтобы на случай войны камчатские рыбалки были “нейтральными”. Такого рода переговоры велись с начальником Командорских островов, ездившим… в Японию на рыболовную выставку. А Гребницкий был крупною величиною не

только на Командорских островах, но его признавали и на Камчатке. У Гребницкого были связи в Петербурге, были и крупные капиталы в американских и английских банках, нажитые им за тридцатилетнее “управление” командорскими промысловыми миллионными богатствами».

Последствия такого ареста японцев на реке Большой, который сами японцы восприняли как некое романтическое приключение, еще более взбодрил их для будущей промысловой экспансии на Камчатке, оказавшейся на самом деле даже еще более слабой, беспомощной и никому в России не нужной, чем это еще вчера, до ареста, казалось самим японцам.

Это одна сторона медали.

Жители с. Коряки. В центре, судя по наградам, сельский староста Дьяконов Прокопий Терентьевич (1853), который, как представитель сельских старшин Камчатки присутствовал на коронации царя Николая Второго в г. Москва в 1896 г.

Но есть и другая, о которой мало кто знает.

А дело было так. В 1875 году после продажи Аляски наши российские дипломаты совершили еще один акт национального предательства — поменяв Южный Сахалин на Курильские острова, они закрыли России выход в Тихий океан. Но на этот факт тогда мало кто обратил внимание. Предательство вскрылось только в годы Великой Отечественной войны, когда из Америки на Камчатку в бухту Ахамтен (ныне Русскую) пошли американские пароходы с военным грузом по ленд-лизу, а путь с Камчатки во Владивосток проходил только по единственному возможному (и самому опасному) маршруту — через Первый, богатый рифами, Курильский пролив — все остальные проливы контролировались японцами.

Курильские острова отходили к Японии не только территориально, но и вместе с проживающим на этих островах населением.

В течение 1875–1878 года, не получив никакой поддержки от правительства Российской империи, жители Северных Курильских островов — Шумшу и Парамушира — не спрашивая на то ни у кого разрешения, переселились на Камчатку — в исконно курильские поселения Явино и Голыгино, где их предки обитали еще во времена Степана Крашенинникова.

А через почти тридцать лет родился грандиозный военно-стратегический план отторжения Камчатки от России, который обосновывался «необходимостью» защиты интересов и территории проживания на Камчатке своих соотечественников, являющихся де-юре подданными микадо, но, де-факто, проживающими на территории Камчатки.

Смешав де-юре и де-факто и исходя из того, что Камчатку по международному праву нельзя оккупировать, решено было высадить на Камчатке вооруженный десант из отставных унтер-офицеров, которые, также, де-юре, не были уже военными, а, де-факто, были профессиональными военными — резервистами.

Командир будущего десанта отставной лейтенант японского императорского флота Сечу Гундзи провел разведку, прожив долгую камчатскую зиму под видом японского доктора в Большерецке, разъезжая по западному побережью полуострова. Выяснилось, что в период летней путины, когда основное население Камчатки занято заготовкой рыбы, западную Камчатку можно пройти в течение одного сезона и принудить ее население признать подданство Японии, начиная с сел Явино и Голыгино.

Поселения коренных жителей расположены друг от друга на очень больших расстояниях (в двести и триста километров), связи между ними никакой нет. Вооружение камчадалов-охотников примитивное, да и самих охотников в период рыбной ловли сложно отвлечь от главного их занятия — заготовки рыбы на зиму и для семьи, и для ездовых собак, без которых не обходится ни одна семья на Камчатке.

Тюшов В.Н.: «России не должно быть безвестным, что на ближайшем к Камчатке острове Шумшу японцы имеют, приблизительно с 95 года (1895 — *С.В*), военно-морской пост под командою лейтенанта флота, посещаемый ежемесячно крейсером. Говорят (слух из Нагасак), что на Шумшу и на Парамушире имеется по батарее и что названный лейтенант провел целую зиму на Камчатке под видом доктора».

Камчадалы — народ не воинственный, покорный власти, так что легко согласятся на японское подданство.

Нужно признать, что расчет был очень грамотный, рассчитанный на высокий результат.

Но вмешалась «нечистая сила».

Начальником Петропавловского уезда в 1903 году был назначен сумасшедший. Я не оговорился — именно сумасшедший. Даже было официальное заключение на этот счет, подписанное окружным врачом и известным ученым господином Тюшовым.

Этим сумасшедшим был бывший военный, а теперь журналист, редактор газеты «Приамурские ведомости», который объездил окраинные русские земли и написал объективные, честные очерки о том состоянии, в котором они находятся. Разумеется, все это было написано в самых черных тонах.

И тогда генерал-губернатор Приамурья предложил журналисту, автору этих критических очерков Антону Петровичу Сильницкому возглавить Петропавловский уезд.

И первые же попытки Антона Петровича радикально изменить жизнь в вверенном ему уезде натолкнулись на мощное сопротивление и со стороны областной — Приморской — власти, и со стороны жителей уездного центра.

Но по порядку.

Первым был арест японских «хищников» в устье реки Большой и последующий за этим выговор со стороны высокого начальства.

А вот и серия последующих действий Сильницкого и противодействия петропавловского общества.

Он попытался ввести на Камчатке «сухой закон» и закрыл местные кабаки, как рассадники пьянства и распутства.

Он прекратил практику купеческого сговора по приобретению ясачной (поступившей от коренного населения) пушнины и ввел пушные аукционы.

И он же вступил в конфликт с местной интеллигенцией, которая во все времена радикально настроена против любой власти.

И Сильницкий, обогнув, вроде бы, все предыдущие острые углы, уперся лбом в стену, преодолеть которую уже не сумел.

И эта интеллигенция вынесла вердикт — сумасшедший. Доктор В.Н. Тюшов этот вердикт утвердил. О чем, правда, потом жалел. Но дело было сделано — и документ о сумасшествии начальника Петропавловского уезда пошел гулять по инстанциям.

Это было в начале апреля 1904 года.

А в ночь с 22 на 23 апреля ситуация изменилась в корне — казак Николай Пинизин доставил «полетучку» (срочную почту) из Хабаровска — сообщение о войне с Японией.

А далее рассказывает сам Антон Петрович Сильницкий:

«Когда я обдумывал создавшиеся… обстоятельства, я не придумал ничего луч-

Камчатские казаки накануне Русско-японской войны 1904–1905 гг.

шего, как немедленно собрать полный сход петропавловских жителей, не исключая и своих противников.

Сход собрался в восемь часов утра, причем явились на него решительно все, ибо весть о войне распространилась по Петропавловску с быстротою молнии.

Сходу я объявил, что началась война и что, по моему мнению, нам надо ожидать высадки японцев на западном берегу. С моим мнением согласились, причем многие петропавловские старики, на памяти которых происходила знаменитая победоносная защита Петропавловска от соединенной англо-французской эскадры, выразили желание взяться за оружие, чтобы прогонять тех японцев, которые высадятся на наших берегах.

<…> С удовольствием могу отметить, что к этому решению примкнули и мои “враги”, которые протянули мне руки и сказали: “Что было, то было, а теперь все будем делать одно дело”».

Подчеркнем, что в данном случае Сильницкий говорит только о местных купцах, которые взяли на себя обязательства обеспечить всем необходимым народных ополченцев, записавшихся в боевые дружины. У местной интеллигенции было другое мнение на этот счет — они были за поражение России в этой войне.

Но, слава Богу, эта интеллигенция на Камчатке в то время представляла собой ничтожное меньшинство. А главное — ополченцев было чем вооружить: на складе в Петропавловске находилось четыре тысячи новых берданок и 800 тысяч патронов к ним, подаренных Камчатке высоким начальством в память о 200-летии присоединения полуострова к России. И это подарок оказался, как нельзя, кстати: «…население, — писал впоследствии А.П. Сильницкий, — между тем, сплошь как один человек охотники, отлично знающие все тропы, а к тому же неподражаемые стрелки. И таких стрелков мы могли набрать не менее двух тысяч, что при местных условиях представляло довольно-таки внушительную силу, особенно при партизанском способе ведения войны».

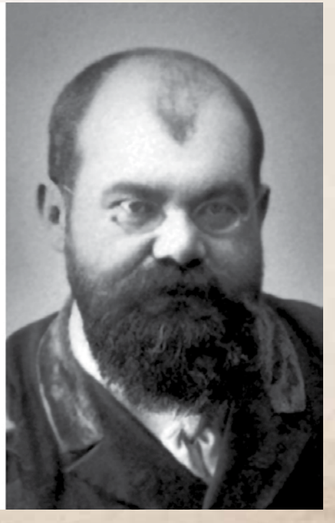
Начальником камчатских дружин был назначен заместитель Сильницкого штабс-капитан Вячеслав Ростиславович Векентьев, из потомственных дворян Владимирской губернии. Начальником Большерецкой дружины, на которую возлагалась особая ответственность за охрану западнокамчатского побережья, унтер-офицер Максим Иванович Сотников, уроженец Тобольска, служивший в 10-м Восточно-Сибирском линейном батальоне и присланный в 1897 году на Камчатку, чтобы обучить местных казаков воинскому строю и владению винтовками Бердана, которые русская армия того времени меняла на более современные и надежные отечественные винтовки Мосина, а потому и освобождала для нерегулярных войск свои оружейные склады.

13 мая 1904 года был дан первый бой. В тот день в устье реки Большой пришла шхуна, чтобы забрать рыбу, засоленную еще в 1903 году, но не вывезенную по причине ареста экипажа русскими моряками с «Манджура».

«13 мая большерецкая застава, — сообщал Сильницкий, — уже имела дело с японцами, причем 13 японцев было убито, а шхуна сожжена. Интересно, между прочим, что большерецкая застава пошла в атаку шхуны, под начальством отставного пятидесятилетнего казака, Александра Селиванова, по старому волжскому способу: “сарынь на кичку”, и при том на простых батах».

В составе отряда Александра Максимовича Селиванова были жители Большерецка Петр Кравченко, Павел Логинов и сын Селиванова Александр, а также прикомандиро-

Антон Петрович Сильницкий

ванные из Петропавловска Михаил Нагорный (донской казак, прибывший заработать денег на рыбных промыслах), бывший военный (возможно участник боевых действий в Китае) Ксаверий Бируля и петропавловские казаки, которые направлялись на мыс Лопатку для охраны от японцев бобровых лежбищ во главе с урядником Петром Васильевичем Толстихиным…

А далее пошли уже регулярные сообщения от Максима Сотникова:

«28 июня 1904 г. на р. Апала имел дело с Японской шхуной, которую сжег, команда, оказавшая сопротивление — уничтожена в числе 20 человек; 15 июля взял в плен организатора захвата Камчатки Японского Лейтенанта Гундзю и доктора Ода-Наотаро, высадившихся с вооруженною командою на р. Озерной, 17 июля сделал наступление на передний табор Гундзи, где уничтожил 17 японцев; 9-го августа на р. Воровской имел дело с Японской шхуной, шхуну и команду уничтожил; 13 августа захватил в море 3 японцев, шедших на остров Шумшу в шлюпке, шлюпку и команду японцев уничтожил».

О разгроме японского десанта, высадившегося в устье реки Озерной, Максим Иванович упоминает в своих донесениях очень скромно.

Причина простая — взяв хитростью (заманив в ловушку) в плен командира отряда Сечу Гундзи с сопровождавшими его людьми, дружинники попытались нанести удар и по десанту.

Вот, что пишет по этому поводу начальник уезда А.П. Сильницкий, который знал о происходящем с чьих-то чужих слов:

«Вслед за соединением петропавловских дружинников, пришедших морем (на шхуне “Мария”. — *С.В.*), и дружинников, пришедших сухопутьем (Большерецкой дружины. — *С.В.*), наши напали на японский лагерь.

Нападение было неожиданным. Японцы растерялись. Но все же они оказали отчаянное сопротивление. В этом столкновении наших дружин с японским отрядом, высадившимся с острова Шумшу, мы потеряли двух убитыми (на самом деле одного — Ксаверия Бирулю. — *С.В.*) и четырех ранеными. С японской стороны убито и ранено 32 человека.

Такой результат боя с малыми для нас потерями объясняется тем, что наши дружинники напали на японский отряд скрадом, ползком на животах, причем первый залп по японцам они сделали уже почти в черте самого лагеря, поросшего высоким камчатским шаломайником (папоротниковое растение).

Японский начальник Гундзи был взят в плен, японский флаг был сорван, и разбитые японцы бежали на свою шхуну, на которой, пользуясь ветром, и уплыли…».

На самом деле Антону Петровичу рассказали несколько историй о боевых столкновениях лета 1904 года, и он их все сложил в одну общую картину, но вывод был сделан правильный: «…за лето 1904 года на обоих берегах Камчатки… было убито до двухсот человек японцев и сожжено десятка два хищнических шхун».

Но вернемся к японскому десанту.

«Гундзи прибыл на Камчатку и высадился во главе вооруженного даже пушками отряда не только с ведома японского правительства, но даже и с затратами на это дело капиталов, как правительственных, так и национальных. Капиталов первой категории Гудзи получил 500 000 иен и капиталов второй категории 1 000 000 иен» .

То есть сказать, что высадка японского полувоенного десанта на Камчатке, была организована по личной инициативе Сечу Гундзи, о которой «не догадывались» в Японии, было бы, мягко говоря, неправдой — эта высадка готовилась с того самого 1895 года, когда на острове Шумшу начала создаваться база для сначала рыбопромысловой, а потом и военной экспансии.

30 мая 1904 года отряд из 150 человек, вооруженных скорострельными винтовками и двумя легкими полевыми пушками, высадился в устье реки Озерной. А еще через несколько дней, захватив село Явино (15 километров к северу от р. Озерной), Гундзи обнародовал свои планы, прибив в этом селе к столбу доску со следующей надписью: «Смысло на этой тын писаних слов: именно это земля уже принадлежит Японии, поэтому кто того трогай будут убиты. Командир японской войска Сечи Гундзи».

Но камчатские дружинники не знали еще на тот период времени, какими реальными силами располагает враг. Нужен был разведчик. Им вызвался быть паратунский житель Егор Ивойловский (в другом написании Евойловский) которому нужно было загладить свою вину перед обществом.

И 12 июля 1904 года на свет рождается это постановление Сотникова:

«Крестьянин селения Паратунских ключей Петропавловского уезда Егор Яковлевич Ивойловский, состоящий под судом по уголовному дело по убийству односельчанина, мещанина Алексея Корнилова, заявил на мой вопрос следующее:

“Я, Егор Ивойловский, считаю себя виновным в убийстве соседа Алексея Корнилова, теперь в виду войны России с Японией я узнал от Вас г. Сотников и других жителей, что на Озерной стоят японские шхуны и пришедшие на них японцы разграбили у явинских жителей все имущество, скота и

проч., угнали жителей в лес с ружейными выстрелами, на Ваше предложение гг. Сотников, Карлсон, Ал. Селиванов и явинский староста Игнатьев узнать неизвестную силу врага на Озерной я искренне и охотно… свое желание итти на Озерную и может, Господь Бог, поможет мне узнать силу оружия и личность врага и вернуться к Вам. Ибо я теперь жалею погубившего мною собрата, так равно жалею, если кого из Вас невинно убьют японцы, почему прошу указать мне место Озерной".

А потому согласно заявления Ивойловского постановил таковое принять за единственный случай узнать силу врага. Личным побыванием желающего Ивойловского в таборе расположения японцев, так как устье Озерной неприступное, открытое место для военных действий с какими-то ни было отрядом, да к тому же, если у них как слышно есть пушки или две, то приглашаю Вас поименованные выше братцы дать Ваши мне свое мнение, которое очень важно, и я искренно принимаю, если будут таковые по

Почетный караул от камчатских казаков. 6 мая 1897 г., крайний справа Максим Иванович Сотников

местным условиям, а потом видно что нам делать».

Явинский староста Игнатьев вызвался идти на разведку вместе с Ивойловским. 13 июля в 5 часов пополудни разведчики возвратились, побывав во вражеском стане. Именно благодаря этим двум людям и удалось заманить Сечу Гундзи (якобы, на встречу с бывшими курильскими жителями) и взять его в плен.

16 июля 1904 года был подписан этот исторический приказ:

«По команде, сформированной для защиты селения Явино на р.Озерной. Вчера, т. е. 15 сего июля враг попутал и в 10 час. утра Бог помог нам взять в плен командира вражеского японского стана, называвший себя лейтенантом Гундзи, расположившегося с японским войском на р. Озерной, который разграбил, расхитил и разорил вскоре жителей сел. Явино, находящегося в нем святыню, часовню во имя Св. и. Чудотворца Николая, словом обезобразил все селение, до того, что наверно вам братцы, каждому смотреть на эту картину неприятно. Попытав узнать, спросил пленного командира Гундзю, что он думал, когда граничил нашу Русскую землю, называя ее принадлежащей уже японской империи в селении Явинском на часовне выкинул японский флаг, то он, Гундзи, сказал, что он сие место покорил и на своем месте, сделав укрепление, промышляет рыбу.

Нет, не дадим, братцы, заокружим японцам, чтобы их мерзкая нога стала на нашу Русскую землю и чтобы флаг развивался на нашей святыне; хотя наше вооружение и несравненно слабже, но пойдем, братцы, прикажем им сложить оружие, а нет, то отомстим хищникам японцам. В 11-ом часу сегодня двинемся на Озерную возьмем с собою двух пленных японских переводчиков, пусть скажут нам, если они сложат оружие, то возьмем всех в плен, а если не сложат, то ударим с оружием в руках. Команду я разделяю на два взвода, каждый взвод на два отделения; первым взводом будет командывать у. оф. Кузьмин, а вторым казак Ал. Мак. Селиванов. Я, с 1-м взводом пойду к табору японцев, отпущу к ним переводчика, с тем, чтобы японцы сложили оружие и сдались живыми, если что будет замечено в противоположную сторону, то открою огонь, Ал. Мак. Селиванов займет передовую линию дабы не пропустить японцев в главный их отряд, где установлена батарея, рядовые Загайнов и Мишланов с своими отделениями должны остаться в заднем карауле, по кошке их строго должны караулить, чтобы не пробежали японцы, в случае побега останавливать, а не повинующихся стрелять. Братцы, подходя к табору, должна быть ти-

Доска поставленная на холме в 500 шагах на Норд-ост от Явино, снята М.И. Сотниковым 4 июля 1904 года

шина и спокойствие, трусить и теряться не надо, да и уже тогда поздно.

Храбрецами, братцы, Бог владеет».

Коллегиальное решение о вступлении в бой с японцами принимали: старосты-камчадалы Дмитрий Игнатьев (с. Явино), Иван Бутин (с. Голыгино), Дормидонт Антонов (С. Апача), отставной казак Александр Селиванов и торговец, житель села Явино Северин Карлсон.

Бой был дан. По данным Сотникова было убито 17 японцев. Из числа ополченцев — убит один — Ксаверий Бируля, который был похоронен неподалеку от места гибели.

А затем было принято совместное решение:

«…против такого превосходства оружия японцев, нам невольно придется отступить и оставить Озерную без вторичного нападения, к тому же перед самым выходом на вышеописанную разведку мной получено донесение Нагорного и Колпаковского старосты, что на р.р. Ича и Колпаковой стоит 9-ть хищнических шхун, я решил подобрав оставшееся в целости имущество жителей для перевозки в Голыгино, оставить селение Явино и направиться для защиты северных селений Ича и Колпаковой, от вторжения японских хищников во внутрь селений».

Решение было правильно — обезглавленный десант не предпринял более без своего командира никаких действий, кроме как ведения промысла нерки в реке Озерной, а потом сами покинули эти места.

Впоследствии Максим Сотников сообщал: «В течение лета 1904 года на протяжении от р. Озерной до р. Сопочной, в районе его заведывания обороной, уничтожено 11-ть Японских шхун».

А в Петропавловске в это время происходило нечто совершенно противоположное, о чем, к счастью, дружинники на побережье узнали гораздо позже.

Сильницкий А.П.:

«18-го июля. В разгар нашей борьбы с японцами, в Петропавловск прибыл… американский пароход “Минеола”, на борте которого был и Гребницкий.

…Войдя в управление, Гребницкий обратился к собравшимся со следующими словами:

— Министр внутренних дел телеграфирует мне, что ваш уездный начальник сошел с ума. Это вы, г. С… а потому, как сумасшедшего, я с сего момента устраняю вас от должности уездного начальника…

…Как только я ушел из управления, Гребницкий немедленно распорядился расформировать все камчатские дружины, поснимать с них “бутафорские ополченческие кресты” и сейчас же все “привести на мирное положение”.

Кресты снимались, выставленные мною сторожевые посты упразднялись, книги и всякие вообще дела по дружинам опечатывались, причем всем моим сотрудникам было объявлено привлечение их к суду за участие в разбоях в отношении к мирным японцам, приходившим к нам “ловить рыбу”.

…Когда ему представлялся плененный Гундзи, Гребницкий извинился перед ним на английском языке за произошедшее недоразумение, объясняемое единственно психическим расстройством уездного начальника…».

Но Антон Петрович все-таки вручил Гребницкому под роспись список имен дружинников из пятнадцати человек, которые, по его мнению, должны были бы быть награждены правительством с примечанием:

«Кроме поименованных, заслуживают, казалось бы, награды и те, которые приняли участие в стычках с японцами на реках Большой, Кихчике, Апале и в селе Явинском.

За неимением документов, каковые 18 июля с. г. переданы мною Гребницкому, под его расписку, я не могу, из опасения впасть в ошибку, поименовать отличившихся, но

полагаю, что таковых найдется не менее 25 человек».

К сожалению, в этом списке, который передал Гребницкому начальник Петропавловского уезда, впоследствии (до того, как этот документ был найден в архиве) была утрачена первая страница, но, полагаю, что первым номером в этом списке должен был быть указан начальник обороны Камчатки штабс-капитан в отставке Вячеслав Ростиславович Векентьев.

Вторым — Цезарь Эдуардович Жаба. У А.П. Сильницкого отмечены четыре пункта, согласно которым должен быть награжден Цезарь Эдуардович. В найденном нами документе есть только указание на 4-й пункт:

«Шхуна (“Мария” — *С.В.*) отвезла запасы провизии в с. Явинское для Камчатских ополченцев, действовавших против Сечи Гундзи; в селе Тигиль, для тигильских инородцев и казаков тигильского отряда, и в Гижигу, где люди по имевшимся у уездного начальника сведениям, голодали. Плавание шхуны завершилось при постоянной опасности встретиться не только с вооруженными японскими шхунами, но и с пароходами, вооруженными пушками».

А далее уже по порядку:

«3. Унтер-офицер запаса армии Максим Сотников. 17 мая с.г. был выслан уездным начальником для заведывания обороной устья реки Большой, когда высадились в сел. Явинском японские морские резервисты, до 200 чел., что случилось 10 июня, при 2-х скорострельных орудиях, под начальством лейтенанта японской службы Сечи Гундзи. Сотников принял начальство над ополченцами из соседних селений и большерецкими ополченцами, всего 100 чел., не имея никаких запасов провизии. 29 июня сего года Сотников выступил в поход на селение Явинское, разбил по дороге японцев на реке Апале, сжег их шхуну, причем убито 15 чел. японцев, взято в плен 6.

17 июля Камчатские ополченцы под начальством Сотникова напали на сел. Явинское, где расположились морские резервисты, выкинув японский флаг и водрузив доску с надписью, что “эта земля отныне принадлежит Японии” и что “кто этого не признает будет убит”.

Удар Сотникова на Явино, окончившийся пленением Сечи Гундзи и изгнанием японцев из этого селения, сопровождался боем с потерями: с нашей стороны одного убитым и тремя ранеными и со стороны японцев 17 убитыми.

4. Отставной унтер-офицер Кузьмин. Начальствуя отрядом дружины, посаженным на шхуну “Мария”, выказал отличную храбрость в Явинском бою. Ружейною пулею ранен в шею.

5. Отставной пятидесятник Камчатской казачьей команды Александр Селиванов. При отличной храбрости и распорядительности принял участие в вооруженных стычках с японцами: на реке Большой 15 мая, на реке Апале — 6 июля и в Явинском бою. На р. Большой пошел в атаку японской шхуны на простом бату и лично убил из винчестера 6 японцев, защищавших шхуну ружейным огнем.

6. Подследственный крестьянин Егор Евойловский. Освобожденный уездным начальником из-под стражи, в составе отряда Петропавловской дружины, сел на шхуну “Мария”; когда отряд дружинников, что был на шхуне, соединился с отрядом Сотникова, Егор Евойловсий, 13 и 14 июля, с опасностью для жизни, произвел подробную разведку расположения японцев в сел. Явинском и на р. Озерной; участвовал в бою и лично пленил Сечи Гундзи.

7. Донской казак Нагорный. Командуя заставой на реке Кихчик, разбил появившихся здесь японцев, сжег их шхуну; убито 13 чел., взято в плен 2; Нагорный лично разрубил шашкой капитана шхуны, бросившегося на него со штыком.

8. Тигильский казак Моисей Юшин. 13 июня был старшим на посту № 1 вблизи Петропавловского маяка; в этот день было настольно сильное землетрясение, что скала, на котором стоял пост № 1, от подземных ударов трескалась, и огромные ее куски, с грохотом и шумом, падали в море. Люди поста не покинули до тех пор, пока не получили письменного распоряжения уездного начальника.

9. Священник Большерецкого Григорий Коллегов. Воодушевляя отряд Сотникова к борьбе с японскими резервистами, что засели в селе Явинском, изгнали отсюда жителей в горы и леса, 29 июня исповедовал и приобщил Святых Таин весь отряд, отслужил напутственный молебен и в облачении проводил отряд в селение, осеняя его крестом до тех пор, покуда отряд скрылся из виду.

10. Священник села Мильково Иринарх Малахов. Участник событий 1854 года, споспешествовал дружному отклику населения долины реки Камчатки на призыв уездного начальника поголовно встать на защиту родного края от посягательства на оный японцев.

11. Петропавловский городской староста Петр Карякин. Всеми зависящими от него способами споспешествовал быстрому сформированию Петропавловской дружины, ее устройству в отдельном помещении, что дало возможность придать ей характер войсковой части, с установлением порядка внутренней службы, согласно

воинским уставам. Безоговорочно принял начальствование над дозором, высланным на шлюпках из Петропавловска на мыс Лопатка (Петр Корякин умер 24 октября 1904 г. на Лопатке при охране бобровых лежбищ и был похоронен 29 октября напротив Трех Сестер —РГИА ДВ ф. 1044, оп.1, д.11 — *С.В.*).

12. Петропавловский мещанин Карякин. Сопутствовал Векентьеву при организации Камчатского ополчения; будучи выдающимся охотником, споспешествовал первому благополучно проехать по Камчатке при весенней распутице более 2500 верст.

13. Урядник Камчатской казачьей команды Давид Савинский. При сформировании Петропавловской дружины и организации поголовного ополчения страны, успешно исполнял поручения уездного начальника, исполняемые при обыкновенных условиях, офицерами, чем много помог общему делу.

Группа камчадальских старост и В.И. Иохельсон. Село Хайрюзово. 1909-1910 гг

14. Русскоподданный, швед по рождению, Северин Карльсон. Хороший мореход и охотник, был проводником шхуны «Мария» при высадке ею дружинников в селение Явинское.

15. Крестьянин Гавриил Подпругин. Отличный знаток Камчатки, советом и делом помогал уездному начальнику при организации застав на устьях рек».

И Сильницкий был, разумеется, прав, что этот список можно было еще значительно расширить — по архивным документам проходят имена участников боевых действий на западном побережье в 1904 году:

Крестьянин Алексей Петрович Бречалов, староста села Большерец.

Казак Алексей Черных — брал в плен Гундзи.

Македон Ворошилов — участник событий на рр.Озерная, Опала

Евст. Панов (Апача) — Озерная, Опала, Воровская.

Староста Василий Спешнев и Григорий Заев — отражение японцев на рр. Колпаковой и Воровской.

Урядник Петр Толстихин, мещанин Николай Ворошилов — отражение японцев на устье реки Большой 18 мая 1904 г.

А вот список имен, участвовавших в отражении японцев на р. Ича и Колпаковой 8 июня и 27 июля 1904 г. (РГИА ДВ, ф. 1044, оп. 1, д. 129): Кантонист Григорий Толстихин, мещанин Константин Ворошилов, камчадалы — облуковинский староста Степан Климовский, Галактион Соболев, сын псаломщика Кириак Верещагин, ламут Конок Банакан, колпаковский Григорий Наседкин.

В документах отмечены также особые заслуги по организации местных дружин старостами этих сел: на р. Ича — староста Осип Тескин, на р. Сопочная — староста Василий Волчков, на р. Крутогорова — староста Семен Трапезников.

В Петербурге, где Гребницкий доложил о «сумасшедшем» поведении начальника Петропавловского уезда и его жителей по отношению к мирным японским рыбакам, эту информацию восприняли совсем даже не так, как предполагал прояпонски настроенный начальник Командорского уезда.

Сильницкий А.П.: «…в Петербурге оценили этот факт патриотизма камчадалов так высоко, что Сотников, например, простой унтер-офицер, был произведен сразу в подпоручики (минуя чин прапорщика — *С.В.*). Священник села Большерецкого Григорий Коллегов, напутствовавший камчатские дружины в бой с японским отрядом, не имевший решительно никаких наград сразу

получил камилавку. Прочие затем дружинники получили знаки отличия военного ордена, некоторые сразу третьей степени, помимо четвертой».

Но на Камчатке об этом еще ничего не знали. И 10 ноября 1904 года Максим Сотников, начальник Большерецкой дружины сообщает Векентьеву, командовавшему обороной Камчатки, о своей встрече с новым исполняющим делами начальника Петропавловского уезда:

«12 сентября с.г. я из командировки с западного берега Камчатки в Петропавловск вернулся, где 13-го в 9 часов утра явился к И.Д. Петропавловского уездного начальника г. Павскому, который не выслушав установленным порядком мой словесный рапорт, сидя за столом, закричал на меня “за что ты убивал японцев, они ведь мирные”. Я доложил г. Павскому, что первые японцы пришли в Камчатку, начали грабить мирных жителей до употребления в дело оружия и как не повинующие согласно приказов г. начальника уезда и инструкции г. штабс-капитана Векентьева после возможности были отражаемы не доводя до дальнейших грабежей жителей и издевательств над нашей святыней, за которую должны стоять и нерушимо охранять. На это г. Павский громко говорил, наколачивая по столу, “начальник был сумасшедший и приказы его дурацкие, а Векентьева и тебя повесят, за то что исполнял его приказы, а правительство понесет убытки за уничтоженные вами шхуны” и сказал “можешь идти”.

Представленные мною с Ичи 2 пленных японца, находясь в Петропавловске, пользуясь полнейшей свободой, подготовив еще 2 японцев… в начале августа бежали шлюпкой, которых заметили на Лопатке, что они прошли на Шумшу. Преследование бежавших г. Павским не найдено нужным».

15 июля 1905 года В. Векентьев сообщает А. Сильницкому:

«В конце мая прибыл пароход “Австралия” и на нем Гребницкий…

Чупятов теперь начальник Петропавловской дружины… Кузьмин — начальник облуковинского отряда — георгиевский кавалер, Нагорный — начальник конного отряда, тоже георгиевский кавалер 3 степ.; ст. унтер-оф. Чертов — начальник Большерецкого отряда, георгиевский кавалер 3 ст., Жаба заведывал обороной Западного берега, кавалер Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом, и Ваш покорный слуга, начальник обороны, кавалер Св. Станислава 2 ст. с мечами и бантом. И все, дорогой Антон Петрович, благодаря Вам. Искренно сожалею, что Вы отсутствуете, да и не я один… Обнимаю Вас крепко, любящий Вас В. Векентьев.

Гребницкий что-то политикует — мягко стелет».

Но, благодаря вмешательству Государя Императора, народные дружины в 1905 году вновь выступили на охрану своей границы.

Но и японцы были уже другие — готовые вступить в бой.

И вот, например, что произошло в июле 1905 года в устье реки Опала (сообщение подпоручика М.И. Сотникова, назначенного приказом начальника обороны Камчатки от 20 апреля 1905 года № 1 начальником Большерецкой дружины).

«10-го утром японцы в 4-х шлюпках съехали всего до 40 человек, обследовавши противника с малым отрядом, 16-ю молодцов, дружинников, в 2 часа дня ударили на японцев, стычка продолжалась с 2-х до 5 часов дня, при чем оказалоось 18 японцев было убито на берегу, а остальные пытались бежать шлюпками, которые на баре реки почти все убиты, могли утти лишь в 2-х наполненных водою 7 челов., да и те раненые.

Докладываю Вашему Благородию, что по местным условиям отряд пришлось разделить на два отделения. Я с первым занял самое устье, а вторым Мышланов — залив реки через косу. Во втором отделении бой перешел в рукопашную, хотя дружинников было только 7 человек, а японцев — 18, некоторые из них имели ружья, все японцы — 18 человек бросились на 7 человек дружинников, но через 1 час были сняты, например, 3 японца бросились на дружинника сел. Апача Гаврила Панова, хотели взять ружье, но Панов много уже перенес ударов — ружья не дал, которому молодцевато явился на выручку Иван Осминин, который всех японцев уложил наповал. Панову же японцы успели нанести много ударов, разбили лицо и на правой щеке дали две кровавые царапины ножем, ружье Панова, винчестер 45-70 калибра разбили и на дружинника сел. Явина — Василья Дектерева — 3 японца, которому японцы нанесли одиннадцать ран ножем: 1 на голове, 3 на левой щеке, 1 на левой руке и 6 ран на спине, кроме того кость левой руки ниже локтя повреждена, на выручку Дектяреву подоспел Голыгинский староста Иван Бутин.

Раны Дектярева и царапины Панова тотчас же промыты, и Американским гражданином Г. Гемен-Краинским сделана надлежащая перевязка, все раны Дектярева не опасны».

А 4 сентября 1905 г. пришло еще сообщение от директора первого департамента министерства иностранных дел Гартвига:

«Гребницкий из Сан-Франциско телеграфирует и просит передать: адмиралы Катого Идзуми и Суми бомбардировали Петропавловск 31-го сего августа, думая сделать его базой крейсерства своей эскадры;

разрушены маячные здания, уездное управление, разграблены пороховые склады, убито много обывательского скота, у обывателей отобрано все огнестрельное оружие, раненных и убитых нет; окружной начальник Лех, взяв кассу, женщин и детей ушел с дружиной внутрь страны. Американское судно “Австралия”, зафрахтованное Камчатским обществом, захвачено в порте с Брюгеном и со мною».

Правда, вскоре Брюгген оказался в Шанхае, а Гребницкий — в Сан-Франциско.

Оно и понятно — для японцев оба были своими.

Добавим к этому, что местные жители Командорских островов, во время отсутствия своего высокого начальства, также не подпустили ни одну хищническую шхуну к котиковым и бобровым лежбищам на островах Беринга и Медном.

По сообщениям японских источников за период Русско-японской войны было уничтожено более сорока шхун и убито более трехсот «мирных японцев»...

И я тоже готов подписаться под этими словами историка И.И. Огрызко:

«Тот факт, что Камчатка по Портсмутскому договору осталась за Россией, является огромной заслугой самого населения полуострова, которое в грозный час войны взялось за оружие».

Летом 1906 года японцы, получив очередную поддержку прояпонских сил, снова ринулись на Камчатку. Но теперь, после поражения России, они действовали гораздо наглее, чем прежде:

25 августа 1906 г.
Военному губернатору
г. Петропавловск Приморской области

18 июля с.г. в 1½ верстах от устья реки Воровской убиты японцами с хищнических рыболовных шхун, стоявших в реке Воровской, командированные... для наблюдения за рыбными промыслами подпоручик запаса Сотников и с ним петропавловский мещанин Македон Александрович Ворошилов; крестьянин Приморской области Южно-Уссурийского уезда Борисовской волости Никита Максимович Нечепурной и камчадалы селения Воровского: Александр Григорьевич Спешнев, Анкудин Михайлович Спешнев, Феофан Степанович Спешнев, Сергей Степанович Спешнев, Иван Васильевич Спешнев, Гавриил Степанович Спешнев, а также спасаясь от преследования японцев утонули в реке Воровской камчадалы Василий Петрович Спешнев и Гаврило Прокопьевич Спешнев. Ранены и спаслись камчадалы того же селения Каллист Иннокентьевич Трапезников и Степан Николаевич Спешнев. Оба находятся на излечении в Петропавловске.

Дети Каллиста Иннокентьевича Трапезникова — участник Курильского десанта Коминтерн и ветеран колхозного строительства на Камчатке Георгий (худ. М.И. Семенов)

...16 июля с.г. Сотников прибыл к амбару Камчатского торгово-промышленного общества, расположенного на левом берегу р. Воровской, в расстоянии 1½ версты от устья реки и в самой реке застал японские хищнические рыболовные шхуны, а именно: “Футами-мару”, “Тендомин-мару”, “Хоси-мару”, четвертую, название которой следствием не установлено, и пятую Хигаси-мару», стоявшую в море.

Шхуны, стоявшие в реке, ловили неводом рыбу.

Японцы расположились лагерем на другом берегу реки, на косе, примыкающей к морю, выстроили там для себя сараи, а также сложили соль, муку и засоленную японским способом рыбу, примерно около 16 000 штук, пойманную в р. Воровской.

В виду того, что лов рыбы производился японцами без разрешения и хищническим способом... Сотников, руководствуясь параграфом 30 Временных правил для производства морского рыбного промысла в территориальных водах Приамурского генерал-губернаторства, конфисковал у японцев с 16 по 18 июля с.г. два невода, шлюпочный парус, 150 кулей муки, 10 кулей рису и кроме того требовал представления 1000 руб. штрафу в пользу казны за незаконный лов рыбы. Это требование было предъявлено японцам гласно в присутствии Воровского сельского старосты Бориса Спешнева и германского подданного Владимира Стовас.

18 июля означенные деньги были переданы Сотникову с условием разрешения шхунам выйти из реки в море, но несмотря на это Сотников не только не дал разрешения на выход шхун (чувствуете, как следователь — коллежский асессор Садовников — пытается оправдать японцев! — *С.В.*), но узнав, что на косе у японцев осталось еще 13 мешков рису (то есть поняв, что японцы его, мягко говоря, надувают и намереваются вернуться назад, как только Сотников отправится дальше. — *С.В.*), отправил за ними к японцам на двух батах Воровского селения старосту Бориса Спешнева с камчадалами Степаном, Александром, Анкудином, Гавриилом, Феофаном Спешневыми и Каллистом Трапезниковым, а сам с прочими остался у амбара. Было около 3-х часов пополудни. На том берегу, что находился Сотников, собрались человек 12 японцев, среди которых находился японский врач Саки, участвовавший в минувшую войну и бывший в плену во Владивостоке. Саки хорошо говорил по-русски. Подойдя к Сотникову и обращаясь к нему, Саки сказал: “Ну что же, Ваше Высокоблагородие, выпустите Вы наши шхуны” и, получив ответ, что они может быть будут еще арестованы, Саки выхватил из бывшей у него в руках камышовой трости кинжал и насквозь проткнул им Сотникова...

Одновременно с этим по сигналу Саки на другом берегу реки и на косе, где были камчадалы, поехавшие за рисом, началось избиение камчадал... веслами были убиты находившиеся в батах люди за исключением сельского старосты Бориса Спешнева, отделавшегося ушибами, Каллиста Трапезникова и Степана Спешнева, притворившихся мертвыми. Недалеко от Сотникова были убиты Ворошилов и Нечепурной. Последний был убит кинжалом того же доктора Саки... Ворошилов выстрелами из винчестера убил двух японцев...»

Сегодня мы приводим в этом очерке уникальные документы, прежде нигде и никогда не публиковавшиеся. 5 июня 1905 году все тот же Гребницкий вручал по повелению Всероссийского императора Николая II награды героям обороны Камчатки.

В РГИА ДВ в фонде 702, в деле 2020 мы отыскали справку «О награждении» (к сожалению, не совсем полную), в которой сообщается важная для нас информация о героях обороны Камчатки в 1904 году.

«...2. Цезарь Эдуардович Жаба. Потомственный дворян Ковельской губернии. Окончил реальное училище. Имеет звание Шкипера Дальнего плавания и Прапорщика запаса пехоты. Около десяти лет служил на коммерческих судах дальнего плавания, в качестве Командира парохода. На Камчатку командирован был Военным Губернатором Приморской области за приемом одной из шхун, конфискованных “Манджуром”, 23 июля 1903 года. В 20 числах октября сказанного года потерпел вблизи Камчатки аварию, вследствие чего остался здесь на зиму. 22 апреля 1904 г. был призван Петропавловским Уездным Начальником в виду войны с Японией на действительную службу. Исполнил следующие поручения: с 22 апреля по конец мая командовал Петропавловской дружиной и, одновременно, ремонтировал шхуну, потерпевшую, как выше замечено, аварию, и на шхуне совершил плавания, поименованные в списке.

4. Отставной унтер-офицер Кузьмин. Служил при топографической съемке. В отставке свыше восьми лет. На Камчатке жил по собственным делам, имея домоводство: собак, скот. Поступил в дружину по собственному желанию и принял Начальство над дружинниками, командированными на шхуне “Мария” в Явино, Тигиль и Гижигу.

5. Отставной казак Александр [Максимович] Селиванов. 55 лет от роду. Имеет медаль на шее “за усердие” на Станиславской ленте.

7. Донской казак [Михаил Трофимович] Нагорный. 25-30 лет от роду. Приехал на

Камчатку в качестве приказчика на рыбные промыслы Зубкова.

8. Моисей Юшин, камчатский казак действительной службы Тигильского отряда.

9. Священник [Григорий Михайлович] Коллегов. Уроженец Камчатки. Семинарского образования не получил. Никаких наград не имеет. Священствует свыше 7 лет.

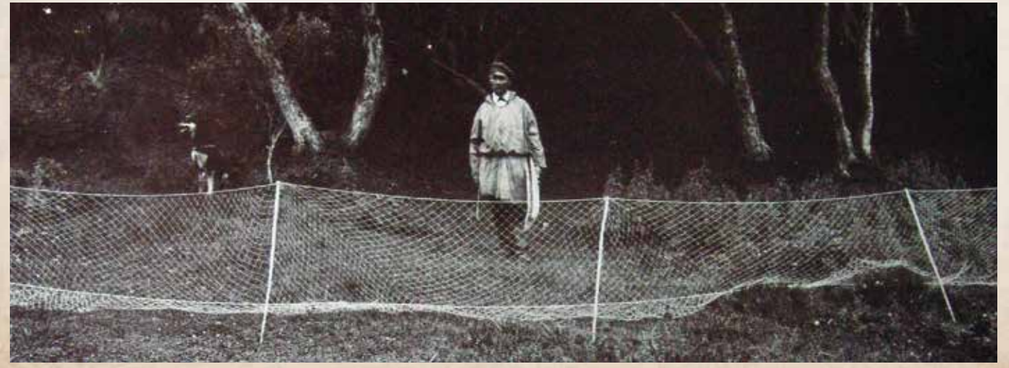
10. Священник Иринарх Малахов. Американский креол по рождению. Воспитывался в Ситхинской Духовной Семинарии, но курса не окончил. Состоит на службе свыше 50 лет. В 1854 году пел, под огнем англо-французской эскадры, молебен в качестве псаломщика. Священник Логинов получил за исправление этого молебна золотой Наперсный крест на Георгиевской ленте. Имеет скуфью, две медали и наперсный крест, установленный для Духовных лиц в память войны 1854–1855 г.г.

11. Корякин Петр. Петропавловский мещанин. Около 10 лет состоял кандидатом по городскому Петропавловскому Старосте. 4-й год — Староста. Имеет нагрудную медаль серебряную, на Станиславской ленте с надписью “За усердие”.

12. Михаил Корякин. Сын городского старосты. 27 лет от роду.

13. Урядник Давид Савинский,36 лет. Казак Петропавловского отряда.

14. [Северин Карлович] Карлсон. Камчатский торгующий в селении Явинском. В русском подданстве состоит 2-й год. До принятия подданства жил на Камчатке свыше 20 лет.

Петр Корякин, «известный на севере мореход и охотник на всякого зверя», альбом А. Сильницкого

15. Ржевский мещанин Герман Чупятов. Служил рядовым в гвардии. 40 лет от роду».

А затем — по воле императора Николая Второго, очень высоко оценившего значение подвига простых камчадалов, — посыпался на героев обороны Камчатки град орденов и медалей.

10 января 1905 г. г. Хабаровск

«За усердие и распорядительность по формированию дружин и охране берегов» награждены медалями «За усердие»:

Голыгинский староста Иван Бутин и житель с. Голыгино Семен Сторожев

Староста с. Явинского Дмитрий Игнатьев

Староста с. Колпаково Дмитрий Вагин

Староста с. Корякского Филипп Осьминин

Староста с. Начикинского Дмитрий Уваровский

Староста с. Крутогоровского Петр Трапезников

Староста с. Караги Коллегов

Коряк 2-го рода Иван Кырген

Староста с. Воямпольского Иван Лазуков

Далее: из телеграммы Пиамурского генерал-губернатора от 19 января 1905 г за № 142 в Петербург Наместнику Дальнего Востока.

«Достойными награждения стоит признать следующих лиц:

Подследственного по обвинению в убийстве по ревности крестьянина Евойловского, который будучи освобожден от стражи Уездным Начальником и находясь составе отряда, посаженному на шхуна Мария, произвел, опасностью жизни, подробную разведку расположения японцев селения Явино и реке Озерной, участвовал бою и лично пленил Сечу Гундзи. Знаков отличия не имеет.

Казака действительной службы Тигильского отряда Юшина, который, будучи старшим на посту вблизи Петропавловска, не покинул людьми поста, несмотря сильное землетрясение, время которого скала, на котором находился пост, трескался и огромные куски ея грохотом и шумом падали море, пока не получилось соответственное письменное распоряжение Уездного Начальника. Знаков отличия не имеет.

Священника селения Большерецкого Коллегова, который, воодушевляя отряд Сотникова борьбе японцами, исповедывал и приобщал Святых Таинств весь отряд, отслужил напутственный молебен, проводил облачении отряд за селение, осеняя его крестом, пока отряд не скрылся виду. Коллегов священствует свыше семи лет, наград не получал.

Священника селения Мильково Малахова, который споспешествовал дружному отклику населения Камчатки на призыв

Уездного Начальника поголовно встать на защиту родной земли. Малахов, участник событий 1854 года, состоит службе свыше 50 лет; имеет скуфью, две медали и наперсный крест, установленный духовных лиц память Севастопольской кампании.

Петропавловского городского старосту Петра Корякина, который всеми зависящими от него способами содействовал быстрому сформированию Петропавловской дружины, устройству ея отдельном помещении, что дало возможность придать ей характер воинской части, принял начальствование дозором, высланном шлюпках Петропавловска мыс Лопатку. Около десяти лет состоял кандидатом должность городского старосты, четвертый год старостой. Имеет нагрудные серебряную и золотую медали Станиславской ленте за усердие. Последняя пожалована шестого декабря 1903.

Петропавловского мещанина Михаила Корякина, сына старосты, который сопутствовал Векентьеву при организации Камчатского ополчения и, будучи выдающимся охотником, способствовал благополучному проезду по Камчатке, при весенней распутице, протяжении 2.500 верст. Знаков отличия не имеет.

Урядника Камчатской казачьей команды Савинского, который успешно исполнял при сформировании Петропавловкой дружины и организации поголовного ополчения поручения Уездного Начальника, чем много помог общему делу. Знаков отличия не имеет.

Запасного рядового гвардейской пехоты Чупятова, который, исполняя должность фельдфебеля дружины, был очень полезен общему делу. Знаков отличия не имеет.

Крестьянина Подпругина, который, будучи отличным знатоком Камчатки, помогал Уездному Начальнику советом и делом при организации застав в устьях рек. Знаков отличия не имеет.

...Поименованных лиц полагал бы представить следующим наградам:

Векетьева Станиславу второй мечами, Жабу Станислава третьей мечами, Сотникову первому офицерскому рангу зачислением армейской пехоты, Кузьмина знаку отличия военного ордена четвертой степени, Селиванова тоже третьей степени, Евойловского Высочайшему помилованию, Нагорного знаку отличия военного ордена третьей степени, Юшина серебряной нагрудной медалью Станиславской ленте за усердие, священников Коллегова и Малахова Анны третьей, Петра Корякина серебряной шейной медали Станиславской ленте за усердие, Михаила Корякина, Савинского, Чупятова, Подпругина нагрудными серебряными медалями Станиславской ленте за усердие».

Из письма епископа Владивостокского и Камчатского:

«...честь имею уведомить Ваше Высокопревосходительство, что с моей стороны препятствий к испрошению Высочайшего соизволения на пожалование священникам: с. Большерецкого Григорию Коллегову и с. Мильково Иринарху Малахову орденов Св. Анны третьей степени в поощрение за их содействие в отражении вражеского нападения японцев на Камчатку в минувшем году не встречается» (8 февраля 1905 г.)

«Последовало Высочайшее соизволение о помиловании крестьянина Евойловского обвиненного в убийстве из ревности».

Но это еще далеко не все. Отмечены были и события 1905 года, в том числе и бомбардировка Петропавловска японскими военными крейсерами и уничтожение отрядом Николая Горбунова японских шхун на реке Жупанова. В составе его отряда были:

Николай Горбунов — «был старшим в экспедиции, отправленной для охраны восточного побережья Камчатки от Петропавловского маяка до р. Жупановой и разбил японских хищников и уничтожил их шхуну».

Прохор Копылов, Илья Третьяков, Александр Черных — «участвовали в экспедиции по охране восточного побережья Камчатки в 1904 г., а в 1905 г. также были в экспедиции с Горбуновым...» Вместе с ними были также Николай Шестаков, Иннокентий Григорьев, Егор Крупенин, Иван Селиванов, Иван Косыгин.

«Список наградам, испрашиваемым за служебные отличия по обороне Камчатки по Петропавловскому уезду Приморской области (за 1905 год — *С.В.*)».

Заведующий обороны Западного берега прапорщик армии Цезарий Эдуардович Жаба. Вероисповедания Римско-Католического. 33 лет от роду — «За умелую распорядительность и труды при сформировании дружин и дальнейшее руководительство ими, благодаря чему дружины успешно защищали устья реки от натиска японских хищнических шхун имея успешные дела с ними». (Награжден в 1905 г. Орденом Св. Станислава 3-й степени с мечом и бантом, представлен к ордену Св. Анны 3-й степени с мечом и бантом)

Заведующий обороной Восточного берега зауряд-чиновник военного ведомства Арнольд Петрович Яуналькен. Вероисповедания протестанского, 29 лет от роду — «За умелую распорядительность и труды при сформировании дружин и дальнейшее руководительство ими, благодаря чему дружины успешно защищали устья реки от натиска японских хищнических шхун имея успешные дела с ними» (Представлен к чину коллежского регистратора).

Командир дружины подпоручик Максим Иванович Сотников. Вероисповедания православного. 33 лет — «Имел успешное дело с Явинской шхуной и захвативши ее принужден был сжечь, чтобы не досталась японцам». (Представлен к ордену Св. Станислава 3 ст. с мечом и бантом)

Командир Петропавловской дружины мещанин города Ржева Тверской губернии, запасной рядовой Лейб-Гвардии Измайловского полка Герман Михайлович Чупятов. Вероисповедания православного. 38 лет от роду — «Оказал полную распорядительность при формировании Петропавловской дружины, умело командовал; отправил экспедицию для обозрения берега, которая имела дело со шхуной, уничтожив последнюю. При бомбардировке Петропавловска заботился исключительно о бежавших из города женщинах и детях». (Представлен к званию потомственного почетного гражданина),

Делопроизводитель штаба обороны Камчатки сын надворного советника Петр Кириллович Берг. Вероисповедания православного. 29 лет — «За усердную полезную службу по возложенному на него делу ведения всей отчетности канцелярии по обороне и за спасение дел дружины во время бомбардировки г. Петропавловска» (представлен к ордену Св. Станислава 3 ст.)

Урядник Камчатской казачьей команды Давид Давидович Савинский. Вероисповедания православного 33 лет — «Вынес во время бомбардировки из Управления все денежные книги, гербовые и другие знаки и бобров и в общем по службе неся труды по канцелярии, отличающийся особенным усердием и образцовой честностью», (имеет с 1905 г. серебряную медаль «За усердие»-на Станиславской ленте для ношения груди) Представлен к званию зауряд-хорунжего.

Крестьянин Николаевского общества Гавриил Тимофеевич Подпругин. 52 лет — «Во время бомбардировки Петропавловска оставался в городе, обошел все брошенные жителями дома, позапирал их, благодаря чему воспрепятствовал грабежу. (Награжден в 1905 г. серебряной медалью «За усердие» на Станиславской ленте для ношения на груди). Представлен к серебряной медали «За усердие» на Анненской ленте для ношения на груди.

Бывший староста селения Сероглазка льготный казак Никодим Федорович Попов, 46 лет — «За распорядительность и усердие к службе». Представлен к серебряной медали на Станиславской ленте за усердие, нагрудной.

Староста селения Старый Острог Митрофан Васильевич Бибиков, 53 года от роду. — «За распорядительность и труды 1. по охранению и вывозу из Петропавловска казенных припасов в места, где бы японцы не нашли его и 2. По формированию дружины» Представлен к нагрудной серебряной медали «За усердие» на Анненской ленте.

Старшина селения Ключевского Алексей Николаевич Ушаков, 30 лет — «За выдающуюся и умелую распорядительность и особенное усердие». Представлен к нагрудной серебряной медали за усердие на Станиславской ленте.

Старшина селения Мильково Мартиниан Петрович Бобряков, 40 лет — «За усердие и распорядительность по службе». — тоже

Крестьянин Мильковского селения Николай Федорович Бобряков, 48 лет — «За распорядительность и усердие по командованию конным мильковским отрядом». — Тоже.

Урядник Камчатской казачьей команды Павел Степанович Львов, 49 лет — «За усердие и распорядительность по службе». — тоже.

Петропавловский мещанин Федор Михайлович Коршунов, 38 лет — «При отступлении женщин и детей из Петропавловска во время бомбардировки города бросил свой груз, приготовленный для отвоза для торговли более чем на 20 лошадях и этими лошадьми помог женщинам и детям». Представлен в нагрудной серебряной медали за усердие на Анненской ленте.

Пятидесятник Камчатской казачьей команды Гавриил Николаевич Крыжановский, 54 года — «Умело организовал дружины, выказал свою особую распорядительность по наблюдении берегами от внезапного вторжения японских хищников, благодаря чему одна шхуна одним из его отрядов взята с боя». Представлен к званию зауряд-хорунжего.

Крупенин Павел Васильевич

Петропавловский городской староста Петр Николаевич Косыгин. 68 лет — «За усердную службу». Представлен к шейной серебряной медали за усердие на Станиславской ленте.

Запасной унтер-офицер Федор Феоктистович Червов, 32 года. «За распорядительность и умелую организацию сторожевой службы по побережью вверенного ему участка от японских хищников». Представлен к нагрудной серебряной медалью за усердие на Анненской ленте.

Казак Камчатской казачьей команды Николай Николаевич Селиванов, 24 года «За мужество по отражению двух японских шхун в 1905 г. У мыса Лопатка». В 1905 г. Получил знак отличия военного ордена 4 ст. за отражение японцев у мыса Лопатка в 1904 г. Представлен к знаку отличия 3 ст.

Пятидесятник Камчатской казачьей команды Федор Давыдович Савинский, 43 «За распорядительность по формированию Усть-Камчатской дружины». Представлен к званию зауряд-хорунжего.

Старшина сел. Паратунского Степан Степанович Подпругин, 42 года. «За усердие и распорядительность по службе». Представлен к нагрудной серебряной медали за усердие на Станиславской ленте.

Петропавловский мещанин Алексей Константинович Косыгин, 40 лет. «За распорядительность по организации перевозки семейств на случай нападения японцев на Усть-Камчатск». Представлен — тоже.

Льготный казак Камчатской казачьей команды Павел Максимович Селиванов, 54 года. «За мужество во время отражения японских шхун в 1904 г. На р. Озерной». Представлен к знаку военного ордена 4 ст.

Льготный казак Камчатской казачьей команды Иван Васильевич Крупенин, 45 лет. «За отличное исполнение возлагаемых на них обязанностей и за смышленную расторопность при отступлении из г. Петропавловска». Представлен к нагрудной серебряной медали за усердие на Станиславской ленте.

Казак Алексей Корюкин, 20 лет. «За отличное исполнение возлагаемых на них обязанностей и за смышленную расторопность при отступлении из г. Петропавловска». Представлен к нагрудной серебряной медали за усердие на Станиславской ленте.

Льготный казак Николай Иванович Пшенников, 35 лет. «За отличное исполнение возлагаемых на них обязанностей и за смышленную расторопность при отступлении из г. Петропавловска». Представлен к нагрудной серебряной медали за усердие на Станиславской ленте.

Петропавловский мещанин Константин Константинович Гарднер, 27 лет. «За отличное исполнение возлагаемых на них обязанностей и за смышленную расторопность при отступлении из г. Петропавловска». Представлен к нагрудной серебряной медали за усердие на Станиславской ленте.

Петропавловский мещанин Иннокентий Егорович Машихин, 30 лет. «За отличное исполнение возлагаемых на них обязанностей и за смышленную расторопность при отступлении из г. Петропавловска». Представлен к нагрудной серебряной медали за усердие на Станиславской ленте.

Крестьянин Воронежской губернии Тимофей Григорьевич Вичиркин, 32 года. «За отличное исполнение возлагаемых на них обязанностей и за смышленную расторопность при отступлении из г. Петропавловска». Представлен к нагрудной серебряной медали за усердие на Станиславской ленте.

Казак Камчатской казачьей команды Василий Федорович Третьяков, 37 лет «За отличное исполнение возлагаемых на них обязанностей и за смышленную расторопность при отступлении из г. Петропавловска». Представлен к нагрудной серебряной медали за усердие на Станиславской ленте.

Младший унтер-офицер Николай Александрович Устюжанинов, 32 г. «За усердную службу по охране побережья от хищных японцев» Представлен к нагрудной серебряной медали за усердие на Станиславской ленте.

Петропавловский мещанин Федор Николаевич Белокопытов, 25 лет. «За усердную службу по охране побережья от хищных японцев» Представлен к нагрудной серебряной медали за усердие на Станиславской ленте.

Петропавловский мещанин Иван Николаевич Ворошилов, 30 лет. «За усердную службу по охране побережья от хищных японцев». Представлен к нагрудной серебряной медали за усердие на Станиславской ленте.

Староста селения Хутор Павел Афанасьевич Ворошилов, 58. «За усердие и распорядительность по службе». Представлен к нагрудной серебряной медали на Анненской ленте.

Староста Камаковского селения Степан Расторгуев, 46 лет. «За усердие и распорядительность по службе». Представлен к нагрудной серебряной медали на Станиславской ленте.

Старшина Нижне-Камчатского селения Захар Петрович Греченин, 36 лет. «За усердие и распорядительность по службе». Представлен к нагрудной серебряной медали на Станиславской ленте.

Старшина сел. Большерецкого Андрей Иванов Бречалов, 33 года. «За усердие и рас-

порядительность по службе». Представлен к нагрудной серебряной медали на Станиславской ленте.

Но и это еще не все.

Список Наградам, испрашиваемым за служебные отличия по обороне Камчатки от японцев по Петропавловскому уезду Приморской области:

1. Казак Камчатской казачьей команды Алексей Алексеевич Черных, 27 лет. «Мужественно участвовал при отражении японцев 17-го июля 1904 г. На реке Озерной и на мысе Лопатка 1905 г.». Представлен к знаку отличия военного ордена 4 ст.

2. Петропавловский мещанин Македон Александрович Ворошилов, 26 лет «За весьма полезное содействие при рекогносцировке Западного берега». Представлен к серебряной нагрудной медали «За усердие» на Станиславской ленте.

3. Камчадал селения Апача Гавриил Ильич Панов, 20 лет. «Мужественно участвовал при отражении японцев при реке Озерной 17 июля 1904 г. И на реке Апалой 10 июля 1905 г., где получил рану ножем в левую щеку при нападении на него 3 японцев». Представлен к серебряной медали «За храбрость» на Георгиевской ленте.

4. Старшина селения Верхне-Камчатского Арсений Степанович Машихин, 48 лет. «За усердие и распорядительность при формировании дружин». Имеет серебряную медаль на Станиславской ленте «За усердие» (1897 г.) Представлен к серебряной нагрудной медали «За усердие» на Анненской ленте.

5. Запасной нижний чин Алексей Яковлевич Загайнов, 33 года. «За распорядительность и усердие по службе, будучи помощником начальника Облуковинской дружины». Представлен к серебряной нагрудной медали «За усердие» на Станиславской ленте.

Представлены к званию зауряд-хорунжего:

Пятидесятник Федор Давидович Савинский — «За распорядительность по формированию Усть-Камчатской дружины»

Пятидесятник Дмитрий Иванович Коренев — «За усердную и полезную службу»

Пятидесятник Гавриил Николавич Крыжановский — «За умелую организацию дружины, распорядительность по наблюдению берегами своего участка, благодаря чему одна хищническая шхуна была взята с боя одним из его отрядов».

Но и это еще не весь список:

Участники обороны Камчатки
1904–1905 гг. кавалеры
георгиевских крестов.

Орден св. Георгия вручали исключительно за боевые заслуги, по своему статусу соответствует ордену св. Владимира, а по правилам ношения уступает только Андрею Первозванному.

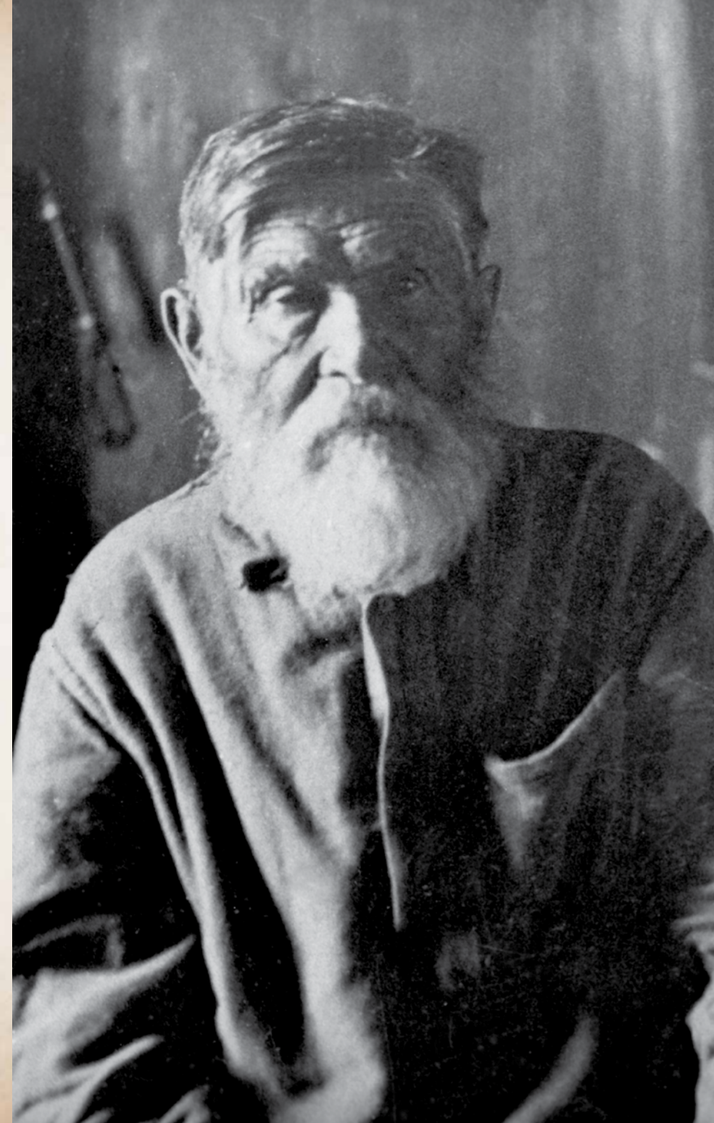
Бадаев Игнатий — Командорский архипелаг, остров Медный, дружинник. За отличия и заслуги, оказанные им при обороне острова Медного Командорского уезда Приморской области в войну 1904–1905 гг. (№ 169572).

Березин Петр — Остров Беринга, инородец, житель села Никольское. Руководя местными жителями при отражении и взятии японской хищнической шхуны 23 августа 1905 г., проявил особенное мужество и храбрость; ночью производил разведки (№ 169570).

Бречалов Алексей Петрович — Государственное ополчение, полуостров Камчатка, крестьянин села Большерецк. В стычке с японцами у реки Озерной 17 июля 1904 г. своей неустрашимостью и отвагой служил примером товарищам. Серьезно ранен пулями в левую ногу и левую руку (№ 171283).

Валынкин Николай Андрианович — Камчатская казачья команда, казак. За отражение японцев на мысе Лопатка (№ 171296).

Горбунов Николай Иванович — Государственное ополчение, полуостров Камчатка, матрос 1 статьи. Участвовал при уничтожении японской шху-

Крупенин Иван Васильевич, 1959 г.

ны на реке Жупановой; был старшим отряда (№ 171297).

Григорьев Елисей — Командорский архипелаг, остров Медный, дружинник. За отличия и заслуги, оказанные им при обороне острова Медного Командорского уезда Приморской области в войну 1904–1905 гг. (№ 169573).

Дехтерев Василий — Государственное ополчение, полуостров Камчатка, камчадал, житель села Явинское. При отражении японцев 10 июля 1905 г. на реке Опала получил 11 ножевых ран (№ 171304).

Заев Даниил — Камчатская казачья команда, камчадал селения Лесновского. За мужество, храбрость и умное руководство при взятии с боя 17 июля 1905 г. японской шхуны на реке Воямпольской (№ 169567).

Игнатьев Дмитрий Дмитриевич — Государственное ополчение, полуостров Камчатка, камчадал, Явинский староста. Мужественно участвовал при взятии в плен 15 июля 1904 г. Сечу Гундзи и при отражении японцев 17 июля на Озерной (№ 171278).

Карльсон Северин Карлович — Государственное ополчение, полуостров Камчатка, мещанин города Петропавловск. Мужественно участвовал при взятии в плен 15 июля 1904 г. Сечу Гундзи и при отражении японцев 17 июля того же г. на реке Озерной (№171289).

Климовский Степан Евстратович — Государственное ополчение, полуостров Камчатка, камчадал, Облуковинский староста. Участвуя при уничтожении японских шхун на реках Ича и Колпаковой в 1904 г., проявил храбрость (№ 171295).

Конев Николай Никитич — Камчатская казачья команда, казак. Под японскими выстрелами вынес с казаком Пинизиным из Петропавловска казенную пушку и за более важные дела (171302).

Копылов Прохор — Камчатская казачья команда, казак. Мужественно участвовал при отражении японцев на реке Жупановой; будучи часовым, под японскими выстрелами во время бомбардировки Петропавловска не покидал поста на Сигнальном мысу (№ 171280).

Костинский Петр — Запасной нижний чин, матрос, призванный из запаса, участник народного ополчения Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг., Большерецкая дружина, «участвовал в экспедиции с прапорщиком Жаба на шхуне “Мария” в 1904 г., которая обстреливала японскую шхуну, приведя ее в негодное состояние», «при перестрелке шхуны “Мария” с японской шхуной у реки Озерной 19 июля 1904 г. исполнял обязанности боцмана. Несмотря на жестокий ружейный огонь противника, Костинский, не покидая руля, успевал отстреливаться сам и ободрял малочисленный экипаж судна» (№ 171286).

Котов Владимир — Запасной нижний чин, участник народного ополчения в период Русско-японской войны 1904–1905 гг., «за отражение японских хищников на реке Русаковой Восточного берега Камчатки» (№ 171305)

Кроинский Эрнст-Гемен — гражданин США, участвовал при отражении японцев на реке Апале 10 июля 1905 г. и проявил мужественную храбрость» (4-й степени № 171291)

Крупенин Павел Васильевич — Камчатская казачья команда, казак. За отражение японцев на мысе Лопатка (№ 171301).

Кузьмин Леонтий Павлович -- Ефрейтор, участник народного ополчения Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг., Большерецкая дружина, «участвовал при отражении японцев на реке Озерной 17 июля 1904 г. и на реке Воровской 9 августа того же г., где вел себя мужественно» (№ 171284)

Ладыгин Дмитрий — Остров Беринга, инородец, житель села Никольское. Руководя местными жителями при отражении и взятии японской хищнической шхуны 23 августа 1905 г., проявил особенное мужество и храбрость: ночью производил разведки (№ 169571).

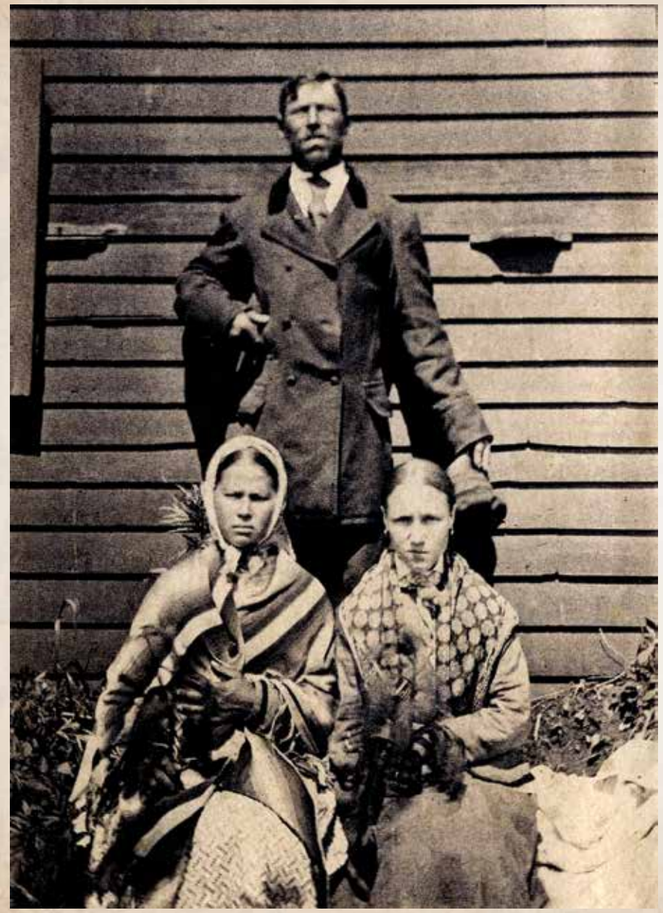
Нагорный Михаил Трофимович -- Казак Донского казачьего войска «за отличия, оказанные при защите Командорских островов и Камчатки от нападения японцев», награжден Георгиевским крестом 3-й степени № 14817.

Осминин Иван Павлович — Государственное ополчение, полуостров Камчатка, камчадал, житель села Коряк. Участвовал при отражении японцев против села Явино 6 июня и на реке Опала 10 июля 1905 г. и вел себя мужественно (№ 171300).

Панов Гавриил Ильич — Камчатская казачья команда, доброволец, камчадал селения Апача. За мужество и храбрость, оказанные им при отражении японцев на реке Опале 10 июля 1905 г., где получил рану в левую щеку при нападении на него трех японцев. За мужество и храбрость, оказанные им при отражении японцев 17 июля 1904 г. на реке Озерной (награжден Георгиевским крестом 4 степени № 169566 и 3-й степени № 8610).

Пинизин Василий Николаевич — Камчатская казачья команда, казак. Под японскими выстрелами вынес с казаком Коневым из Петропавловска казенную пушку и за более важные дела (№ 171279).

Пинизин Николай Николаевич — Камчатская казачья команда, казак. За отражение японцев на мысе Лопатка (№ 171285).

Крестьянин Подпругин с семьей, альбом Б. Дыбовского

Подпругин Иван Гаврилович — Камчатская казачья команда, крестьянин, доброволец. За мужество и храбрость, оказанные им при отражении японцев (№ 169564,).

Помазкин Николай — Камчатская казачья команда, казак. За отражение японских хищников на реке Русаковой Восточного берега Камчатки (№ 171292).

Помаскин Алексей — Государственное ополчение, полуостров Камчатка, мещанин города Петропавловска. Оставался на посту порохового погреба до конца бомбардировки города Петропавловска японцами (№ 171298).

Расторгуев Алексей Степанович — Государственное ополчение, полуостров Камчатка, камчадал селения Камаки. Участвовал при отражении японцев на реке Русаковой, когда проявил отличную храбрость (№ 171282).

Сафронов Дмитрий — о. Беринга, старший надзиратель, канцелярский служитель. «21–23 августа 1905 г., при покушении японской хищнической шхуны произвести убой котов на северном лежбище, местное население, ввиду высадки перед тем 3 августа в селении Никольском японского десанта с 2-х прибывших военных судов, из боязни вторичного их прихода, отказалось от защиты лежбищ. Собрав жителей в церкви и сказав им краткую речь о долге по защите Родины, 23 августа Сафронов лично руководил ими при отражении японской шхуны: японцы были разбиты, а шхуна захвачена и сожжена» (№ 169569).

Селиванов Александр Максимович — Камчатская казачья команда, отставной пятидесятник. За отличия, оказанные при защите Командорских островов и Камчатки от нападения японцев (3-й степени № 14816, 4-й степени № 162632).

Селиванов Иван Ильич 2-й — Камчатская казачья команда, кантонист, доброволец. За мужество и храбрость, оказанные им при отражении японцев на мысе Лопатка в 1905 г. (№ 169565).

Селиванов Николай Ильич — Камчатская казачья команда, казак. За мужество и храбрость, оказанные им во время отражения двух японских шхун в 1905 г. у мыса Лопатки (награжден Георгиевским крестом 4-й степени № 171303 и 3-й степени № 8608).

Селиванов Павел Максимович — Камчатская казачья команда, льготный казак. За мужество и храбрость, оказанные им при отражении японских шхун при реке Озерной в 1904 г. (№ 169562).

Сушков Иов — Командорский архипелаг, остров Медный, дружинник. За отличия и заслуги, оказанные им при обороне острова Медного Командорского уезда Приморской области в войну 1904–1905 гг. (№ 169575).

Толстихин Петр Васильевич — Камчатская казачья команда, урядник. При отражении японцев 10 июля 1905 г. на реке Опала получил 11 ножевых ран (№ 171307).

Удачин Григорий Михайлович — Камчатская казачья команда, крестьянин селения Ключевского. За участие и проявленное при этом мужество и храбрость при перестрелке и отражении двух японских шхун на реке Русаковой 26 июля 1905 г. (№ 169568)

Хабаров Поликарп — Командорский архипелаг, остров Медный, дружинник. За отличия и заслуги, оказанные им при обороне острова Медного Командорского уезда Приморской области в войну 1904–1905 гг. (№ 169574).

Хохлов Николай Семенович — Полуостров Камчатка, кантонист, сын матроса. В стычке с японцами у реки Озерной 17 июля 1904 г. служил примером товари-

щам. Серьезно ранен пулей в правое плечо (№ 171287).

Черных Александр Николаевич — Государственное ополчение, полуостров Камчатка, мещанин города Петропавловск. При бомбардировании японцами во время уборки канцелярии штаба обороны был контужен в голову; участвовал при отражении японцев на реке Жупановой (№ 171281).

Черных Алексей Алексеевич — Камчатская казачья команда, казак. За мужество и храбрость, оказанные им при отражении японцев 17 июля 1904 г. на реке Озерной. За дело в 1905 г у мыса Лопатки (награжден Георгиевским крестом 4-й степени № 169563 и 3-й степени № 8609).

Чудинов Осип Ипатьевич — Камчатская казачья команда, казак. За отражение японцев на мысе Лопатка (№ 171288).

Юшин Моисей — Камчатская казачья команда, казак. Из-под японских выстрелов унес из уездного управления казенную кассу (№ 171294)

Юшин Павел Иосифович — Камчатская казачья команда, казак. За взятие с боя японской шхуны на реке Воямполке (№ 171290).

И последнее, о чем бы хотелось сказать, подводя итоги этого — высоко оцененного Государем императором Всероссийским, но совершенно не оцененного в отечественной истории — подвига наших земляков.

Еще при жизни Гребницкого была дана оценка его подлой деятельности на Камчатке — вот что следовало из рапорта и. д. советника Приморского областного правления титулярного советника Сомова:

«В деле роспуска дружин и запасных нельзя не обратить внимание на то, что г. Гребницкий, участвуя в этом роспуске, а может быть будучи и инициатором его, несомненно превысил данные ему полномочия, которые перечислены в полученной им от Министра Инструкции. Это превышение допускалось им не один раз, так в 1905 г. несмотря на то, что со стороны Уездного Начальника было разъяснение жителям г. Петропавловска как поступать, если в город приедут японцы, он приказал вывесить белые флаги и даже один прибил собственноручно.

<…> назначил доктора Тюшева заместителем Уездного Начальника…

<…> г. Гребницкий заявляет, что то постановление о роспуске дружин было написано тогда, когда надобность в дружинах миновала и когда в Петропавловске было получено известие о пленении Гундзи, между тем обращение Гундзи к населению Камчатки с объявлением о присоединении Камчатки к Японской империи в связи с наличием при нем вооруженных сил, указывало на то, что дружинникам приходилось иметь дело не только с безоружными рыболовами, как о том написано в записке Тюшева, но и с вполне вооруженным неприятелем и в силу этого требовалось не расформирование дружин, а оказанием им всякой помощи в их трудном деле» (РГИА ДВ, Фонд 702, опись 1, д. 423 ч. 3).

А также выяснилось, по свидетельству главных «врагов» А.П. Сильницкого Тюшева, Роберта, священника Гуляева, а также его союзника — управляющего казачьей команды Корнеева, что Гребницкий «не производил дознания и следствия по заявлению Камчатского торгово-промышленного общества о том, что душевнобольной Сильницкий производил насилия и что данные заявления Гребницкого не соответствуют действительности»…

В 1905 году Антон Петрович Сильницкий, снова побывавший на Камчатке и Командорских островах, но уже в качестве… ревизора, информировал Приамурского генерал-губернатора, а он уже сообщал выше: «…Что касается японских хищников, то по собранным надворным советником Сильницким сведениям нападения их в нави-

Последствия проигранной войны: японская рыбалка, перевозка рыбы по узкоколейке. Альбом Ларина Ивана Емельяновича 1900–1920 гг. ККМГИ

гацию текущего года успешно отражались дружинниками на восточном и западном берегах Камчатки. Всего сожжено дружинниками четыре хищнических шхун и убито 17 японцев. Трое раненых лечатся в Тигильской сельской амбулатории. С нашей стороны потерь нет».

Как мы писали выше, японские источники оценивали свои потери на Камчатке в гораздо более крупных цифрах…

Сегодня, благодаря архивным изысканиям, нам известен полный список имен рядовых участников тех далеких событий.

Возможно, что наступит и то время, когда эти имена будут выбиты золотыми буквами на памятнике, который будет когда-нибудь установлен моими благодарными соотечественниками героям обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг…

ПЕТРОЛОГИНОВЫ

История появления этой фамилии напрямую связана с деятельностью апостола Сибири и Америки Иннокентия Вениаминова.

В 1840 году на территории Российской империи была создано территориально самая крупная — межконтинентальная! — Камчатская, Курильская и Алеутская епархия с центром в столице Русской Америке — Новоархангельске (совр. Ситхе). Позже Камчатская епархия вобрала в себя территории на только Русской Америки и Охотско-Камчатского края и Чукотки, но и Приамурье и Приморье с центром в Благовещенске.

И карьера многих молодых выпускников духовных училищ и духовных семинарий, уроженцев Камчатки, выходцев из семей церковно- и священнослужителей ковалась именно в этот период.

У священника Успенской Большерецкой церкви Петра Николаевича Логинова, правнука священника Богородско-Казанской церкви Илаго погоста Новгородского уезда Михаила Романова Логинова и внука студента Славяно-Греко-Латинской Академии Петра Михайловича Логинова, прибывшего на Камчатку в августе 1745 года учить камчатских детей алфавиту, арифметике и часослову в составе Камчатской Духовной Миссии, но оставшегося на полуострове и рукоположенного впоследствии в сан священника епископом Иркутским Софронием, было несколько сыновей.

Старшему сыну Петра Николаевича — Алексею, бывшему дьячку Лесновской церкви, где он служил вместе с родным братом епископа Степаном Вениаминовым, епископ Иннокентий при рукоположении его в сан священника в 1843 году изменил фамилию на Лонгинов. Так появилась новая камчатская династия священнослужителей.

А младшим братьям Алексея Петровича — Харлампию, Симеону и Ивану — епископ Иннокентий присвоил фамилию Петрологиновы.

Самый младший из сыновей Петра Николаевича – Константин Петрович – сохранил прадедову фамилию, оставшись служить под фамилией Логинова.

Харлампий Петрович Петрологинов, окончивший духовную семинарию в Ново-Архангельске, долгие годы служил на Камчатке в родной Успенской Большерецкой церкви.

Но тяга к знаниям, желание дать образование своим детям заставила его обратиться к церковным властям с прошением:

«Прослуживши в Камчатке 16 лет и имея большое семейство, состоящее из 8 душ, которое требует научного образования; и как здесь в Камчатке нет Училищ, в которые бы можно было их поместить, а тем более для девочек, а отправить по близости в какое-либо заведение, средств положительно не имею; и как мною в конце 1878 года в декабре месяце подано прошение Вашему Преосвященству о переселении меня в Амурскую область, и в настоящее время, по отдаленности здешнего края, Вашим Преосвященством оное не получено, то осмеливаюсь вторично повергнуть себя святительским стопам Вашего Преосвященства и нижайше просить, благоволите оказать отеческую милость, перевесть меня на Амур.

На что имею счастие ожидать милостивейшей Вашего Преосвященства Архипастырской резолюции.

Вашего Преосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца Нижайший послушник, Священник Харлампий Петрологинов. 1879 года. Июля 9-го дня»

12 сентября 1881 года принято решение отозвать Петрологинова в г. Владивосток. Назначено место в Турьем Роге. В последние годы он был настоятелем Иннокентьевской церкви в г. Хабаровске.

И не просто настоятелем, он был в числе тех лиц священно- и церковно-служителей, которые освящали этот главный храм столицы Приамурского генерал-губернаторства.

«В 1896 году протоиерей Успенского собора Александр Протодиаконов ходатайствовал перед Благовещенской Духовной Консисторией о разрешении постройки в Хабаровске новой каменной церкви на месте деревянного Иннокентьевского храма. Разрешение Преосвященного Макария, епископа Камчатской епархии было получено, и в этом же году 5 августа был создан

Храм Святителя Иннокентия Иркутского. Хабаровск

строительный комитет под руководством городского головы Алексея Александровича Рассушина. Закладка второго каменного храма Хабаровска прошла 22 июня 1897 года в присутствии генерал-губернатора С.М. Духовского, главного начальника края.

Проект будущего храма был разработан инженером-полковником В.Г. Мооро совместно с капитаном Н.Г. Быковым. Мооро — автор многих красивейших зданий Владивостока и Хабаровска. Строили церковь силами солдат местного гарнизона в очень короткие сроки — за теплые месяцы 1898 года здание было возведено под крышу, к осени выстроили колокольню и пятиглавие куполов, в октябре установили колокольню из 12 колоколов. Роспись выполнялась, по некоторым данным, на средства четы Пьянковых при участии первого хабаровского художника, выпускника Санкт-Петербургской Академии Художеств С.А. Казаринова. Иконостас и церковную утварь перенесли из старой церкви.

8 ноября 1898 года, в день Собора Архистратига Михаила состоялось торжественное освящение Градо-Хабаровской Свято-Иннокентьевской церкви, совершенное протоиереем Александром Протодиаконовым в сослужении с настоятелем освящаемого собора протоиереем Харлампием Петрологиновым и всем причтом. Стоящая на невысокой горе, окруженная одно- и двухэтажными постройками, эта пятиглавая церковь была прекрасно видна из всех районов города. Изящный силуэт был выполнен в стиле церквей XVII века, а шатровая восьмигранная колокольня придавала особенный выразительный вид со стороны Амура».

Сын Харлампия Петровича — отец Владимир (умер в 1906 г.) был священнослужителем Благовещенской епархии (Доле-Троицкая, Иннокентьевская Воскресенская, Борисоглебская церкви)

А сын отца Владимира — Харлампий Владимирович — родившийся в 1897 году, закончил в 1915 году Александровское военное училище. Революцию встретил в чине подъесаула. С 6 сентября 1918 года участвует в гражданской войне на стороне белой армии — на Восточном фронте вместе с атаманом Калмыковым; с 10 июня 1919 находился в управлении по передвижению войск Омского военного округа в составе управления коменданта станции Омск. Холост. Дальнейшая судьба неизвестна.

Сын почетного гражданина села Казакевичево Петра Харлампиевича Петрологинова Герман (1909 г. р.) в советское время служил налоговым инспектором Сталинского райфинотдела г. Хабаровска. 14 июня 1938 года был арестован, но дело за недоказанностью обвинения было прекращено, из-под стражи был освобожден.

Можно было бы подумать, что политические репрессии уже шли к своему закату, если бы не арест его двоюродного брата Николая Владимировича Петрологинова (1905 г. р.), который проживал в п. Судоверфь Сахалинской области и был заведующим складом этой судоверфи. Арестован 21 февраля 1938 года за антисоветскую агитацию и приговорен к 10 годам лишения свободы. Реабилитирован только 23 мая 1989 года.

Смерть брата настоятеля Градо-Хабаровской Иннокентьевской церкви отца Харлампия — Симеона Петровича Петрологинова — была событием, которое было освещалось 5 марта 1895 года в газете генерал-губернаторства «Приамурские ведомости»:

«На истекшей неделе 27 февраля скончался один из старейших обывателей здешнего края священник о. Симеон Петрологинов. Несколько строк, посвященных прошлому покойного, прочтутся, конечно, с интересом всеми близко знавшими эту симпатичную личность. О. Симеон — сын

священника, уроженец Камчатки, воспитывался и обучался в духовной семинарии в Ново-Архангельске… откуда в начале шестидесятых годов приехал на Амур; здесь безвыездно (30 лет) служил священником, частью на Уссури, частью на Амуре (ниже Хабаровска)… около 10 лет о. Симеон провел среди полудиких гольдов, преподавая им свет христианского учения…

Во внимание ли к заслугам… или личного к нему расположения — неизвестно, но бывший епископ Камчатский, впоследствии митрополит Московский Иннокентий, избрал о. Симеона своим духовным отцом и всегда у него исповедывался.

На похоронах и отпевании присутствовал главный начальник края (генерал-губернатор Приамурского края С.М. Духовской — *Ред.*), его помощник и масса публики».

Третий их брат — Иван Петрович Петрологинов — также служил в тех же краях, будучи священником Усть-Уссурийской Иннокентьевской церкви.

В письмах святителя Иннокентия сохранились отзывы о братьях: «Ив. Петр. Логинов, Ваш ученик, — называемый ныне Петрологинов, иерей точно будет очень хороший. Он отправился недели две в свое место, а вот в 21 число будет свадьба и брата его Симеона, который также, кажется, будет хорош. Он у нас за инспектора, и никуда не ходит, сидит себе дома и читает дух. книги, не то, что бывало Вас. Сем. Сновидов – нынешний диакон и учитель, который, кажется, и останется диаконом: очень неоснователен».

«Ученик Ваш, Семен Петрологинов, уже во иереях и служит очень хорошо. Он несравненно толковитее Вашего вселюбезнейшего и ненаглядного Семена Кокшарского. Мы посылали сего последнего для исправления треб к крестьянам и они говорят, что о. Семен не умеет служить, и в самом деле, я теперь уверяюсь, что он почти полуидиот. Я удивляюсь, как Вы его терпели в учителях!. Ну ладно еще будет, или сносно, если он не станет пить. А если будет пить, …то хоть в воду его. А о. Семен Петрологинов ничего больше не читает, кроме книг духовных. И говорит, горячий защитник веры и православия. И женочка его, сверх всякого ожидания, говорят, стала такая хозяйка расчетливая и рассудительная (по-своему), так что Ольга Ивановна удивилась ее первым разговорами резонам.

Что же касается до Семена Егоровича Логинова (сына настоятеля Петропавловского собора, героя обороны Петропавловского порта, награжденного золотым наперсным крестом — *С.В.*), то, кажется, долго придется ему дьячествовать, а о. дьякону Василию Сновидову — дьяконствовать… Последний как-то, Бог с ним, неоснователен и главное с испорченной грудью. У него голос теперь престранный — а он все-таки прихвастывает им при случаях, несмотря на безчисленные мои предостережения. Оттого-то я его и не сделал протодьяконом. А первый (Логинов) толковатее и основательнее того. Но не любит пропускать случаев выпить. Вот Вам отчет о Ваших воспитанниках! Об о. Иоанне Петрологинове я говорил прежде- и слава Богу он оправдывает наши надежды на него».

По стопам отцов пошли и их дети.

Особенно интересно пересечение камчатских фамилий на миссионерских тропах Дальнего Востока, например: «Особо следует сказать о миссионере Пуциловского стана в 1891–1895 гг. Иннокентии Федоровиче Верещагине. По отзыву епископа Камчатского Макария, это был «опытный миссионер и хороший учитель», основательно изучивший корейский язык. 16 марта 1895 г. он скоропостижно скончался от воспаления легких. Отцу Иннокентию Верещагину в школьной работе «деятельно» помогал псаломщик Александр Иоаннович Петрологинов».

А вот эти цитаты взяты из исторического исследования «Уссурийское Казачье Войско на завершающем этапе Гражданской войны. Ликвидация Уссурийского Казачьего Войска». И, как оказалось, все они имеют к данному очерку самое прямое отношение.

«На заседании Приамурского Народного Собрания 14 августа 1921 г. был заслушан доклад **председателя Войскового правления Уссурийского казачьего войска С.С. Петрологинова** об упразднении войска. Согласно этого доклада, все подготовительные работы по слиянию административно-хозяйственного аппарата войска с областными и уездными организациями правлением окончены. По предложению правления вся территория войска отходила к двум областям: Приамурской и Приморской. К Приамурской отходила территория от ст. Уссури прибрежной полосой до Хабаровска, включающая 41 селение, и по реке Амур в 600 км от Хабаровска - селение Киселевское, т.е. станичные округа Гленовский, Бикинский и часть Донского. Если Гленовский округ к этому времени уже слился с крестьянством, то Бикинский и часть Донского округа, входящие в Приамурскую область, в административно-хозяйственном отношении представляли собой отдельные волостные единицы и находились в состоянии слияния с областью.

…В октябре-ноябре 1921 г. **председатель Хабаровского Войскового правления С.С. Петрологинов** и его члены прибыли на юг войска. Главные цели и задачи

этого переезда из Хабаровска были декларированы в циркуляре Войскового правления, направленного прежде всего против Гродековского Войскового правления и атамана Ю.А. Савицкого. В нем разъяснялась политика Войскового правления, 10-го Иманского Войскового круга и содержался призыв к казакам Южных округов не поддерживать Гродековское Войсковое правительство и ВПП.

…5 декабря 1921 г. в приказе по **Уссурийскому казачьему войску Хабаровское Войсковое правление во главе о С.С. Петрологиновым** обратилось к населению Северных округов “бывшего Уссурийского казачьего войска” с воззванием. В нем правление призвало казаков дать должный отпор врагам русского народа — “меркуло-каппелевским бандам”, всемерно поддержать наревармию в ее борьбе за независимость ДВР, а молодежь вступать в ряды НРА».

Итак, кто же этот таинственный С.С. Петрологинов, который в период гражданской войны на Дальнем Востоке играл столь активную роль в казачьей среде?

Это Серапион Семенович Петрологинов, сын отца Симеона.

Выпускник Благовещенской духовной семинарии (1896/1906). Окончил полный курс (6 классов) по 2-му разряду (1906), учитель двухклассной школы в станице Полтавка Уссурийского казачьего войска (1913 г.). В 1921–1922 гг. — председатель Войскового правления Уссурийского казачьего войска.

В Хабаровском краевом архиве мне удалось обнаружить уникальный материал — воспоминания самого Серапиона Семеновича Петрологинова о событиях, связанных с возвращением Дальневосточной республики (ДВР) в состав России.

Мы приводим текст его воспоминаний полностью.

«10 лет минуло, как ДВР /Дальне-Восточная республика/ — буфер между Советской Социалистической Республикой и капиталистическими государствами на Востоке Азии — ликвидирован волею трудящихся нашей Дальне-Восточной окраины, руководимых и тогда в своей массе коммунистической партией.

Демократическая власть с ее министрами из эссеров, меньшевиков и кадетов уступила место диктатуре пролетариата, власти рабочих и крестьян; и Дальний Восток, временно оторванный от своей матери — СССР, воссоединяется с нею в единую Советскую Социалистическую Республику.

1922 г. Октябрь. Это 10 лет назад. Лозунги “Долой ДВР” и “Да здравствует Советская власть на ДВ”, выдвинутые коммунистической партией, быстро подхватываются трудящимися ДВР. На фабриках, заводах, предприятиях, учреждениях и селах учащаются летучие митинги, выносящие решения — скорей снять синюю заплату с дэвээфоского флага и вывесить Советский — красно-алый флаг, знамя пролетарской власти.

Г. Хабаровск. Памятный для трудящихся день Великого Октября. Моросит мелкий снег. С утра трудящиеся спешат в свои коллективы. Всюду летучие митинги, вначале малые по численности, но постепенно вырастающие в грозную демонстрацию. Везде руководят массами коммунисты, в большинстве бывшие местные партизаны — рабочие. Не слышно в этот день выступления сладкопевцев — эссеров Кандиани и Василенко, кадетов — Збойкова и Орлова и прочей своры друзей интервентов: они сидят по домам, они знают, что трудящиеся города против них…

Речи ораторов на митингах полны правды, силы и воли. Настроение масс торжественно приподнятое и полное твердой решимости. Лозунги “Долой ДВР”, “Да здравствует Советская власть на Дальнем Востоке”, вызывая искренний восторг и радость присутствующих, сопровождаются долгими рукоплесканиями и могучим “УРА”.

Смотр частей Народно-революционной армии Дальневосточной республики. Перекресток улиц Муравьево-Амурской и Романовской (Тургенева), 1921 г. КГБНУК г. Хабаровск «ХКМ имени Н. И. Гродекова»

В отдельных частях города отмечаются митинги рабочих восточников – китайцев и корейцев. Здесь тот же жар ораторов на их родном языке.

Здесь та же решимость трудящихся масс-восточников.

Постепенно трудящиеся организованно выходят на главную улицу г. Хабаровска, Муравьев-Амурскую улицу /теперь ул. Карла Маркса /. Выбрасываются красные знамена, развиваемые восточным ветром и осыпаемые мелким зимним снегом.

Демонстрация ширится, запружая всю улицу, и движется мощной волной по направлению к реке Амуру, к улице Шевченко, к зданию Приамурского Областного Эмиссара Правительства ДВР, к зданию Приамурского Областного Управления.

У этого здания демонстрация остановилась. Митинг. Грозное и полное воли "Долой ДВР" и "Да здравствует Советская власть на Дальнем Востоке" — несется к зданию со всех концов демонстрации…

На балконе здания Эмиссар Правительства ДВР и Президиум Облуправлдения.

Мне, как выполняющему в то время обязанности Эмиссара и Председателя Облуправления, выпала высокая честь выполнить волю трудящихся г. Хабаровска и в своем выступлении с балкона здания заверить пришедших сюда трудящихся, сказав им: "Буфер, как временная вынужденная мера, уже не нужен, и наш Дальний Восток, волею трудящихся, отныне и навсегда воссоединяется с нашей матерью — Советской Социалистической Республикой, руководимой Коммунистической партией и ее вождем ЛЕНИНЫМ".

Помню — долгое, мощное "УРА" покрыло всю площадь пред зданием и разнеслось далеко по Главной улице города, запруженной народом.

Митинг длился долго. С балкона выступали с горячими речами Секретарь Обкома ВКП /б/, Представители Облпрофсоюза, Народно-Революционной Армии, и рабочие – представители Дальсельмаша, усс. Ж. д. и пр.

Здесь же мною было дано распоряжение снять с здания дэвээфовский флаг /красное полотно с синей заплатой вверху у древка/ и вывесить Советский флаг — красное знамя. Подъем советского флага вызвал неописуемый восторг присутствовавших здесь трудящихся и сопровождался долгими рукоплесканиями.

На мою телеграмму в г. Читу Правительству ДВР о перевороте в г. Хабаровске ответ был получен, но не от Правительства ДВР, а от ДальРевкома с приветом трудящихся города и с сообщением об утверждении им Приамурского ОблРевкома в составе

ДРИГО /Председатель/,
ГУБЕЛЬМАН, /Член — Сек. Облкома ВКП /б/
ПЕТРОЛОГИНОВА /Зав. Админ. Отд/,
КОВЕЛИН /Зав. Ком. Хох. Отд./ и
НОВОСЕЛОВ /Про.Совет/.

Так, созданный в 1921 г. как вынужденная, временная мера — буфер ДВР и демократическая власть в г. Хабаровске закончили свою недолгую жизнь.

г. Свободный, БАМ
С.С. Петрологинов Подпись».

БАМ — это Байкало-Амурская магистраль, строительство которой было начато в 1932 году согласно Постановления Совета Народных Комиссаров (СНК) СССР.

Город Свободный был столицей БАМ.

То есть, Серапион Семенович Петрологинов был в числе самых первых, кто организовывал строительство Байкало-Амурской магистрали.

ЛОГИНОВЫ-ЛОНГИНОВЫ

В 1984 году в газете «Камчатская правда» был опубликован цикл моих исторических эссе «Камчатские фамилии», который был с большим интересом принят читателями.

Но неожиданно для многих, в том числе и для меня самого, газета потеряла интерес к этим публикациям и оборвала их на самом интересном месте — вместо большого очерка о камчатских просветителях Логиновых-Лонгиновых вышла куцая, общипанная редакторами и цензурой, заметка в несколько десятков строк.

Истина открылась мне чуть позже: оказывается, я коснулся запретной для политической цензуры темы — судьбы камчатских священников и их семей, которые подверглись поголовным репрессиям.

Политические репрессии в то время не были темой моего исторического исследования камчатских фамилий. Меня интересовал «золотой» век камчатской истории — 18-е столетие. Это был начальный период колонизации Камчатки и прорыв в Русскую Америку, когда на наш полуостров хлынул торговый и промышленный люд со всей России, жаждая обладать «золотым руном» — камчатской и американской пушниной…

И в это же время начинается деятельность Камчатской Духовной Миссии во главе с архимандритом Иоасафом Хотунцевским, в составе которой был студент Славяно-греко-латинской Академии Петр Михайлович Логинов, присланный на Камчатку учить детей грамоте.

Подробности его биографии впоследствии сообщит нам протоиерей Прокопий Громов: «Священник Петр Логинов, сын священника Новгородского уезда Илаго погоста, Богородско-Казанской церкви Миха-

ила Романова, бывшего потом в Иверском монастыре на Валдаях иеромонахом под именем Мефодия. С 1735 г. находился Петр Логинов в Московской Славяно-греко-латинской академии. В 1742 г. из школы Синтоксимы поступил в камчатскую миссию архимандрита Иоасафа Хотунцевского. При выезде обратно миссии добровольно пожелал остаться в Камчатке. В 1761 г. в Иркутске от епископа Софрония принял священство и поступил к Большерецкой церкви на место выезжавшего отсюда священника Сивцова. Скончался в Большерецке 11 апреля 1771 г., по утру, 54». 54 – это его возраст.

По семейной легенде, которая не лишена исторической достоверности, священник Петр Михайлович Логинов был отравлен камчатскими ссыльными, готовившими знаменитый Большерецкий бунт 1771 года. Смерть священника Логинова нужна была им для того, чтобы вызвать на его отпевание своего единомышленника — священника Устюжанинова, который в это время находился в Нижнекамчатске. Главарю бунта, ссыльному польскому конфедерату Августу Морицу Беньевскому нужен был священник, чтобы связать присягой и крестным целованием всех участников бунта и попытаться бежать с Камчатки на захваченном казенном галиоте «Святой Петр». По одной из версий, среди мальчишек-юнг, оказавшихся на этом галиоте, был и сын священника Иван Логинов. Позже он погибнет на острове Формоза (Тайвань) при столкновении с коренными жителями острова.

Естественно, меня увлекли эти — столь остросюжетные — события, и я с головой погрузился в изучение истории Большерецкого бунта.

А тут судьба подарила еще один столь же необыкновенный сюжет, какого не придумаешь. А если и придумаешь, то в него, вряд ли, и сам поверишь.

Возможно, в семье Логиновых было два Ивана. Такое было возможно.

Один остался в истории Большерецкого бунта. А другой прославился благодаря своим детям.

Священник Иван Петрович Логинов был горьким пьяницей, в результате чего был лишен священства и переведен в дьячки.

А заботу о его детях взяли на себя другие люди. Сыновья с малолетства были определены в духовные училища, а впоследствии — в семинарии. Воспитанием дочерей занялась супруга начальника Камчатки Людмила Ивановна Рикорд.

Одной из ее любимых воспитанниц была Ксения Ивановна Логинова, в которую влюбился английский путешественник Джон Кохрен (John Dundas Cochrane), племянник адмирала английского флота. Братья Ксении — настоятель Петропавловского собора Георгий и священник этого же собора Александр Логиновы — стали героями обороны Петропавловского порта в 1854 года, когда вели службы во имя победы русского оружия под пушечным огнем с кораблей англо-французской эскадры.

Но это далеко не полная история тех самых жизненных перипетий, когда сюжет становится настолько замысловат, что в него сразу и не поверишь, если бы этим сюжетом не была бы сама жизнь.

На Камчатке прошло детство будущего декабриста Владимира Ивановича Штейнгейля, позже он снова возвратился на Камчатку уже будучи морским офицером и даже принял участие в заговоре против камчатского коменданта генерал-майора П.И. Кошелева. Судьба впоследствии ему за это отомстила: в годы Отечественной войны 1812 года Владимир Иванович вошел в состав Санкт-Петербургского ополчения, командовал которым… генерал Кошелев.

Находясь в сибирской ссылке, декабрист Владимир Иванович Штейнгейль получил письмо от своего сына Вячеслава о том, что он женится на дочери адмирала… Анжу Людмиле Петровне, внучке священника Ивана Логинова, еще одного участника заговора против Кошелева. И последние годы своей жизни Владимир Иванович, вернувшись из ссылки, проводит в этой семье.

Эти сюжеты были слишком потрясающими, чтобы не начать писать книгу — так родилась одна из самых сегодня известных моих книг «Встречь солнцу».

Но и тема камчатских фамилий не отпускала — в 1997 году вышла в свет моя книга «Потомки остроклювого бога (Камчадалы)», в которой Логиновым-Лонгиновым были посвящены несколько очерков «Просветители», «Маршрут бессмертия», «Северная песня», «Клехвол — учитель».

При подготовке этих очерков я впервые познакомился с нашей камчатской легендой — знаменитым певцом Евгением Филаретовичем Лонгиновым, который к тому же был и профессиональным врачом, и художником-любителем, оставившим после себя портретную галерею своих знаменитых земляков.

С Евгением Филаретовичем мы позже встречались несколько раз в Звенигороде, куда он переехал с Камчатки по состоянию здоровья.

Здесь, на его квартире, произошла историческая встреча семьи Евгения Филаретовича Лонгинова с потомками Ксении Ивановны Логиновой-Кохрен-Анжу — Светланой Геннадьевной Узловой и ее мамой Ольгой Юрьевной.

Володя Лонгинов (первый в верхнем ряду) с родителями, братьями и сестрами. Якутск, май 1931 года

Впоследствии я переписывался с Дмитрием Павловичем Логиновым — автором книг «Большерецкие беглецы» и историческим шедевром (другого определения не подберу) «Большерецкий острог».

А несколько лет назад из Якутии я получил письмо от представителей якутской ветви священников Лонгиновых о Герое Советского Союза Владимире Дионисьевиче Лонгинове. И меня, естественно, увлекла тема героического прошлого этой и других камчатских семей, в результате чего родились на свет книги «Камчадалы — защитники Отечества» и «Камчадалы — герои Отечества». Кто же они? Это дети и внуки директора Тульского оружейного завода Владимира Васильевича фон Нотбек, женатого на Александре Петровне Анжу, дочери Ксении Логиновой. Это Николай Иванович Черниловский-Сокол, затопивший крейсер «Варяг», женатый на одной из правнучек декабриста Штейнгейля. Это генерал Гавриил Георгиевич Милеант, женатый на Марии Владимировне фон Нотбек.

Поэтому тема политических репрессий в этой семье до определенного времени была мне неизвестной, точнее, далекой…

До тех пор, пока я не получил в ответ на свои публикации о 250-летии рода камчатских просветителей Логиновых-Лонгиновых (и, как выяснилось, еще и Петрологиновых, один из представителей которых в бурное революционное время возглавил Уссурийское казачество) несколько писем, в которых рассказывается история (и трагическая, и повседневная, учительская) этой семьи. Вот эти письма.

«Мне представителю рода Логиновых – Лонгиновых хочется рассказать о той ветви этого рода, к которой принадлежу я, Лонгинова (Мешалкина) Римма Алексеевна. Я — внучка псаломщика Николаевской церкви

Лонгинов Владимир Дионисьевич (Денисович)

(Палана) Василия Алексеевича и правнучка священника той же церкви Алексея Лонгинова. Это я узнала, переписываясь с Камчатским архивом, из выписки из метрической книги Камчатской Духовной Консистории притчу Паланской церкви за 1890 г., где имеется запись о рождении моего отца — Лонгинова Алексея Васильевича, в начале 20 века тоже ставшим псаломщиком в Палане, Кахтане (я думаю, что село Иосифовское, где он служил в церкви, было русское название, затем совершенно забылось это название), о его службе я узнала из выписки из метрической книги Тигильской церкви за 1915 г., где есть сведения о бракосочетании моих родителей. С 1915 по 1919 г. он с семьей жил в с. Тиличики, где был псаломщиком и учителем местной школы.

У моего прадеда Алексея было два сына: Василий и Николай (последний был последним священником в Палане). У деда Василия 6 сыновей и 3 дочери, в каждой семье были учителя. Сыновья: Петр, Иннокентий, Николай, Алексей, Иван, Пантелей. Дочери Мария (Савченко), Екатерина (Анищенко), Сусанна (Сновидова).

В семье Петра дочь Александра в 30-е годы специально изучает корякский (чувчувенский) язык, чтобы работать в кочевой школе. Она рассказывала, как из оленьих шкур шили чум-школу. Работала в школе Александра Петровна (Живодерова) до начала 50-х г. (Палана), вела подготовительные классы на корякском языке. Ее брат Петр Петрович тоже закончил Тигильское педучилище, как отличника его послали в Ленинград для продолжения учебы, но война помешала. Он погиб под Ленинградом.

В семье Николая Васильевича Лонгинова учителем начальных классов была его дочь Домна Николаевна (Брек). Материалы о ней школьный музей Паланской школы передал в обл. музей. Она работала в Усть-Камчатском районе, с 1945 г. в Паланской школе. Награждена орденом “Знак Почета”, заслуженный учитель школ РСФСР. Была членом окрсовета. Умерла.

О семье Иннокентия Васильевича я не буду писать, так как вы много писали и прекрасно знаете эту семью, она живет в городе. Его сын Филарет Иннокентьевич был один из авторов рукописного корякского букваря. Об этом вы лучше узнаете от его жены, Марии Федоровны Лонгиновой, учительницы математики, пенсионерки, отличника народного образования РСФСР.

Об Иване Васильевиче вы писали, это первый в нашей семье заслуженный учитель РСФСР. Его сын Иван Иванович долгое время был учителем в Воямпольской Красной яранге.

У Пантелея Васильевича, он работал учителем до 1933 г., сын Валентин после окончания Тигильского педучилища работал немного учителем в Пенжинском районе.

В семье Марии Васильевны Лонгиновой — Савченко учителями были ее муж Федор Кириллович Савченко, первый советский учитель в Паланской школе, работал с 1909 г.

Его дочь Нина Федоровна Шишкина проработала учителем, а затем воспитателем детсада до пенсии. Умерла.

В народном образовании округа с начала 40-х г. до середины 70-х г. работал Ростислав Федорович Савченко (Палана), отличник народного образования РСФСР. Его сын Эдуард Ростиславович — преподаватель в СПТУ-11 в п. Палана. Жена Р.Ф. Савченко — Анна Митрофановна работает в просвещении более 40 лет.

У Екатерины Васильевны Анищенко (Лонгиновой) старшая дочь Ольга Ивановна Куркан закончила Тигильское педучилище. Работала в Корякском округе, и с начала 50-х годов в п. Моховая. Сейчас Ольга Ивановна на заслуженном отдыхе.

В семье Сусанны Васильевны Лонгиновой – Сновидовой сын Юрий закончил отделение народов Севера при Хабаровском пединституте, работал воспитателем в Паланской школе до 1964 г. Умер. Старший сын — Алексей Владимирович электромонтер, участвовал в боях на Курилах, погиб там же.

В семье моего отца, Лонгинова Алексея Васильевича, только я получила педобразование. Закончила Хабаровский пединститут, литфак. Работаю с 1950 г. в основном в Паланскогй школе. Отличник народного образования РСФСР. Заслуженный учитель школ РСФСР. Награждена орденом Дружбы народов. У меня два сына, оба имеют педообразование. Старший сын Андрей закончил два института, но не работает по специальности. Был тренером в ДЮСШ п. Палана. Младший Аркадий работал в г. Бердск Новосибирской области. Он физик. Сейчас научный работник Новосибирского университета.

В семье второго сына священника Алексея, Лонгинова Николая Алексеевича, было три сына и две дочери: Алексей, Вячеслав, Нестор, Мария и Павла.

Внучки дяди Алексея, Раиса Пантелеевна, Анна Пантелеевна, Римма Пантелеевна Юшины — учителя. Раиса и Анна всю жизнь проработали в Карагинском районе, затем переехали в Елизово. Раиса Пантелеевна работала во вспомогательной школе, живет в Елизово. Римма Пантелеевна — учитель биологии, проработала в Липецкой обл., умерла.

Дети Вячеслава Николаевича Лонгинова — Валентин и Серафима — учите-

ля. Валентин Вячеславович работал после Тигильского педучилища где-то около Петропавловска. Серафима закончила Ленинградский пединститут, работала в Архангельской области.

У Нестора Николаевича две дочери имели педобразование, но в школе проработали недолго.

В семье Марии Николаевны Лонгиновой – Копыловой высшее педобразование получила ее дочь Варвара Артамоновна Синякова. Работала в Паланской школе, а с 1957 г. в г. Ленинграде. Преподавала русский язык для иностранцев. Работала два года в Финляндии, затем в Австрии, Индии. Сейчас на заслуженном отдыхе.

Сейчас в Паланской ср. школе работает преподавателем физкультуры Лонгинов Андрей Сергеевич, прапраправнук Николая Васильевича. В детсаде музыкальным работником — Александра Николаевна Лонгинова, тоже прапраправнучка. Ее мать— преподаватель музыки в школе искусств п. Палана Лонгинова Тамара Борисовна, жена праправнука Николая, заслуженный деятель культуры РСФСР.

Одним словом, Паланской школе в 1994 г. будет 100 лет. Нет ни одного десятилетия, чтобы в ней не работали учителями представители нашего рода. Хочется узнать, когда освящалась школа, кто был первым учителем?

В годы Советской власти над паланскими Лонгиновыми нависла угроза уничтожения. В 1932 г. был арестован Лонгинов Петр Васильевич, 10 лет пробыл в заключении, прибыл в Палану разбитый параличом. Реабилитирован в 1957 г.

Позже были арестованы Иннокентий Васильевич и Пантелей Васильевич. Довезли их до Хабаровска. Затем отпустили, не разрешая жить на Камчатке. И разрешили жить подальше от границы. Иннокентий Васильевич умер в г. Ташкенте. А Пантелей Васильевич, чубаровец, все же отсидел 10 лет, как политзаключенный. Реабилитирован.

В 1934 г. был арестован мой отец, Алексей Васильевич, довезли до г. Петропавловска, разобрались, отпустили. Он где пешком, где на собачках добрался до Паланы, благо, что, начиная с Большерецка, везде жили родственники.

В 1937 г. начались повальные аресты. Были арестованы все мужчины нашего рода старшего поколения.

Лонгинов Алексей Васильевич (было ему 47 л.), Николай Васильевич (далеко за 50), Алексей Николаевич (ровесник Николая Васильевича), Вячеслав Николаевич, Нестор Николаевич, племянники Африкан Петрович и его брат Константин Петрович Лонгиновы.

Расстреляны в 1938 г.:

1. Лонгинов Алексей Васильевич, 1890 г. р., уроженец с. Палана Камчатской обл., до ареста проживавшего с Палана, 20 марта 1938 г. Место смерти не установлено.

2. Лонгинов Вячеслав Николаевич, 1894 г. р., уроженец с. Тигиль Камчатской обл., до ареста проживавшего с. Палана, 20 марта 1938 г. Место смерти не установлено.

3. Лонгинов Африкан Петрович, 1906 г. р., уроженец с Палана, до ареста проживавшего с. Палана, 8 марта 1938 г. Место смерти не установлено. Вместе с ними расстрелян и их зять Копылов Артамон Александрович, 1894 г.р.

Остальные были высланы в неизвестные места без права переписки. Никто не вернулся.

Самое страшное то, что та же тройка, что судила их, в июне 1938 г. Лонгинова Алексея Васильевича “освобождает” из-под стражи за неимением состава преступления. Но никто никогда не сообщал об этом семье, которая была очень большая и самая младшая родилась через 3 месяца после ареста.

Но нас не сломили. Род был трудолюбивый, дружный, всегда стремились к знаниям. Наши матери постоянно напоминали нам, какими хотели видеть нас наши деды, наши отцы. И по тому, что я написала выше, вы можете судить, выполнили ли мы их завет, хотя бы частично. Всех посмертно реабилитировали…

Очень хотелось бы, чтобы помогли установить место расстрела и захоронения Лонгиновых.

С уважением к Вам

Мешалкина (Лонгинова) Римма Алексеевна»

Письмо от Варвары Артамоновны Синяковой (Копыловой).

«Я, по матери Лонгинова, по отцу Копылова, по мужу Синякова Варвара Артамоновна, родилась в с. Палана Тигильского района Камчатской области. Мне 64 года, я на пенсии.

Мне представляется возможность познакомить Вас с учителями-просветителями моего деда Лонгинова Николая Алексеевича. В его семье было пятеро детей.

Его сын Алексей Николаевич Лонгинов был учителем (1) (вероятно, закончил приходскую школу, дед наш был священнослужителем) и работал в с. Тиличики Олюторского района.

У дочери Алексея Николаевича, Марии, дочери Раиса Пантелеевна и Анна Пантелеевна Юшины (нынешние фамилии мне неизвестны) продолжали дело своего деда – были учителями (2, 3).

У Нестора Николаевича Лонгинова – дочь Евдокия Нестеровна, по мужу Какаулина, работала учительницей (4) в Тигиле.

У Вячеслава Николаевича Лонгинова сын Валентин Вячеславович и дочь Серафима Вячеславовна (по мужу Данилова, адрес — 164630, г. Сура Пинежского района Архангельской области) работали учителями (5, 6).

У дочери Павлы Николаевны Лонгиновой, муж Лонгинов Иван Васильевич и сын Иван Иванович Лонгинов были учителями (7, 8).

И, наконец, у дочери Марии Николаевны Лонгиновой (по мужу Копылова), моей матери, было четверо детей.

Я, Варвара Артамоновна, закончила Корякское педагогическое училище в с. Тигиле (9). Это педучилище заложило всем моим родственникам — учителям основы педагогического мастерства, положило дорогу в будущее.

Потом был Хабаровский учительский институт, он давал неполное высшее образование, но позволял в послевоенное время готовить учительские кадры для районов Крайнего Севера.

Сначала я работала в Пенжинском районе (1947–1948 гг.), а потом учительницей русского языка и литературы (1951–1955) в Паланской средней школе.

В 1957 году я с семьей переехала в г. Ленинград, и уже высшее образование получила в педагогическом институте им. А.И. Герцена. Несколько лет я преподавала русский язык и литературу в 429 школе г. Ленинграда.

Около 20 лет я проработала в Ленинградском политехническом институте им. М.И. Калинина (ныне Технический университет) на кафедре русского языка для иностранных учащихся. За многие годы преподавания я занималась со студентами, аспирантами и стажерами из страпн Европы, Азии, Африки и Америки.

И в школе, и в вузе я получала большую радость от общения со своими учениками.

Студенты-иностранцы продолжали пропагандировать русский язык у себя на родине. Дело в том, что они получали не только диплом инженера, но и сертификат с правом преподавания русского языка на начальном этапе обучения среди своих соотечественников.

Тяга к русскому языку во всех странах огромная. Мне приходилось работать и за границей по линии Министерства высшего образования: в Финляндии, в Австрии и в Индии.

Наряду с лекционными занятиями по русскому языку и литературе мне приходилось вести практические уроки по развитию русской речи, где я рассказывала о своем заповедном крае, о людях Камчатки. Сложились теплые дружеские отношения: многие студенты и преподаватели посетили Ленинград, восхищаясь его красотой, познакомились с моей семьей.

Выезжая за границу, я изучала строй, культуру, религию, традиции и, конечно, язык страны пребывания. Интересны люди! На первый взгляд, хмурые и холодные финны, высоконравные австрийцы, любознательные и наивные индийцы, а оказывается, познакомившись поближе, они все одинаковы — добрые, отзывчивые, тянущиеся к знаниям. Я им отвечала тем же.

В жизни мне всегда везло на друзей и коллег, любящих свою профессию, внимательно относящихся друг к другу.

Не могу не написать о Римме Алексеевне Мешалкиной (Лонгиновой), мы с ней

В день 60-летия Ивана Васильевича Лонгинова, с. Соболево, 28 января 1957 года

троюродные сестры, у нас был один прадед — Лонгинов Алексей Дмитриевич.

Я рано осталась без родителей: моя мама, Мария Николаевна Копылова (Лонгинова) умерла накануне войны, а отец Артамон Александрович Копылов, как и многие земляки-камчадалы, был арестован в сентябре 1937 года, расстрелян в марте 1938 года, реабилитирован после XX съезда партии, в 50-е годы. Детство мое было нелегким. Во время войны ушли служить в армию братья — Николай и Александр.

И вот Римма Алексеевна и ее добрая мама – Мария Лаврентьевна Лонгинова – помогали всем, чем могли, и морально, и материально, мне и моей сестренке Людмиле.

В годы войны, во время каникул, мы, девчонки, участвовали в сельскохозяйственных работах в колхозе “Пролетарий”. Римма была нашим наставником, уже в детские годы в ней закладывались учительские навыки.

Прошло уже 50 лет, а к Римме Алексеевне тянутся ее друзья, она, как связующее звено, с ней переписываются, теперь уже пенсионеры, едут в Палану, через нее мы узнаем, как сложилась судьба сверстников детства.

В Римме Алексеевне заложены гены наших предков, она же Лонгинова.

Из более старшего поколения мне бы хотелось рассказать о Лукевой (Лонгиновой) Александре Алексеевне, она с 1914 года, в апреле 1994 года ей исполнится 80 лет, живет в Палане. Она по образованию агроном, отдала свои знания краю, где она родилась. Из старших, Александра Алексеевна осталась одна, это ее отец работал учителем (Алексей Николаевич) в с. Тиличиках еще в начале XX века.

В основном я повествовала о внуках Николая Алексеевича Лонгинова, Лонгиновых-учителях. Дело наших предков продолжают уже и правнуки, и праправнуки. Такова профессия учителя — учить и учиться самому.

Моя семья: Юрий Иванович Синяков по образованию журналист, после окончания Ленинградского университета работал в Палане в газете “Корякский коммунист”. Сын Игорь и дочь Елена, двое внуков: Наташенька и Игореша, прелестные малыши, на следующий год пойдут в школу.

Чем увлекалась, увлекаюсь — люблю читать, работать со словарем, посещаем театры, у нас неплохая библиотека.

С уважением Варвара Артамоновна Лонгинова (по деду, прадеду, прапрадеду)

27 октября 1993 года.

г. Санкт-Петербург».

Письмо от Куркан (Юшиной) Ольги Ивановны.

«Я родилась в 1927 г. в селе Тигиль Тигильского района Камчатской области.

В 1931 в июле был арестован мой отец Юшин Иван Николаевич.

Моя мама Екатерина Васильевна была из семьи Лонгиновых. Когда отца забрали, мама с нами (мной и братом) переехала в с. Палану к братьям, т. к. У нас все имущество было конфисковано, мы стали лишенцами, тогда такое слово было в обиходе.

В 1937 г. мамины братья Петр Васильевич, Николай Васильевич, Алексей Васильевич, Иннокентий Васильевич, Пантелеймон Васильевич, сын Петра Васильевича Африкан Петрович, были арестованы.

Выросла я в Палане. После окончания семилетки в 1941 году поехала учиться в Корякское педучилище в с. Тигиль на три года. Закончить мне пришлось его в 1945 году, так как один учебный год (1943–44) пришлось пропустить по нужде.

Пришлось работать в газете «Корякский большевик», а теперь это газета «Народовластие». В этом году мне пришлось обращаться в редакцию газеты за подтверждением, что я действительно там в 1943–44 г., но, увы, мне не везет, архива за годы войны не сохранилось.

Реабилитирован мой отец в 1959 году, но личное дело отца я читала лишь в январе 1993 г. Так и не узнала, где и когда закончилась его жизнь.

После окончания педучилища в 1945 году (благодаря добрейшим людям) три года работала в Тигильской школе.

В 1948 году переехала в город Петропавловск из-за состояния здоровья, где проработала в школе пос. Моховая тридцать один год. В 1979 г. ушла на пенсию.

Вырастили в семье троих детей.

Старший сын закончил Томский государственный университет им. В.В. Куйбышева в 1970 г. Ему была присвоена квалификация физика-радиоэлектроника. Работает он в НИИ г. Томска, имеет звание кандидата технических наук.

Дочь моя инвалид 2-й группы. Младший сын работает оператором в гортеплосети.

Имею внучку и правнучку, еще есть четыре внука.

В Краснодарском крае, Лабинском районе, п/о Соколихин проживает моя племянница Неженец Маргарита Владимировна. Она закончила Адыгейский педагогический институт, после окончания работала в школе. А вот в настоящее время о ее жизни я не знаю, давно не было переписки.

Вам уже известно, что мои дяди Иван Васильевич и Пантелеймон Васильевич были учителями. Римма Алексеевна описала и об остальных, повторяться не буду.

В с. Мильково живет и работает в библиотеке Михайлова Виктория Зиновьевна,

«Звонарь России» — Иван Васильевич Данилов

племянница Риммы Алексеевны Мешалкиной.

Вот и все.

21 сентября 1993 г.

С уважением-

Куркан О.И.»

И, согласитесь со мной, такой семейной истории не придумаешь ни в каком романе — эту историю пишет сама жизнь…

У меня нет сведений о том, что кто-то из современных потомков священников Логиновых-Лонгиновых избрал для себя путь служения православной вере.

Но мы знаем другое — в этом роду есть человек, который при жизни получил титул — «Звонарь России». Это Иван Васильевич Данилов, сын Серафимы Вячеславовны Даниловой (Лонгиновой):

«Путешественник, сказочник и звонарь Иван Данилов с 70-х годов возрождал колокольную музыку России. Он исполнял традиционные звоны и создавал авторские. Два его цикла “Глубинные звоны” и “Космические звоны” родились в Северном Ледовитом океане, когда он звонил среди льдов. Это было в 90-х годах, когда звонарь с набором колоколов отправился на парусных судах в путешествие. Он давал концерты во многих европейских портах, в Скандинавии и на Аляске.

Плавучей звонницей называли его суда — реконструированные ладью, шхуну, коч XVII–XVIII веков. К сожалению, Иван Данилов умер раньше, чем успел закончить эти циклы. Но известно, что он работал и в архангельской обсерватории, чтобы из наблюдений черпать вдохновение для “Космических звонов”.

Одной маленькой планете Солнечной системы даже присвоено имя звонаря Ивана Данилова. Музыку Данилова можно услышать в фильмах “Дым Отечества” и “Россия молодая”, а еще в мультфильме по сказкам Бориса Шергина и Сергея Писахова “Архангельские новеллы”. Самого же Данилова можно увидеть в фильме “Матвеева радость”, где он исполняет роль Устина Бородатого. Там же звучат его звоны. В 80-х годах “Мелодия” выпустила две пластинки Данилова: “Звоны Северные” и “Архангельские колокола”».

ПОРОТОВЫ

Коренных жителей Сибири охотно принимали на казачью службу. И причин для этого было множество. И в числе первых из соображений сугубо тактических в казачью службу записывали местных полиглотов — толмачей (переводчиков) и знатоков местности — проводников «в незнаемые земли». А вот, что касается второй категории, то она имела гораздо более важное — стратегическое – значение: и уже не в разряд простых служилых людей, а в чины детей боярских производились местные князьцы — вожди (тойоны):

«Первыми уже в течение XVII–XVIII веков вливались в состав верхних слоев русского сибирского общества представители верхушки местного населения, которых жаловали высокими чинами и званиями и привлекали к военной и административной службе. Известны такие династии служилых людей, детей боярских и дворян, как потомки мансийского князя Аблегирима (род Албычевых), мурзы Енбулата, кондинского князя Сатыги, знатного кыргыза Айкана, якутских тойонов Сахалтина, Матвеева-Отконова, Поротова, обуряченных тунгусских князей Гантимуровых и другие. Повсеместно для несения воинской службы широко привлекались и простые люди из числа коренных жителей. Так, например, в г. Тара в

1626 году служилых юртовских татар было 57 человек, а в 1701-м — 84. В 1627 году томские татары и чатские мурзы составляли около трети служилого населения г. Томска. Качинцы в XVII–XVIII веках также составляли значительную часть гарнизона г. Красноярска, много местных жителей служило в гарнизонах Тобольска, Кузнецка, Якутска и других. В Забайкалье в начале 60-х годов XVIII века создавались казачьи полки из конных тунгусов (500 человек) и из бурят (2400 человек)». (Сергей Скобелев, «Демография как политика. Коренное население Сибири в составе Российской империи и СССР: динамика численности как отражение политики центра»).

«Правительство Петра I продолжило политику привлечения якутов на службу. Так, в начале XVIII в. несколько десятков якутов служили казаками. Как свидетельствуют источники, на протяжении наступившего столетия зафиксированы несколько десятков якутов в чинах детей боярских и дворян — Матвеевы, Поротовы, Новгородовы и др. Например, в 1709 г. зафиксирован один из первых случаев, когда дворянское звание получил новокрещенный князец Федор Матвеев. При этом многие из них учились грамоте. Всего ко второй половине XVIII в. уже было до 90 грамотных якутов» (А.А. Борисов, «Ранний этап политики мультикультурного патернализма в Якутии»).

В 1706 году присланный из Енисейска казак Андрей Поротов был верстан в дети боярские на «убылое место Люткина».

В том же 1706 году Иван Васильев сын Поротов, также присланный в Якутск из Енисейска, вероятно, брат Андрея, был еще простым казаком, но уже в 1710 году тоже будучи уже в чине сына боярского, назначен приказчиком Охотского острога:

«В мае 1710 г. охотский приказчик И. Поротов предпринял поход из Тауйского острога на ямских коряков, на которых в прошлом году ходил И. Мухоплев. Несколько коряков, захваченных в плен, дали ясак. Но большая часть коряков укрылась на острове напротив р. Ямы. Посланным к ним казакам удалось уговорить их вернуться. Переговоры закончились миром. Коряки выдали пять аманатов, хотя ясак обещали внести только осенью» (А. Зуев).

В другой исторической интерпретации это событие выглядит так: «…в 1710 г. другой приказчик Охотского острога, сын боярский Иван Поротов, ходил на Яму опять на коряка Вачуччо. Захватив его вместе с “родниками”, он их “привел на Тауй в Янское зимовье и посадил их в крепь”. Возможно, именно в это время появилось поселение на устье реки Яна. На карте-чертеже “Камчадальской земли” С.У. Ремезова, составленной в 1712–1714 гг., показаны реки Яма, Ола, Тауй, напротив — большой остров без названия, и на побережье, на левом берегу реки Яна обозначен значком острог. Такой же значок стоит у устья рек Охота и Гижига» (Сергей Слободин, кандидат исторических наук, лаборатория истории и археологии СВКНИИ, «Долгая дорога к Тауйску»).

В 1718 году Иван Васильевич будет прислан на Камчатку в числе одного из трех ее приказчиков — ему поручался Верхнекамчатский острог. Ничем особо он здесь не отличился и не прославился. Последнее известие о нем относится к 1761 году, когда он был представлен в списке сынов боярских первой статьи.

В историю вошел третий из (вероятно, сыновей Ивана, как следует из документа, который мы приводим ниже) Поротовых — Алексей (в 1706 году тоже, как и Иван, рядовой казак, который служил в 14-й пятидесятне Якутского казачьего полка):

«Алексей Поротов в допросе сказал: в прошлом 704 году, послал его Алексея с Иваном Томским из Анандырского острогу прикащик Евфим Петров в Камчадальские остроги с присланными из Якутцка указными памятьми к прикащику Василью Колесову. И он де Алексей с товарищем шли с Анандыря до Пенжины и с Пенжины до Камчатки горою на оленях и на собакак 4 месяца, и отдал те указные памяти Василъю Колесову в целости. И идучи де они на Камчатку, не дошед до Камчатки, против Караги, от Брусеной, видели значится остров, и сказывал де ему Иван Голыгин, что он на том острову в байдарах был, и иноземцы де на том острову есть, и много ль иноземцов, того де он Иван ему Алексею не сказал. А грести де в байдарах до того острова от устья Караги реки с утра до вечера. А с Камчатки де он Алексей вышел в Анандырской с камчатскою казною с Василъем Колесовым с товарищи. А про иные де острова он Алексей не ведает».

И на долгие годы из истории Северо-Востока России исчезли какие-либо упоминания об этой фамилии.

И вот: «16 февраля 1790 г. якутский сын боярский Тимофей Поротов подал местному коменданту, полковнику Григорию Алексеевичу Козлову-Угренину прошение о переводе его во дворяне, ибо по указу 22 января 1709 г. его отец, родом из казаков, был переведен из якутских детей боярских с жалованием 10 руб., пять четей хлеба и три пуда соли во дворяне по московскому списку с жалованием в 16 руб. из убылых окладов. На свое место Тимофей просил поверстать брата Ивана, который служил с 1700 г. в Якутске и на Камчат-

ке. Повышение отец получил за “сбор ясака в излишек” в 1706–1707 гг. в Батурской волости и Верхневилюйском зимовье.

Челобитчик подчеркивал при этом, что в поданной им копии жалованной грамоты, выданной на якутского воеводу Траурнихту сказано, что дворянство по московскому списку дается наследственно, то есть “по смерти ево, на ево место быть сыну ево, Василью”. Челобитчик в связи с этим предоставил особую родословную “Род Поротовых”, в которой схема была прокомментирована. Из нее видно, что отец служил все время по штату.

Его дети: Иван — служит в Охотской области унтер — офицером;

Авраам — слеп, потому не в службе;

Тимофей — проситель;

Андрей — в Якутском дворянском штате сын боярский. Кроме того, у Ивана был сын Алексей, находившийся в казачьей службе в Охотской области, а Александр и Андрей — “мальцы”;

у Тимофея и Андрея были сыновья Федор и Кирилл, которые обучались «российской грамоте».

Столь позднее свое обращение по поводу законного статуса Тимофей объяснял тем, что после отца они остались малолетние, сам же в службу вступил в 1772 г. и “по незнанию” молчал. Якутский комендант направил прошение и приложенные к нему материалы в Иркутск генерал-губернатору Пилю, однако получил в ответ выговор, что не им этот вопрос решать, а высшему начальству. Тогда Якутск послал запрос в Герольдмейстерскую контору о том, точно ли была жалованная грамота Поротову. На это 19 ноября 1792 г., то есть через 2,5 года, пришел положительный ответ. Вместе с тем подняли материалы о службах Поротовых, что привело к значительной задержке в решении этого вопроса. Выяснилось, что еще в 1770 г. иркутский губернатор генерал-майор Иван Адамович Бриль якутского сына боярского Ивана Поротова **за утрату собранных ясачных денег предписал выключить его из штатных списков, наказать кнутом и отправить в ссылку с семьей в Охотск на почтовый станок №7 на реке Амге, записав в разночинцы с платежем подушного оклада, с отводом под строение, скотский выпуск и пашню угодий в размерах, определенных новой Межевой инструкцией 1766 г.** (выделено мной. — *С.В.*).

Якутская воеводская канцелярия возложила ответственность по выселению семьи Ивана Поротова на канцеляриста Аржакова, а по причислению в подушный оклад — на подканцеляриста Расторгуева, который заведывал подушным повытьем. Показательно, что Первая ясачная комиссия за “весьма малые взятки с ясачных” аналогичное наказание, только с принудительным поселением в новоучрежденный город Алдан, **а также и в работы на Нерчинские заводы, назначила в 1768 г. 12 якутским казакам, в том числе одному сыну боярскому, и одному из бывших посадских** (выделено мной — С.В).

Возможно наказанный Поротов не был прямым родственником просителя Поротова, либо наказания удалось ему избежать, в связи с чем имел место в декабре 1770 г. выговор А.И. Бриля Якутской воеводской канцелярии о том, что сам воевода ответственен за спущенное сверху решение.

Как бы то ни было, Поротовы продолжали добиваться льготного статуса.

Первого февраля 1795 г. Тимофей вновь сделал запрос о судьбе своего прошения “об утверждении меня с братьями и детьми в наследственном нашем дворянстве, а у высше-

Вид на Нерчинск, голландская гравюра 1710 года.1. Замок сделан из дерева: занят губернатором. 2. Церковь. Все местные жители — солдаты, которые ведут торговлю и имеют в этом очень большой опыт

го начальства просить награждения обер-офицерским чином". Интересно, что брат его Андрей и даже слепой Авраам тогда же запросили себе копии с жалованной грамоты деду, что хранилась в "Якутской архиве".

Настойчивость Тимофея Поротова была все же вознаграждена, но уже в правление Александра I. В 1810 г. он показан дворянином с 14 классом по Табели о рангах».

Источник: ЦГАРС. Ф.1. Оп.1. Д.117. Л.1-18; (Г.Ф. Быконя, «Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII - начале XIX в. (демографо-сословный аспект)», Красноярск).

Но это только одна из историй появления фамилии Поротовых в России.

Есть и другая. Русская.

И касается она Братского острога.

В списке участников восстания 1696 года в Братском остроге (из приложения к книге Ф.А. Кудрявцева «Восстания крестьян, посадских и казаков Восточной Сибири в конце XVII века») мы находим искомое лицо — Поротов Пашка, пашенный крестьянин.

Вполне вероятно, что это как возможное продолжение тобольской линии крестьян Поротовых, которые основали деревню Поротовых в Мехонской слободе, как возможно и другое — это одна из судеб ссыльных якутских казаков, о которых говорилось выше.

Для справки: «Мехонская слобода основана была в 1660 г. и принадлежала долго к Тобольскому уезду. Когда около всего жилья обнесена была рубленым городом (т. е. стеною из деревянных срубов) с двумя проезжими башнями (т. е. такими, в нижний части которых находились ворота), то ее стали называть Мехонским острогом. Впоследствии, вероятно после того как городовое или острожное укрепление обветшало и его не нашли нужным возобновлять, селение опять стало называться слободою. В 1738 г. Мехонская слобода вошла в состав учрежденной тогда Исетской провинции Оренбургской губернии и до самого учреждения Пермской губернии причислялась к Исетскому дистрикту этой провинции, главным местом которого был Исетский острог (в нынешней Тобольской губернии), в разстоянии 60 верст от Мехонской слободы».

Есть и другая версия. Л.В Андреева в своем очерке «Первые поселенцы при Братском остроге» напрямую связывает крестьян-первопоселенцев Братского острога с бывшими жителями Енисейска: «…достоин восхищения и памяти потомков мужественный шаг Распуты Стефановича Потапова, первым решившимся поселиться здесь. Был он сын енисейского посадского, выходца с Русского Севера. До приезда в Братский острог жил в Енисейске. Известно, что в 147 (1639) году он был послан таможенным целовальником, выбранным из посадских Енисейского острога, на Лену с таможенным головою Дружиной Трубниковым и на Ленском волоке занимался сбором соболиной казны. Позднее в 1648 году, уже, будучи человеком бывалым и семейным, прибыл с отрядом Максима Перфильева в Братский острог. Ангарская ширь пленила Распуту, вызвала желание прочно осесть на нашей земле и заняться делом отцов и дедов — пахотой. Зоркий хозяйский взгляд заметил: обилие плодородных почв, лежащих рядом с малоценными подзолами; близость реки с множеством рыбы (не накормит земля, накормит вода); богатые лесные угодья.

Все свои средства и взятую ссуду вложил северянин в братскую землю. Распашка земли обошлась Распуте, по его словам, в 300 рублей. Но своим первым урожаем он был доволен; утверждая, что "тот де ячмень и конопля перед енисейским ячменем зерном лутче". Воистину, где хозяин прошел, там и хлеб уродился».

Судя по истории рода Поротовых на Камчатке, эта фамилия появляется здесь при губернаторе Василии Степановиче Завойко, при котором прибыла на Камчатку группа крестьян, среди которых были Тюменцевы, которые впоследствии, благодаря родовым изысканиям Виктора Леонидовича Тюменцева, нашли свою исходную родовую линию в одной из деревень Иркутской губернии в верховьях Лены.

Исходя из имеющихся у нас документов, годы рождения камчатских уроженцев Поротовых начинаются с середины 19-го столетия:

Кирилл Иванович родился в 1855 году, Николай Иванович и Георгий Иванович — в конце 1850-х, Василий Иванович в 1864, а их сестра Параскева Ивановна (в замужестве Черных) — в 1860 году.

Место рождения у всех одно и то же — село Николаевка.

Кирилл Иванович умер конце 1880 – начале 1890-х годов и его вдова Евфимия Митрофановна (в девичестве Черкашина, дочь николаевского же крестьянина) вышла замуж за Михаила Васильевича Атласова (прямого потомка камчатского Ермака) и старший сын Кирилла Ивановича Поротова — Иван Кириллович (1877 г.р.) воспитывался в семье Атласовых.

Другой сын Кирилла Ивановича — Георгий Кириллович (1883) был воспитанником петропавловского мещанина Кондрата Николаевича Оглоблина и был отмечен в камчатской истории по любопытнейшему случаю, который был описан В.Л. Комаровым в его книге «Путешествие по Камчатке в 1908–1909 гг.»:

«Уезжая с кошки в город, мы натолкнулись на следующую интересную страничку из местной жизни. Я разговаривал с привезшими нас завойкинцами, которые все были кто родством, кто свойством связаны с родом Машигиных. Мимо проезжал В.П. Карякин, который и раскланялся со мной. Собеседникам это не понравилось, и они рассказали мне, что между ними и Карякиными существует серьезная вражда. Дело в том, что Н.Е. Машигин, хороший и отважный промышленник, уходил иногда за соболем один-одинешенек сразу на несколько месяцев. Говорят, что в своих скитаниях он нарушил запретную грань Кроноцкого района и именно оттуда-то и приносил особенно много соболей. П. Карякин (теперь уже умерший) с двумя другими петропавловцами несколько раз обращались к начальнику Камчатки Ошуркову с жалобой на это и просьбой принять меры к защите запретного района и наказанию Машигина. Начальник как-то сказал им: “Делайте с нарушителем, что хотите”. По словам Машигиных, П. Карякин с товарищами подкараулили Н.Е. Машигина чуть ли не на Кроноцкой реке, когда он выходил из своей юрты, и всадили в него залп из винтовок. Вернувшись, они доложили начальнику, что Машигин исчез, всего вероятнее, уехал на каком-либо корабле в Америку, и принесли 40 соболей, как бы брошенных им в юрте. Хотя Карякин и его сподвижники уже умерли, но Машигины не забыли этого и теперь перенесли свой гнев на детей покойного».

Теперь нам известно, что «самосуд» над Николаем Егоровичем Машихиным, браконьерствующем в Кроноцком соболином заказнике, а, может быть, общественный приговор, вынесенный и другими камчатскими охотниками, которые свято соблюдали принятые обязательства не нарушать границ заказника и, тем более, не охотиться в этих местах, исполнили четверо — Петр Карякин, Иннокентий Слободчиков, Максим Киренский и Георгий Поротов.

Вообще имя Георгий был родовым именем Поротовых.

Георгием был назван и сын Василия Ивановича Поротова, родившийся в 1889 году. Вероятно, это был самый старший брат Германа Васильевича Поротова, родившегося уже во втором браке (с 1887 года) их отца Василия Ивановича с дочерью николаевского крестьянина-старожила Митрофана Моисеевича Ерофеева (1847) Еленой (1870), в честь которого он назвал и своего старшего сына — Георгия Германовича Поротова, который родился уже в селе Елизово (бывшее село Старый Острог, бывшее с. Завойко) 3 мая 1929 года.

К сожалению, пока у нас нет документальных подтверждений о дате рождения Германа Васильевича и его родителях, поэтому слово «вероятно» в данном случае более чем уместно.

О главных этапах своей жизни Георгий Германович в 1975 году изложил в собственноручно написанной им биографии, хранящейся в Камчатском краевом объединенном музее:

Автобиография Поротова
Георгия Германовича

Родился я 3-го мая 1929 года в с. Елизово Камчатской области в семье рыбака-охотника.

Отец — Поротов Герман Васильевич уроженец с. Николаевка, Камчатской губернии из бедняков.

Три друга, три камчатских богатыря (справа налево) — певец Евгений Филаретович Лонгинов, писатель, поэт, драматург Георгий Германович Поротов, художественный руководитель и режиссер ТЮЗа Евгений Андреевич Егоров

Мать — Поротова /Бобрякова/ Надежда Андреевна уроженка с. Мильково, Мильковской волости, Камчатской губернии. Из крестьян середняков.

В 1930 году семья переехала из с. Елизово в с. Мильково.

С 9 лет пошел в школу. Окончив 7 классов, пошел на работу.

Май 1945 – январь 1946 гг. молотобоец, ученик Мильковской МТС.

Январь 1946 – август 1948 гг. Пом. бухгалтера колхоза им. Сталина с. Мильково.

Август 1948 – август 1949 гг. слушатель одногодичной Благовещенской школы счетоводов г. Благовещенск, Амурской области.

С 1 января 1950 г. – июня 1952 г. Бухгалтер колхоза им. Сталина с. Мильково.

Июль 1952 г. – июль 1953 г. Бухгалтер колхоза им. Сталина Хабаровского района, Хабаровского края.

Август 1953 г. – июль 1957 г. Учащийся Хабаровской краевой культпросветшколы, ЕАО, г. Биробиджан.

Июль 1957 г. – 28 марта 1959 г. Завклубом, худруком, директором районного Дома культуры с. Мильково.

28 марта 1959 г. – 13 марта 1964 г. Директор окружного Дома народного творчества с. Палана Корякского национального округа.

13 марта 1964 г. – 7 марта 1967 г. Зав. отделом культуры Мильковского района.

7 марта 1967 года по настоящее время – старший методист Камчатского областного Дома народного творчества.

Участие в выборных органах.

С. Мильково сельсовет депутат 1950–1952 гг.

С. Мильково РК ВЛКСМ член бюро 1950–1952 гг.

Г. Биробиджан ВЛКСМ член комитета 1953–1954 гг.

Г. Биробиджан секретарь ВЛКСМ культпросветшколы 1954–1956 гг.

Был секретарем парторганизации Мильковского райисполкома, окрисполкома п. Палана.

Награды

Орден Трудового Красного Знамени

Медаль 100-лет В. И. Ленина.

Грамота Президиума Верховного Совета РСФСР.

Лауреат премии комсомола им. В.М. Кручины.

Лауреат двух всероссийских и одного Всесоюзного смотров художественной самодеятельности.

Издано три поэтических сборника.

1965 году в г. Москве издательство «Современник» выпустит новый сборник стихов. Поэм.

Пишу музыку.

Женат. Двое детей.

Домашний адрес: г. Петропавловск-Камчатский, ул. Войцешека, 7-а, кв. 73, тел. 35773

Подпись /Г. Поротов/

17 марта 1975 года

Петропавловск-Камчатский

Ф.Р.- 611, оп. 1, д.56, л. 1-2

Мамой Георгия Германовича Поротова была крестьянка села Мильково Бобрякова Надежда Андреевна.

На Камчатке было два рода крестьян Бобряковых — в Мильково и в Ключах. Возможно, изначально это был один род, который расселили уже на Камчатке по разным местам, когда определяли места поселения для вновь прибывших с материка семей. Кстати, ключевские (в том числе и козыревские) и мильковские крестьяне очень часто состояли в кровном родстве.

В поколенных росписях мильковских крестьян нам встретился только один Андрей Бобряков — Андрей Акиндинович (1870), женатый в 1889 году на своей односельчанке и ровеснице — дочери крестьянина Михайлова Якова Никифоровича (1841) Анне.

Именно в семье Михайловых случилось известное нам перекрестье русской и камчадальской крови — женой Якова Никифоровича была дочь камчадала из села Кирганик Матрона Никифоровна Пермякова (1843).

Отец Матроны — Никифор Стефанович Пермяков (1836–1880) был женат дважды: в 1863 году он женился на своей односельчанке — вдове Чуркиной Марии Лаврентьевне (1831), а в 1878 г. на вдове Лукашевской Улите Тимофеевне (1857) из Ганал.

Матрона Никифоровна в таком случае была сводной сестрой многочисленным Чуркиным, одному из которых — фронтовику Георгию Петровичу Чуркину Георгий Германович Поротов посвятит свое стихотворение «Гоша — связист»

Зловещею тучей закрыт горизонт.
И Гоша-связист попросился на фронт.
Пылится дорога. Мешок за спиной.
За сопками скрылся Кирганик родной.
Дорога связиста – ей нету конца.
Он просит в письме дорогого отца:
«Мне выпала длинная, папа, стезя,
Пришлите покрепче на фронт торбаса».

Он в Польше закончил свой огненный путь.
Награды легли на солдатскую грудь.
Спасенные люди далекой земли
Ему, камчадалу, цветы поднесли
И спели бойцу на родном языке
О польской красавице Висле-реке.
Был солнечный день. Небосвод голубой.
Ту песню-подарок увез он с собой.
Шли годы. О Висле забылось давно.

Девятого мая смотрел он кино.
И снова дорога, и снова бои.
В атаку кидаются парни свои.
Увидел себя он сквозь огненный вал.
Не вынесло сердце, и Гоша упал…
А где-то гремело «ура» вдалеке,
И пели связисты о Висле-реке.

Писатель Г. Поротов, рис. Е.Ф. Лонгинова

Мы познакомились с Георгием Германовичем в начале 1980-х годов, когда я работал корреспондентом газеты «Камчатский комсомолец» и был направлен в командировку в Соболевский и Усть-Большерецкий район, где проходили боевые действия времен Русско-японской войны 1904–1905 гг., а также события 1906 г., в результате которых погибла группа жителей села Воровского и первые представители камчатского рыбнадзора — Максим Иванович Сотников и Македон Александрович Ворошилов, похороненные по традиционному обычаю камчадалов – на месте их гибели на реке Унушка.

Именно в этот период Георгий Германович работал над главным романом своей жизни (к сожалению, так и не оконченном), который он назвал «Камчадалы» — о событиях Русско-японской войны на Камчатке в 1904–1905 гг.

Сегодня мало кто (даже из маститых историков) понимает значение народного ополчения в том, что Камчатка в период той, позорно проигранной царской Россией, Русско-японской войны осталась за Россией.

У японцев был замечательный план. Тридцать лет назад, в 1875 году при обмене Южного Сахалина, который отходил к России, на Курильские острова, жители островов Шумшу и Парамушир, не желая быть в подданстве микадо, перебрались на постоянное место жительства на Камчатку – в села Явино, Голыгино, Кихчик и Коль.

Но, де-юре, согласно российско-японского договора, они оставались подданными микадо.

И через тридцать лет отставной лейтенант японского императорского флота Сечу Гундзи высадил в устье реки Озерной, вблизи села Явино, отряд, сформированный из 150 отставных унтер-офицеров, которые пришли «освобождать» подданных микадо вместе с территорией их нового проживания. Именно поэтому, «ничтоже сумняшеся», Сечу Гундзи приказал прибить в Явино доску с надписью о том, что эта территория «уже принадлежит Японии».

Но японский «блиц-криг» не получился — Сечу Гундзи был взят в плен, десант обстрелян и «купирован» в Озерной, пока не ретировался на Шумшу, а японские браконьерские шхуны, которые, пользуясь военными событиями, обрушились на Камчатку в поисках драгоценного лосося в неисчислимом количестве, были уничтожены народными ополченцами Камчатки вместе с их экипажами.

Народное ополчение в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. — это представительство всех родов Камчатки, выставивших своих сынов для защиты полуострова от врага.

История военных событий на Камчатке в этот период — это совершенно неисследованные страницы героизма и славы Камчатки.

И Георгий Германович по крупицам собирал материал своей книги. Наброски некоторых из глав он читал нам с Владимиром Ивановичем Семеновым, руководившем этой экспедиции по поручению Русского Географического общества, по вечерам, когда мы после завершения экспедиционных дел отдыхали в сельских гостиницах.

Одним из этих набросков был рассказ о том, как в течение более месяца жители Голыгино — старики, женщины и дети — уходили, спасаясь от японцев, по сопкам, бросив свое жилье, скот, имущество на растерзание врагам.

С ними был американец Петр Христенсон, который писал в своем дневнике:

«Я никогда не забуду страдания этих людей, если бы собрать все их слезы, то что они пролили в дороге, можно было бы наполнить большую бочку».

«…за все мои путешествия по разным странам в мире, я первый раз видел такой стойкий народ в голоде и холоде, который всегда готов разделить свой последний кусок провианта…»

И, наконец:

«Христенсон делает последнюю запись: «…Шли сто верст 17 суток».

К сожалению, роман не был окончен. И, словно предчувствуя, что он не успеет его окончить, Георгий Германович, после того, как я начал публиковать свои первые очерки об истории камчатских фамилий, передал мне часть копий документов, которые легли в основу и моего очерка о событиях тех лет, названный «Хроникой неоконченной войны». Позже, работая в Томске, в Центральном государственном архиве Дальнего Востока (до его перевода во Владивосток), мне удалось найти поименный список участников народного ополчения и восстановить их родословную, связав имена этих людей с их нынешними потомками, — то, о чем мечтал Георгий Германович Поротов, воссоздавая историю своего народа и его культуру, -- о преемственности поколений камчадалов.

Трудно сегодня назвать дело, за которое он, если брался, то не доводил бы его до совершенства.

И в то же время был очень скромен и прост.

И вся его жизненная философия, как капля березового сока в солнечных лучах, отразилась в этом небольшом, но очень искреннем стихотворении «Старый домик»:

Слышишь:
Я родился у Авачи
На крутом медвежьем берегу.
Как увижу старый домик – плачу,
А войти в тот домик — не могу.
Мне назад к нему возврата нету…
И шагнул я за его предел,
В дали шел, не просыпал рассветы,
Пел в пути и с песнею седел…
Пусть в том домике осталось лето,
Уступило мудрости зимы…
Старый домик, ты прости за это,
Песню, как признание, возьми.

КОСЫГИНЫ

Косыгины — одна из самых творческих династий Камчатки.

Но начать этот свой рассказ я хочу не с двух особенно дорогих для меня людей — писателя Владимира Владимировича (который дал мне рекомендацию в Союз писателей России) и барда Сергея Михайловича (моего ровесника и большого друга) Косыгиных, о которых знают все на Камчатке.

Сначала мы расскажем о том человеке, жизненный путь которого в перекрестье больших человеческих судеб, свершений, взлетов, творческих побед оказался как бы в их тени и не был должным образом оценен современниками и потомками.

Да и время было такое живое, насыщенное событиями, идеями, делами, что годы пролетали мгновенно: «Как-то не осознавалось, что наши годы подошли к конечной черте… — эти слова можно прочитать на последней странице его книги “Край мой — Камчатка”. — Потеря отца и безрадостное детство, война и голод, музыка и спорт, любовь и дети — все это было, как будто вчера. Молодые и зрелые годы, прошедшие в трудное и счастливое время, не вычеркнешь из жизни, ничего не забудешь. В общем, как мог, так я и жил — со всеми своими печалями и радостями, с верой в хорошее будущее. И считаю, что мне повезло. Не каждому суждено так прожить, как распорядилась мною судьба…»

При рождении он получил странное для нынешнего нашего восприятия имя — Исихей.

Точнее, Исихий. Еще точнее — Исихий Иерусалимский, известный в истории православия как «экзегет, учитель Церкви, проповедник, ученик святителя Григория Богослова», память о котором совершается в Православной церкви 28 марта (10 апреля).

А это был 1929 год — год, еще не затронутый на Камчатке революционными преобразованиями и политическими репрессиями в отношении тех людей, которые по тем или иным причинам были вскоре объявлены «врагами народа».

Косыгины изначально были купцами из старинного сибирского города Киренска. Хотя, безусловно, история этого рода гораздо более древняя. В 1696 году народ Илимска отказал своему воеводе стольнику Б.А. Челищеву во власти и принял решение о передаче управления выборным людям.

В числе этих людей были илимские казаки Игнашка, Алешка, Ивашко Косыгины.

В Дозорной (переписной) книге Илимского острога за 1676 год есть интересная для нашего рассказа запись:

«Илимские ж судовые плотники, которые на Якутцкой обиход суды делают за судовые ж свои хлебные оклады пашни пашут»:

Ромашка Иванов сын Косыгин

Игнашка Романов сын Косыгин.

«…оклад судовым плотникам Илимским же служилым людем по 5 рублев человека».

Отец и сын. А Алешка и Ивашко, в свою очередь, — или братья, или сыновья Игнашки Романова сына Косыгина.

А вот как развиваются дальнейшие события, связанные с переселением в здешние места уже пашенных крестьян и той выгоде, которую извлекали из этого переселения местные власти:

«Есть, правда, один случай, когда крестьянин поехал добровольно; но, в общем, вряд ли кому хотелось сдвигаться с осво-

енного места, бросать хозяйство и менять привычную жизнь на неизвестные перспективы. Зажиточная часть деревни, пользуясь своим влиянием, в ряде случаев добивалась выбора переселенцев из бедноты. Несомненно, что на местах отбор людей для переселения на Аргунь шел по указке богатых крестьян и был использован в личных целях приказчиками и крестьянской администрацией. Об этом говорит дело об отправке в Дауры усольского соловара Степана Карпова. Усть-Кутский приказчик Яков Косыгин вместе с «наборщиком» наметили отправить на Аргунь соловара. Из последующих дел выясняется, что на приказчика был послан «пищиком» донос в Илимск. За соловара, увеличивавшего добычу соли и исправлявшего ошибки его предшественника, вступился воевода ... Приказчик должен был подчиниться, и вместо Карпова на Аргунь был послан из Усолья пашенный крестьянин С. Р. Головин». (В.Н. Шерстобоев, Илимская пашня, т.1, Переселение крестьян на Аргунь».

Усть-Кут, Киренск, Илимск — это, в принципе, один узел.

И вот, как жители Усть-Кута сами оценивали значение этого места в истории освоения Ленского края: «... мы вправе назвать именно зимовье Галкина на устье Куты первым постоянным русским поселением на Лене, а его самого — основателем нашего, самого первого из ныне существующих городов на Лене и во всей Иркутской области. И именно через это поселение шло обеспечение и заселение Якутии. И на судах именно усть-кутских плотников: Нечаевых, Косыгиных, Гиляшевых (Гелишевых), Жернаковых, Лузениных, Бутаковых — шло освоение Лены».

И добавим к этому цитату из той же статьи из местной газеты: «Не вдаваясь в подробности, скажем, что первым на Лену с южной стороны, из Енисейска, в 1629 году прошел отряд во главе с десятником Василием Бугром. Им были построены зимовья на устье Игирмы, с ангарской стороны маршрута — на устье Куты, с ленской стороны, и на самой Лене — в устье Киренги».

И далее: «Найденный Галкиным путь не был меньшим по продолжительности. Решающим стал другой фактор: по Илиму можно было поднять несколько больше груза к новому волоку, чем по Игирме к любому из двух известных. На том месте, откуда двинулся на Лену отряд Галкина, и был впоследствии построен Илимский острог, ставший на долгие годы центром воеводства.

Ленский или Илимский волок до устья р. Муки, потом водой по Купе и Куте в Лену — вот та дорога, которая соединила Русь с Восточной Сибирью, Якутией и Колымой, позволила выйти к морям Северного и Тихого океанов».

Иван Галкин был атаманом енисейских казаков, уроженцем города Березова, откуда и прибыли первостроители Енисейского острога, открывшие впоследствии путь на реку Лену.

Так что путь Косыгиных в город Киренск и превращение их из казаков в местные купцы был типичным для того времени — когда семьи разрастались и часть младших сыновей оказывалась за штатом, числясь в казачьих детях до глубокой старости, многие из этих казачат становились сначала

Владимир Косыгин, рис. Е.Ф. Логинова

торговыми посредниками, а затем, накопив средств, записывались в купцы.

И во второй половине 18-го столетия историки отмечают в Киренске двух братьев, купцов 3-й гильдии Федора и Петра Митрофановичей Косыгиных. Как пишут в Иркипедии (Иркутский исторический портал): «В 1805–1807 Федор Митрофанович объявлял капитал 2030 руб., его брат Петр — 2020 руб. В 1811 обе семьи объявили капитал по 8020 руб. В течение 6 лет (точная дата неизвестна) Федор Митрофанович являлся церковным старостой, в 1807 служил ратманом (ратман — советник в магистрате, в городском правлении.)».

Одни из купцов Косыгиных торговали хлебом. Другие — пушниной.

Камчатский род Косыгиных начинается с сына Петра Митрофановича — Николая Петровича (1801), который в 1820 году поселился в Охотске, затем переселился в Гижигу, а оттуда уже определился с постоянным местом жительства в Петропавловском порту — и в 1855 году киренский мещанин Николай Петрович Косыгин был церковным старостой Камчатского собора.

Любопытно, что примерно в то же время еще два Петровича — Федот и Иван — служат в Тигиле в казачьей команде, став родоначальниками казачьей ветви Косыгиных.

В 1854 году сын Николая Петровича — Петр Николаевич (1834), будучи петропавловским купцом 2-й гильдии, в период обороны Петропавловского порта «охранял собор и церковное имущество, под огнем неприятеля снабжал сражающихся разными припасами». Он был в числе девяти ветеранов Петропавловской обороны, которые были в 1902 году внесены в список кандидатов на пожизненную пенсию. Он, в числе немногих, дожил до пятидесятилетия героической обороны, а в 1907 году был избран старостой города Петропавловска. Летом он проживал на солеварнях, где у него было свое хозяйство, а на зиму возвращался в город. В 1908 году в возрасте 74-х лет он женился в третий раз на сестре казака Юшина из Тигиля. То есть был отменного здоровья.

У Николая Петровича было восемь сыновей, благодаря которым Косыгины были связаны родовыми брачными связями со всей Камчаткой и представляли свой торговый род на востоке и западе, севере и юге полуострова.

Косыгин Петр Николаевич (1836), петропавловский купец 2-й гильдии, Петропавловский порт. Ж. 1? Ж.2? Ж. 3 (с 1908) Юшина Вера Иосифовна (1874), с. Тигиль, дочь казака

Косыгин Константин Николаевич (1839), купеческий сын. Ж.1 Лонгинова Феоктиста

Облуковинское «гнездо» Косыгиных

Братья Косыгины: Валентин Николаевич, Николай Николаевич, Михаил Николаевич, Виталий Николаевич

Алексеевна (1844), с. Палана, дочь священника. Ж. 2 (с 01.09.1889) Колмакова Мария Александровна (1859)

Косыгин Иннокентий Николаевич (1847). Ж. 1 (с 14.04.1876) Попова Александра Ивановна, дочь якутского мещанина Ивана Яковлевича Попова. Ж. 2 (с 1892) Миронова Матрена Софониевна (1874). Ж. 3 (не ранее 1896) Талалаева Матрена Валерьяновна (1877).

Косыгин Николай Николаевич (1851), Петропавловский порт. Ж. Александра Петровна.

Косыгин Александр Николаевич.

Косыгин Василий Николаевич (1858 – 08.11.1909). Ж. Анна Васильевна (1857)

Косыгин Феодосий Николаевич (1859). Ж. (с 20.07.1893) Брагина Мария Ильинична (1861 – 12.10.1894), дочь петропавловского купца 2 гильдии.

Косыгин Мануил Николаевич (1863 – 28.06.1910), с. Облуковино. Ж. Толстихина Анна Иннокентьевна (28.07.1872 – 17.08.1952).

И о судьбе семьи младшего из братьев — Мануила (Эммануила) Николаевича рассказывает его сын Исихей в своей книге «Край мой — Камчатка».

«На севере Соболевского района было такое село — Нижне-Облуковино из 30–40 дворов с населением 150–180 человек. Помимо камчадалов (около 80%) здесь жили русские, украинцы и другие. Многие из них построили свою семейную жизнь с представителями местной коренной национальности.

Раньше жили от села в 20–25 км вверх по реке. Там проходила телеграфная линия Петропавловск – Хайрюзово, были все другие необходимые службы. Но ловить и сдавать лосось, тем самым обеспечивать семью продуктами и другими товарами, было несподручно — нужно быть ближе к морю. Отец мой Николай Мануилович проявил инициативу — построил в 4-х километрах от моря дом с пристройками, перевез семью. И вслед за ним последовали почти все жители верхнего поселка.

Отец и мать — коренные жители, камчадалы: Николай Мануилович свою суженую Агафью Константиновну Ворошилову привез из соседнего села. Потом в этой многодетной семье появился и я. Отец пользовался уважением у односельчан. Когда начали создавать сельские Советы, его избрали председателем. Это было в 30-х годах. Репрессии не обошли Облуковино. В 1938 году отца арестовали и решением тройки УНКВД приговорили к расстрелу, как врага народа. Приговор был приведен в исполнение.

Только в 1993 году постановление тройки было отменено за отсутствием состава преступления, и отец Николай Мануилович был полностью реабилитирован».

Говоря о репрессиях, которые не обошли Облуковино стороной, автор имел в виду так называемое «Тигильское дело» 1931–1932 гг., по массовым расстрельным приговорам которого были уничтожены лучшие сыны Севера Камчатки.

И род Косыгиных, если говорить о нем в целом, эти репрессии стороной не обошли.

Косыгин Варнавий Иванович (1897), с. Тигиль, арестован 8 июня 1934 года, приговорен к 5 годам лишения свободы по статье 58-2 УК РСФСР.

Косыгин Василий Васильевич (1889), с. Облуковино, арестован 29 июля 1931 г., приговорен 7 сентября 1932 года к расстрелу.

Косыгин Василий Иннокентьевич (1897), с. Палана, арестован 6 сентября

1931 г., приговорен к 10 годам лишения свободы, освобожден только в 1952 г.

Косыгин Василий Иннокентьевич (1912), с. Тигиль, арестован 12 апреля 1933 г., из-под стражи освобожден, 16 июня 1933 г.

Косыгин Виктор Иннокентьевич (1911), с. Палана, арестован 6 мая 1934 года, приговорен к 3 годам лишения свободы.

Косыгин Владимир Иннокентьевич (1908), с. Палана, арестован 15 марта 1938 г., освобожден из-под стражи 2 сентября 1939 г.

Косыгин Иван Иннокентьевич (1878), Петропавловск-Камчатский, арестован 6 сентября 1931 г., приговорен к 3 годам лишения свободы.

Косыгин Иннокентий Васильевич (1897), с. Тигиль, арестован 31 июля 1931 года, приговорен к 3 годам лишения свободы.

Косыгин Иннокентий Мануилович (1895), Облуковино, арестован 25 апреля 1934 года, приговорен к 10 годам лишения свободы.

Косыгин Конон Филатович (1898), с. Тигиль, арестован 11 октября 1937 года. Приговор — 10 лет.

Косыгин Константин Константинович (1905), с. Ключи, арестован 6 мая 1934 г., приговорен к 3 годам лишения свободы.

Косыгин Митрофан Мануилович (1899), Облуковино, врестован 9 февраля 1940 года, из-под стражи был освобожден.

Косыгин Михаил Харлампиевич (1906), Петропавловск-Камчатский, арестован 28 сентября 1938 г., приговорен к 6 годам лишения свободы.

Косыгин Николай Васильевич (1891), с. Тигиль, арестован 2 июля 1931 года, приговорен к 3 годам лишения свободы.

Судя по документам, и сам Николай Мануилович (1891) в первый раз был арестован 5 октября 1931 года. Сын об этом не помнит (ему было только два года), потому что отец был тогда осужден (7 сентября 1932 года) «на срок предварительного заключения» и вернулся домой. А повторно он был арестован 10 марта 1938 года и в тот же день «без предъявления обвинения тройкой УНКВД по ДВК приговорен к ВМН (высшей мере наказания). Имущество конфисковано. Расстрелян 22 августа 1938 г.».

Вопрос: как это отразилось на судьбе детей «врагов народа»?

Исихей, сменивший свое православное имя на мирское Михаил, окончив Высшую партийную школу, работал инструктором обкома КПСС, был председателем Алеутского райисполкома. Братья — Валентин, Павел и Константин — были участниками Великой Отечественной войны. Виталий Николаевич Косыгин работал заместителем прокурора Корякского автономного округа.

А вот, что рассказывает Михаил Николаевич о других Косыгиных из Облуковино в книге «Край мой — Камчатка»:

«Пантелей Косыгин, первый секретарь Соболевского райкома комсомола, учился в Хабаровской высшей партийной школе, работал в партийных и советских органах Усть-Камчатского, Елизовского районов;

Геннадий Косыгин, кандидат биологических наук, мастер спорта СССР, двукратный чемпион зоны Сибири и Дальнего Востока;

Виталий Косыгин, заместитель прокурора Корякского автономного округа, завершил свою карьеру на ответственном посту Камчатской областной прокуратуры;

Зотик Косыгин, после окончания совпартшколы в г. Владивостоке работал в аппарате Соболевского и Тигильского райисполкомов...»

А вот самое главное: «Многие в селе играли на музыкальных инструментах, прекрасно пели. И меня с детских лет неудержимо тянуло к музыке. Лет в шесть принимал участие в художественной самодеятельности. Помню, усадили с балалайкой на стул, поддерживая ее, чтобы не упала, пока исполнял

Отец и Сын — Михаил Николаевич и Сергей Михайлович Косыгины

“Коробейники”, ительменскую песню “Желтенький песочек”, плясовую и еще что-то под громкие аплодисменты зала».

А потом Михаил Николаевич стал заведующим сельским клубом и отправился на учебу в Хабаровскую культпросветшколу в г. Биробиджан.

А настоящая творческая карьера началась после распределения на работу в центр Корякского национального округа — в Палану, где Михаил Николаевич Косыгин начинал работать художественным руководителем окружного Дома культуры. Это был тогда… единственный специалист во всем округе. Шел 1955 год.

Тогда же вместе с Татьяной Петровной Лукашкиной (из рода камчадалов Слободчиковых) они создали первый творческий коллектив.

На смотре художественной самодеятельности в области паланцы занимают второе место. Песню о корякском крае, которую исполнял хор, написал Михаил Николаевич.

Затем его назначают директором ОДК, а еще через год — приглашают на работу в окружком комсомола заведующим отделом пропаганды и агитации, а затем, в 1959 году, — заведующим отдела культуры Корякского национального округа.

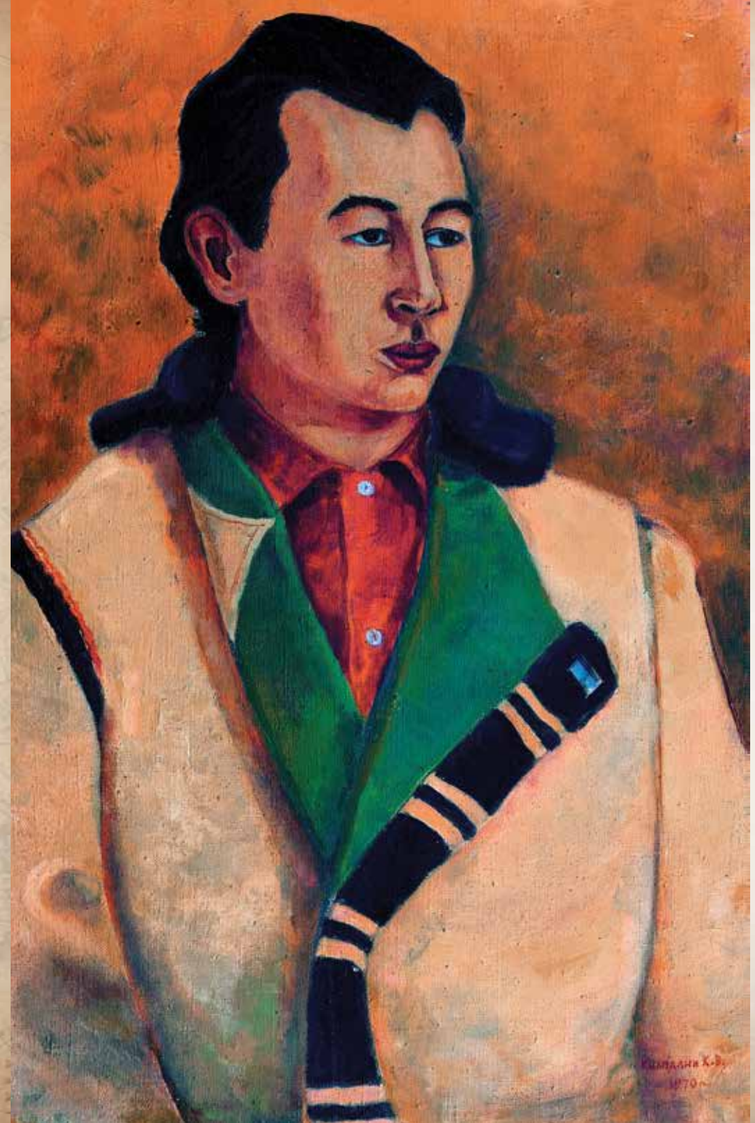
Именно Михаил Николаевич пригласил на работу в Палану директором Дома народного творчества Георгия Германовича Поротова, своего однокашника по культпросветшколе.

Он же занимался массой организационных вопросов по поддержке «Мэнго», когда Александр Гиль только еще создавал этот замечательный коллектив, который нужно было содержать на чьем-то балансе, чтобы сохранить и укрепить первые ростки: «…собирая в окружной центр молодежь из числа коряков, ительменов, эвенов, не был решен вопрос содержания этого зарождающегося коллектива».

«И вот в 1963 году в Хабаровске на зональном смотре художественной самодеятельности с огромным успехом выступает корякский ансамбль, в программе которого корякский балет “Мэнго” и большая концертная программа».

«То, что мы с Базиком Добриевым задумывали еще в Москве, то, что планировали, сбылось. На Чукотке и в Корякском округе созданы профессиональные ансамбли».

С Базиком Добриевым, еще одним своим однокашником, они встретились в столице на двухмесячных курсах руководителей отделами культуры Чукотки, Якутии, Хабаровского края, откуда Михаил Николаевич Косыгин вернулся в Палану, воодушевленный идеей создания профессионального ансамбля, поддержанной, а затем и воплощенной

Владимир Косыгин (Коянто), худ. К.В. Кимпалин

в жизнь его единомышленниками.

«Сколько времени прошло, но и сейчас я горжусь тем, что, как специалист и как руководитель культуры округа стоял у истоков творческого подъема танцевального искусства коряков, ительменов, эвенов, чукчей. Создан всемирно известный ансамбль “Мэнго”, а также множество самодеятельных ансамблей танца, песни, художественного слова в национальных селах округа».

Творческие гены по наследству передались и его сыну — одному из самых известных и ярких камчатских бардов — Сергею Михайловичу Косыгину.

А в истории мировой культуры свой след оставил Владимир Владимирович Косыгин — замечательный поэт, писатель, публицист Корякии, известный под литературным именем Коянто.

Это его стихотворение «Родник» вошло в многотомное собрание сочинений мировой классики, как литературный шедевр:

Родниковой воды
Напьюсь,
Освежу лицо
И грудь.
Если в сердце
Проникнет грусть,
И туда не забуду
Плеснуть.
В роднике
Вода — бирюза,
Как хрусталь —
И звонка и чиста.
Это родины
Милой глаза.
Это матери
Нежной уста.

ГРЕЧЕНИНЫ

Мне посчастливилось познакомиться с Федором Афиногеновичем Гречениным в самые последние годы его жизни. Мы вместе готовили к изданию родословную книгу этой семьи. Года за два до этого свою историю семьи написала младшая сестра Федора Афиногеновича — Лина, назвав книгу «Мы из рода Савинских».

Федор Афиногенович был сильно обижен на сестру. И не только за названием книг, но и за целый ряд деталей в ней, которые не соответствовали действительности — были, если не выдуманы, то искажены до неузнаваемости.

Он недоумевал — зачем выдумывать то, чего не было, когда было столько интересного, но не замеченного, не увиденного, не воспринятого автором?

Глубина этой обиды Федора Афиногеновича открылась мне, когда я впервые прочитал его рассказы, изданные уже после смерти автора отдельной книгой. И одно уже только ее название говорит о многом: «Осени светлая печаль»...

Эта книга о его малой родине, о семье, о близких людях, о природе...

Удивительно теплая, солнечная и очень добрая...

Впрочем, предлагаем и вам очутиться в том чудесном мире, созданном замечательным литературным талантом писателя Федора Афиногеновича Греченина.

ОСЕНИ СВЕТЛАЯ ПЕЧАЛЬ

Недаром день пожилого человека приурочен именно к осенней поре, наверное, еще и потому, что духовная умиротворенность стареющих людей и состояние красоты увядающей осени — это, похоже, и есть два неразрывных между собой понятия, по-своему дополняющие друг друга.

«Осени светлая печаль» — так называется стихотворение, сочиненное братом моим Леонардом, страстным любителем природы, камчатской осени и охоты.

Ах ты, осень! На
душу бальзамом
Ты в лукошко льешь свои дары,
А в озера с бесконечным гамом
Утки прилетают до поры.
Чтоб потом, по-
чуя снег и стужу,
Скопом всем под-
няться на крыло
И... на юг!
Им проводник не нужен,
Коль движенье смысл
приобрело.
Что сулит мне этот день охоты?
Знаю наперед: бла-
женство день!
Музыку утиного полета!
И природы трепетную звень!
Ты послушай... как
поет речушка,
В перекатах камни заласкав.
Добрая и верная подружка
Лишь тому, кто встре-
чи с ней искал.
Покуда с ней не встре-
чусь снова,
Пока ее не обниму
И не замечу в ней обновы, —

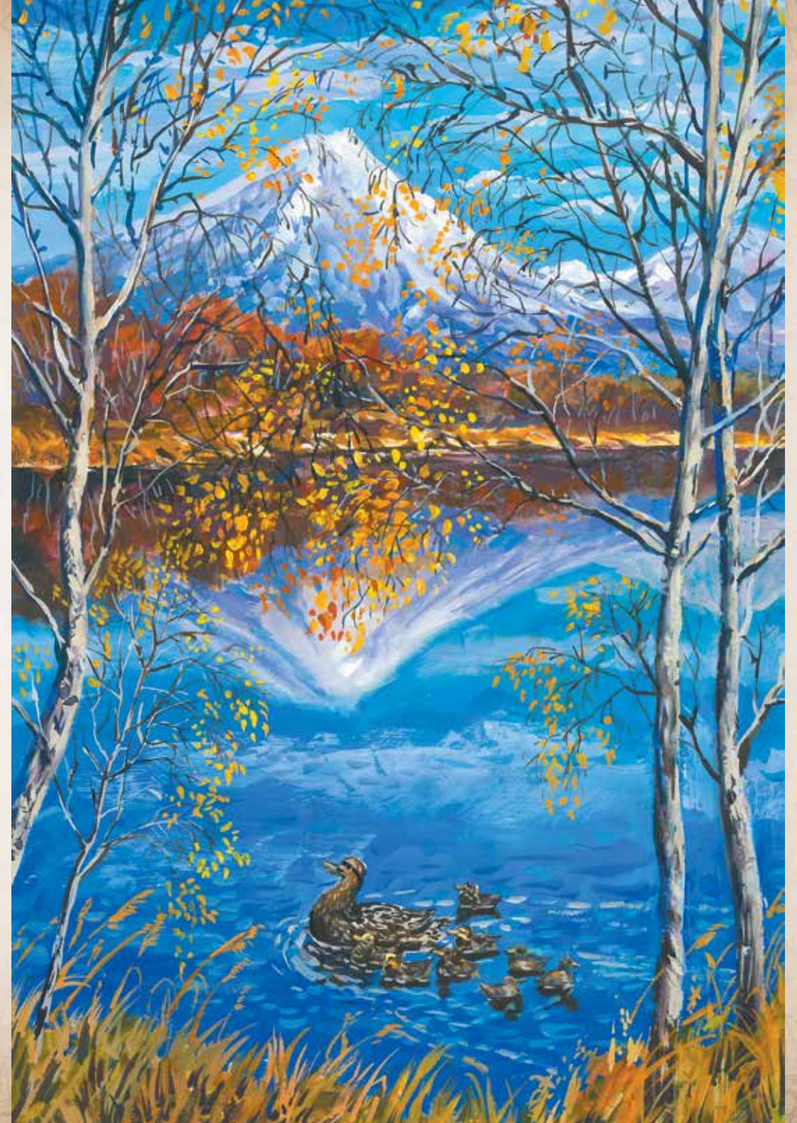

Федор Афиногенович Греченин

Причины грусти не пойму.

Ах ты, осень! Желтым покрывалом
Землю неостывшую покроет,
И потянут гуси караваном,
Оглашая грустью все земное…

И то сказать: на нашу богатую, нарядную, теплую долгую елизовскую осень смотреть — не насмотреться! Никуда и ехать-то не надо — все перед нами, все рядом: и лес, и горы, и реки и вечные спутники наши вулканы-великаны, без которых немыслим ни один пейзаж. Даже простые полянки в березовом лесу, и те преобразились осенью: сделались просторными и яркими от пламенеющих огнем гроздей рябины. А к позолоченным березкам непременно прикоснуться хочется, обнять их, беленьких, излучающих в награду нам тихий и ровный свет. И не дай Бог пропустить, не угадать тот волнующий момент, когда однажды от ветра порывистого вдруг посыплются густо золотые березовые листочки. Вот уж действительно «очей очарованье»! Как в сказочной прощальной круговерти закружатся они в небесной синеве… в последний раз, призывая, наверное, и нас, случайных зрителей, проникнуться их светлой печалью, послушать и себя — так ли живем? Сердце свое послушать, душу разбередить сладкими воспоминаниями родных ли мест с ромашковой полянкой у реки, далекого ли детства, пусть голодного и холодного, но все же запомнившегося нам как самое счастливое, самое прекрасное время!

Осени светлая печаль,
худ. И.А. Пискунов

Один из ярких эпизодов детства вспоминаю и я, когда малолетним пацаном однажды совершенно случайно очутился в сельском клубе… на танцах, как таращился во все глаза на движущиеся по кругу пары, как по-детски изумлялся единению красивой музыки и красивых движений принаряженных людей, и сердчишко мое захлестывалось от восторга! Как снег на голову, окунулся я в новый, интересный мир, где, оказывается, может светлеть и удивляться душа, где можно напрочь забыть о том, что где-то далеко-далеко от камчатского села идет война, гибнут люди, рвутся снаряды под Москвой.

А оркестранты? Вот они рядом, полукругом сидящие, еле одетые, а, может, и голодные: комиссованный с фронта одноногий солдат, старики и совсем молоденькие ребята. Склонились над старенькими инструментами: гитарами, мандолинами, балалайками, гармошкой и, как мне казалось, с яростью извлекали из них изумительную музыку… бальных танцев — танго, вальсов, фокстротов и еще каких-то танцев со странными названиями: «Ту степ», «Паде-спань», «Краковяк»… Пронеслось время, и только через четыре года, весной 1945-го, настал-таки мой звездный час! В новых, наутюженных штанах из ленд-лизовского американского демиса, явился я на бал, приуроченный ко дню Победы! Этот был праздник!!! И невозможно, я думаю, простыми словами выразить состояние радости и торжества, когда я сам по-настоящему танцевал свой первый вальс под названием «Неаполитанские ночи», как в эйфории, невольно прижимал к себе пухленькую девчоночку из параллельного 8-го класса… Как сейчас вижу ее смущенную, раскрасневшуюся, в ситцевом синеньком платьице с белым бантом на груди…

Интересный факт: со временем стираются из памяти даже самые значимые события, а вот поди ж ты! Тот пятиминутный старинный вальс со всеми подробностями врезался в память навсегда, навечно! И еще: заметил я, что подобные яркие моменты вспоминаются не весной, не летом, а чаще всего именно в пору осеннюю… Ах ты, осень.

* * *

Если человек талантлив, то это проявляется во всем.

Федор Афиногенович был и замечательным фотохудожником.

У него были и «золотые» руки — на память о себе он оставил в нашем просветительском центре «Страна рыбы и рыбоедов» макет нижнекамчатскойлй собачьей нарты и свою родовую «Заимку».

Лина Афиногеновна Карташева (Греченина) не случайно отдала дань предпочтения в своей родовой линии казакам Савинским — Давид Федорович Савинский, участник обороны Петропавловского порта, был в свое время и начальником Камчатской казачьей команды, человеком заслуженным и авторитетным.

Но история рода Гречениных не менее интересна для потомков. И я позволю себе повторить то, что писал для книги Федора Афиногеновича в своем послесловии:

«Я – камчадал закоренелый…»

Федор Афиногенович Греченин родился в 1930 году в Нижнекамчатске (некогда бывшего столицей Камчатки), и, конечно же, по всем статьям является коренным камчадалом, и строки из знаменитого стихотворения Георгия Германовича Поротова относятся именно к нему. Напомним:

Я —
Камчадал закоренелый,
К дорогам торным так и не привык,
И мой таганчик обгорелый
Стоит среди нетоптанной травы.
Когда-нибудь Мелькнет моя зарница,
Здесь кто-нибудь причалит свой ковчег.
Увидит таганок и удивится: —
Тут был Огонь и Человек!

Когда я начал читать рассказы Федора Афиногеновича (а они совсем крошечные), то изумился той человечности и тому духовному теплу, которые наполняют и согревают все его произведения. Я поразился литературному слогу — насколько точны и выразительны и слова, и образы. И, конечно же, я очень и очень заинтересовался историей его рода, чтобы понять истоки этого дарования. Ведь ничего не бывает случайного в нашей жизни… И оказалось, что сама фамилия хранила главную тайну этого рода — его предками были жители Эллады, древней Греции. Православные греки испокон веков состояли на службе у русских царей. Но история томской диаспоры Гречениных (Гречаниновых), которые были сосланы в Сибирь, несколько отличается от общей традиции. Первым в Томск прибыл Христофор Тонгайлов (Тогкаглов), уроженец Константинополя, который сдался русским под Смоленском во время боевых действий, а потом попытался совершить обратное, и поэтому «закованным в колоды и в сопровождении семьи — сына Мануила Христофорова Греченинова и дочерей Марии и Анны» он был сослан в Томск, куда был доставлен 22 сентября 1635 года. Двое других, называвшихся дядей и племянником, что вполне вероятно соответствовало действительности, так как они были неразлучны на протяжении многих лет, прибыли позже — в 1643 году. Старший из них — оставшийся в истории Сибири как Юрий Трапезунский (Трапизовский, Трапезанский, Драбызонский) — прошел «через огонь, воду и медные трубы», втянув затем в свои авантюрные дела и племянника Мануила Константинова, который станет патриархом рода томских (впоследствии иркутских и камчатских) Гречениных. Но все по порядку.

«Юрий Иванов, родом греченин Трапизона города», — сообщают архивные документы. А далее информация только из уст самого Юрия, которая была зафиксирована дьяками и сохранилась до нашего времени.

Историки, попытавшиеся извлечь некое подобие правды из этих рассказов, пришли к следующим выводам: Юрий Трапезундский «изначально входил в военную охрану купеческих кораблей». Ему не повезло — судно, перевозившее зерно в Стамбул, было захвачено алжирскими пиратами: «на море погромили турские люди и многих гречан побили, а ево взяли жива и свезли в турский город Алзер».

Юрий был продан в рабство и попал гребцом на галеры: «…был де он в неволе у турских людей с полтретья годы, в неволи будучи, был он у турских людей на катарге с ыными полоняники».

У берегов Испании рабы подняли бунт: «…и те де турские люди поуснули и оне де неволники тех турских людей всех побили».

А затем возникает полная неясность — каким-то образом Юрий Трапезунский перемещается в Великобританию, где знакомится с еще двумя потомками Палеологов — двоюродными братьями Иваном и Дмитрием, получившими позже в России фамилию Альбертусов-Далмацких.

Они и определили его дальнейший путь в Россию, куда он прибывает 8 августа 1627 год в Архангелогородский порт, чтобы «служить государю верою и правдою, слыша к иноземцем царьское жалованье и неизреченную милость».

Царь свою часть обещанного исполнил: «греченя и турский полоняник» был верстан в поместно денежный оклад в 250 чети и 12 рублей. При этом поденный корм его составлял по какой-то необъяснимой причине 10 алтын в день. Как пишет Т. Опарина: «Ю. Трапезундский оказался самым высокооплачиваемым участником «греческой роты». В Москве он женился.

В 1628 году в Москву прибыли Альбертусы, которые были обласканы русским царем.

И примерно в это же время Юрий Трапезундский находит своего родственника Мануила Константинова, который был захвачен донскими казаками во время крупного морского похода в 1625 году. Так как Мануилов отец в это время был «в турках, в басурманах», то донцы, похитив турецкого мальчика, продали его в рабство на воронежском рынке.

Так Мануил оказался в российской столице, будучи купленным ювелиром мастеровых палат англичанином Яковом Гаст, от которого он бежал, вспомнив о своих православных греческих корнях. Сам патриарх Филарет совершил таинство и Мануил, став православным, обрел духовную свободу. Духовный глава греческого землячества в России келарь Новоспаского монастыря Иоанникий «обратился к патриарху Филарету с прошением о предоставлении личной свободы М. Константинову».

Такая свобода ему была предоставлена, и он был определен в рядовые Иноземского приказа. «20 октября 1628 года администрация Иноземского приказа вынесла решение о наделении М. Константинова поместным окладом в 250 чети, денежным — в 13 рублей. Поденный корм составил восемь денег в день».

На свою будущую беду он встретился здесь со своим дядей Юрием Ивановичем Трапезундским.

Из греков была сформирована в 1630 году отдельная «греческая рота», а 9 августа 1632 года рота выступила в поход в составе Большого полка Михаила Шеина и Артемия Измайлова.

Боевые действия рота начала под Дорогобужем, где наши герои неожиданно… исчезли, изменив царю и став перебежчиками-информаторами польского командования. Юрия Трапезундского принял сначала князь Степан Массальский, потом гетман Лев Сапега и, наконец, наследник польской короны Владислав. Он был участником церемонии погребения короля Сигизмунда III и коронации Владислава IV…

А потом оба дезертира вдруг решают вернуться в Россию. Скорее всего, решал Юрий — у него в Устюге в ссылке находилась семья, наказанная за его измену.

И вот, что удивительно и необъяснимо до сих пор: «В делопроизводственной документации было зафиксировано, что его прислал к царю Михаилу Федоровичу «голанской князь голанских немец».

«И по государеву указу велено им государева служба служить и государева жалованья кормовые деньги давати по-прежнему в Ыноземском приказе с ыноземцы вместе».

Мало того — в будущем, вплоть до 1642, рокового для обоих, года он возглавлял греческую роту в чине ротмистра, «его поместный и денежный оклады составляли уже 400 чети и 30 рублей, ежемесячное кормовое жалованье — 10 рублей».

По-прежнему принадлежа к клану князей Альбертусов-Далмацких, Юрий и Мануил не могли не быть втянуты в конфликт этой семьи с другой влиятельной фамилией из Османской империи — Алибеевых-Макидонских. Конфликт закончился поножовщиной — в присутствии Мануила Дмитрий Альбертус попытался убить Федора Алибе-

Афиноген Васильевич и Екатерина Федоровна (в девичестве Савинская) Греченины

ева, которого заслонил своим телом холоп, получивший при этом пять ножевых ран и скончавшийся на месте.

Началось следствие… Ниточки потянулись к прошлому…

И уже ротмистра Трапезундского обвинили в государственной измене: «А тот… изменник рохмистр Юрья Тропизонской… ведомой вор и крестопреступник, под Смоленском сперва государю изменил и переехал к литовским людям, весть подал, и, быв в Литве, опять переехал к государю, а сказал, будто ево взяли в языкех. И про ево воровство и про измену сыскано. И по сыску сослан он, Юрьи, в Сибирь».

Туда же, в Томский город, был сослан и Мануил Константинов, где уже пребывали в ссылке греки Тонгайловы, одна из дочерей которого стала женой Мануила Константинова Греченина (Гречанинова). Восемь их сыновей были будущим ядром «боярских детей» Томска, купцов и рудознатцев.

* * *

Появления томичей Гречениных в Иркутске связано уже с их предпринимательской деятельностью: «…16 июля 1727 года был указ императрицы Екатерины I … о запрещении торговать вином в близости от китайской границы и изготовлять его частным лицам, кроме двух казенных (государственных) заводов — Иркутского и Нерчинского. И по этому указу от 1727 года, было приказано сломать кабаки в Староселенгинске Ивана Протопопова и Максима Лебедева, в Итанце кабак Ивана Пивоварова, в Ильинке — Егора Меземцова, в Байкало-Кударе — Ивана Греченина…»

А вот и подробности из Иркипедии: «Греченин Иван (1699–1757) — иркутский купец 1740–1750-х. Женат на дочери иркутского сына боярского; дети: Михайло (р. 1730), Афанасий (р. 1737, в 1759 взят в рекруты), Егор (1743—1744), Алексей (р. 1747), Иван (р. 1749). Сестры Ивана — Екатерина (р. 1728, замужем за иркутским казаком), Татьяна (р. 740, замужем за дьячком)».

А в начале XIX века иркутянин Иван Афанасьевич Греченин (1768 года рождения) появляется на Камчатке в Нижнекамчатском остроге.

В 1854 году его сын Захар Иванович Греченин в ответ на призыв губернатора Камчатской области генерал-майора В.С. Завойко прибыл в Петропавловский порт для участии в его обороне, в память об этом он был награжден памятной бронзовой медалью на Андреевской ленте, специально выпущенной для участников Крымской войны 1853–1856 гг.

А за участие в обороне Камчатки от японцев в 1904–1905 гг. его внук, староста села Нижнекамчатск, Захар Петрович Греченин, был награжден серебряной медалью «За усердие».

Захар Иванович приходится Федору Афиногеновичу Греченину прапрадедом, пращуром.

Его прабабушкой была Пелагея Семеновна Сновидова — потомок ссыльного, участника дворцового заговора во времена императрицы Елизаветы Петровны Ивана Кириаковича Сновидова.

А бабушкой и матерью — Анна Александровна и Екатерина Федоровна Савинские из дворянского рода Савинских, прибывших на Камчатку по службе также из Иркутска и осевших здесь на века. Так что совершенно не случайно открылся в Федоре Афиногеновиче Греченине удивительный дар не только видеть мир в его разноцветье, но и передавать эту волшебную красоту людям…

ВИНОКУРОВЫ

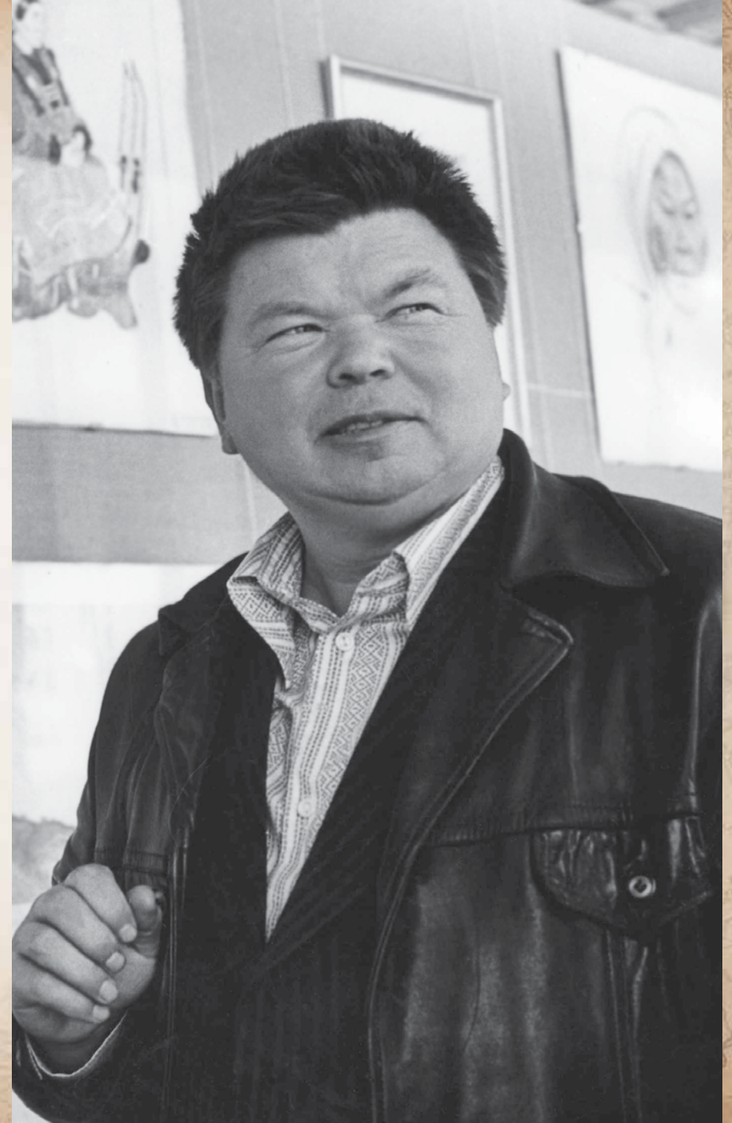
Камчатская история рода Винокуровых напрямую связана с историей полка Сомова, расквартированного на Камчатке в 1799–1813 годах.

Если очень кратко, то история такова: «Павел I, получив записку от Иркутского губернатора Людвига Нагеля, датированную 11 августа 1798 г. о том, что полуостров Камчатка по своему положению удален от ма-

Винокуров Я.М, род 1899 г., в с. Завойко. Репрессирован, арестован 07.01.38 г, расстрелян 15.05.1938. Место захоронения неизвестно

терика, и что в случае нужды неоткуда ждать помощи, то необходимо быть особому военному начальнику, который бы заведовал и гражданской частью. В связи с этим Павел I издает Указ от 3 октября 1798 г. о том, что быть батальону полковника Сомова полка, которому предписывалось расположиться в Камчатке и состоять шефской роте в Нижнем Камчатске и по одной роте при штабе офицера в Большерецке и в Петропавловской гавани. И 19 сентября 1801 года выходит Именной Высочайший Указ Иркутскому военному губернатору об учреждении гарнизонного Камчатского полка. Сомов, получив предписание о приведении в исполнение Высочайшей воли, 26 мая 1802 г. писал: “Шефу полка со своим штабом находиться в Верхнекамчатске, как центре расположения войск, с тем, чтобы и гренадерская, и моего имени рота поселилась близ Верхнекамчатска. Большерецкий гарнизон перевести к устью р. Камчатки для содержания там караулов. По сему расположению уповаю я, что здешния войска в полном довольствии, и гарнизон

Анатолий Федорович Винокуров

будет в исправности и готовности к отражению неприятельского нападения”. В другом же рапорте от 5 августа 1802 г. доносил Государю, что он уже приступил к постройке необходимых зданий в предположенных им к заселению местах и подготовлению земли к хлебопашеству. В конце 1802 года Сомов подал прошение о выезде из Камчатки по слабости здоровья. Просьба его была уважена, и он покинул Камчатку. В течение трех лет солдаты построили несколько изб. С прибытием батальона в Камчатку нижние чины бросили казенное обмундирование и завели себе туземную одежду из звериных шкур, соответствующую климату. В 1810 г. команда камчатская состояла из 18 офицеров, 415 нижних чинов и 305 кантонистов. В 1813 г. батальон был расформирован. К этому время состояло в Камчатке: солдат 591, кантонистов 160, казаков 346, упраздненных команд нижних чинов 27, на инвалидном содержании 22, артиллеристов 42. Солдатам было предложено остаться на поселении в Камчатке, и тем, которые согласятся, раздать казенный скот и семенной хлеб. Остаться на поселении согласились 50 человек. Часть солдат поступила на формирование Петропавловской морской роты, несколько человек зачислено в казачью команду, а ... 130 человек были отправлены в Иркутск».

Кому интересны подробности — отсылаю к своей книге «Встречь солнцу».

В числе тех, кто остался на Камчатке был и бывший рядовой этого гарнизонного батальона Иван Винокуров.

Но прежде, чем продолжить камчатскую историю Винокуровых, мы сделаем небольшой экскурс в историю Сибири.

В 18-м столетии основной состав сибирских военных полков состоял из казачьих детей.

Не был исключением и Иркутский гарнизонный батальон, из которого был сформирован именной полк генерал-майора Сомова, в который набирались казачьи дети из Нерчинска, Селенгинска, Братска и самого Иркутска.

Основной кадровый состав последних формировался из енисейских казаков, так как Енисейск был столицей этого края.

А вот, что касается Нерчинска, то его «кадровая история» несколько иная — первопоселенцев Нерчинска привел сюда первый воевода Даурского воеводства Афанасий Пашков. Состав его казачьего воинства был разнородным — полк был собран из представителей самых крупных сибирских городов. Но основным ядром полка были тобольские казаки.

А Винокуровы, судя по их родовой фамилии, прежде были посадскими людь-

ми, занимавшимися винокурением, но в начале 1660-х годов эта фамилия появляется в казачьих именных списках Тобольска — пешие казаки Офонка, Микифорка и Васка Винокуровы. В 1696 году Федька и Сафронка Винокуровы служат в стрельцах. В 1705 году Дмитрий Винокуров, бывший казак новокрещенного списка (а это уже привилегированная казачья сотня, существовавшая только в Тобольске), записан в солдаты вместе со многими другими тобольскими казаками, которые по приказу Петра I были разосланы по различным полкам, компенсируя воинские потери, образовавшиеся в результате петровских войн.

И, как известно из истории сибирского казачества, тобольские казаки в 18-м столетии регулярно несли так называемую «годовалую» (которая иногда могла продолжаться десятилетиями, а то становиться и «вечной) службу в командировках на дальних окраинах империи.

В 1677 году в Илимском остроге в составе одного из самых важных подразделений казачества — в плотниках-судостроителях — мы находим в Окладной книге служилых людей такую запись:

«оклад судовым плотником Илимским же служилым людем по 5 рублев человека… Тимошка Васильев сын Винокуров».

В 1706 году казака Саву Винокурова мы обнаруживаем в списках третьей пятидесятни Якутского казачьего полка.

А в переписи 1762 года в Иркутске отмечено трое Винокуровых.

И это не может быть случайным фактом: в то время количество населения Сибири было еще настолько малочисленным, что каждый человек был здесь на учете и помнил о своих родовых корнях. Поэтому родовая связь иркутских и тобольских Винокуровых вполне вероятна. Тем более, что Якутский пехотный полк, расквартированный в 1727 году по селенгинской границе в Забайкалье, первоначально формировался в Тобольске и назывался Тобольским пехотным полком. А потом, вместе с забайкальскими казачьими детьми, этот полк пополнялся за счет… детей старослужащих солдат.

Давайте вспомним, что в те далекие времена солдаты служили по 25 лет и нередко на службе обзаводились семьями.

Не был исключением и рядовой Сомовского полка Иван Винокуров, который прибыл на Камчатку вместе со своей семьей – еще в Иркутске у него в 1792 году родился сын Григорий, а уже второй сын — Яков – родился в Петропавловском порту в 1808 году.

В 1820 году Яков внесен в отдельный список «солдатских детей», которые остались сиротами.

А.Ф. Винокуров, рис. Е.Ф. Логинова

На Камчатке и у Григория, и у Якова, который служил в 46-м Камчатском флотском экипаже маячником, были семьи.

Яков Иванович в 1855 году вместе со всем гарнизоном Петропавловского порта был переведен на службу в Николаевск-на-Амуре. И следы его потомков остались где-то там — в Приамурье или в Приморье, на берегу Восточного моря, где оседали вышедшие в отставку матросы 27-го Амурского флотского экипажа (бывшего 47-го Камчатского).

А семья Григория Ивановича осталась на Камчатке.

Причина, по которой Винокуровы, служившие прежде в Петропавловске, переселились на постоянное место жительства в Старый Острог, самая житейская: они породнились с Машихиными, которые и основали этот Старый Острог. Агриппина Григорьевна Винокурова стала женой Степана Ивановича Машихина.

А далее многочисленное семейство Григория Ивано-

Портрет оленевода, худ. А.Ф. Винокуров. КОКМ ОФ

вича через семейные узы расширяло географические просторы своего камчатского рода: Михаил Григорьевич Винокуров женился на дочери унтер-офицера Юлии Георгиевне Мутовиной; Параскева Григорьевна стала женой казака из Сероглазки Никодима Федоровича Попова; Ипатий Николаевич Винокуров женился на дочери мильковского крестьянина Елене Петровне Бобряковой; Агафья Николаевна Винокурова вышла замуж за казака Николая Ильича Селиванова; Федор Михайлович женился на Бибиковой Александре Матвеевне из села Авача; Анна Михайловна стала Мурашовой, а Ирина Михайловна — Сметаниной…

Федор Федорович Винокуров, сын Федора Михайловича, внук Михаила Григорьевича, правнук Григория Ивановича женился на дочери крестьянина из села Николаевка Елене Матвеевне Шелковниковой.

Их сыном был Анатолий Федорович Винокуров — один из самых талантливых художников коренной Камчатки.

Его официальная биография очень короткая:

«Родился 15 апреля 1933 года в городе Елизово Камчатской области.

Окончил Владивостокское художественное училище (1958), затем Московский государственный художественный институт имени В.И. Сурикова (1964).

А. Винокуров был участником художественных выставок со студенческих лет.

В 1964 году А. Ф. Винокуров был принят в члены Союза художников СССР. Он был первым профессиональным художником Камчатки.

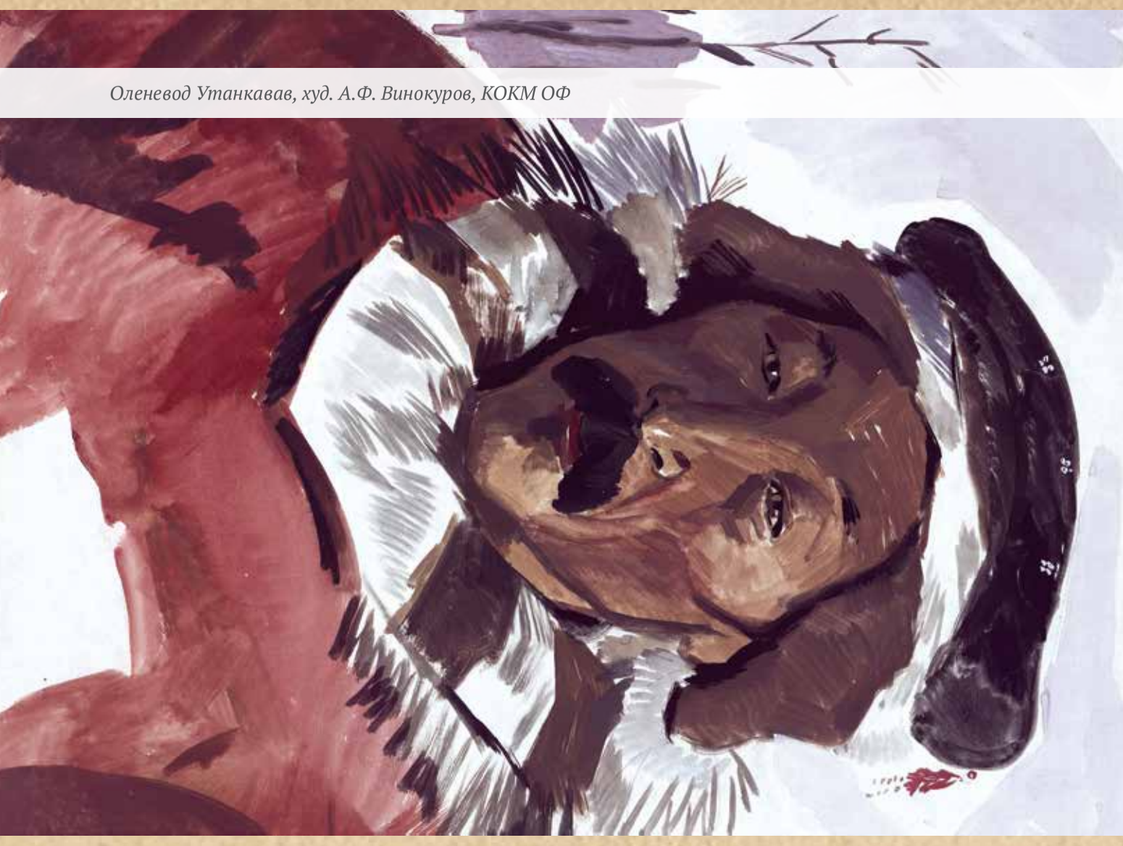
Был делегатом III съезда Союза художников РСФСР (1972), IV съезда Союза художников СССР (1973), членом правления Союза художников СССР (1973), принимал участие в работе V съезда художников СССР (1977). Вел большую общественную работу по эстетическому воспитанию населения.

В своем творчестве художник разрабатывал несколько тем: военно-патриотическую, Севера и Камчатки. Он создал большую графическую серию “Люди Севера”.

Произведения художника находятся в Камчатском областном краеведческом музее, Камчатском областном художественном музее, Корякском окружном краеведческом музее, закупались Министерством культуры РФ».

Он рано ушел из жизни — 26 августа 1982 года.

Но оставил о себе огромную память в своих замечательных картинах, рисунках, дружеских шаржах…

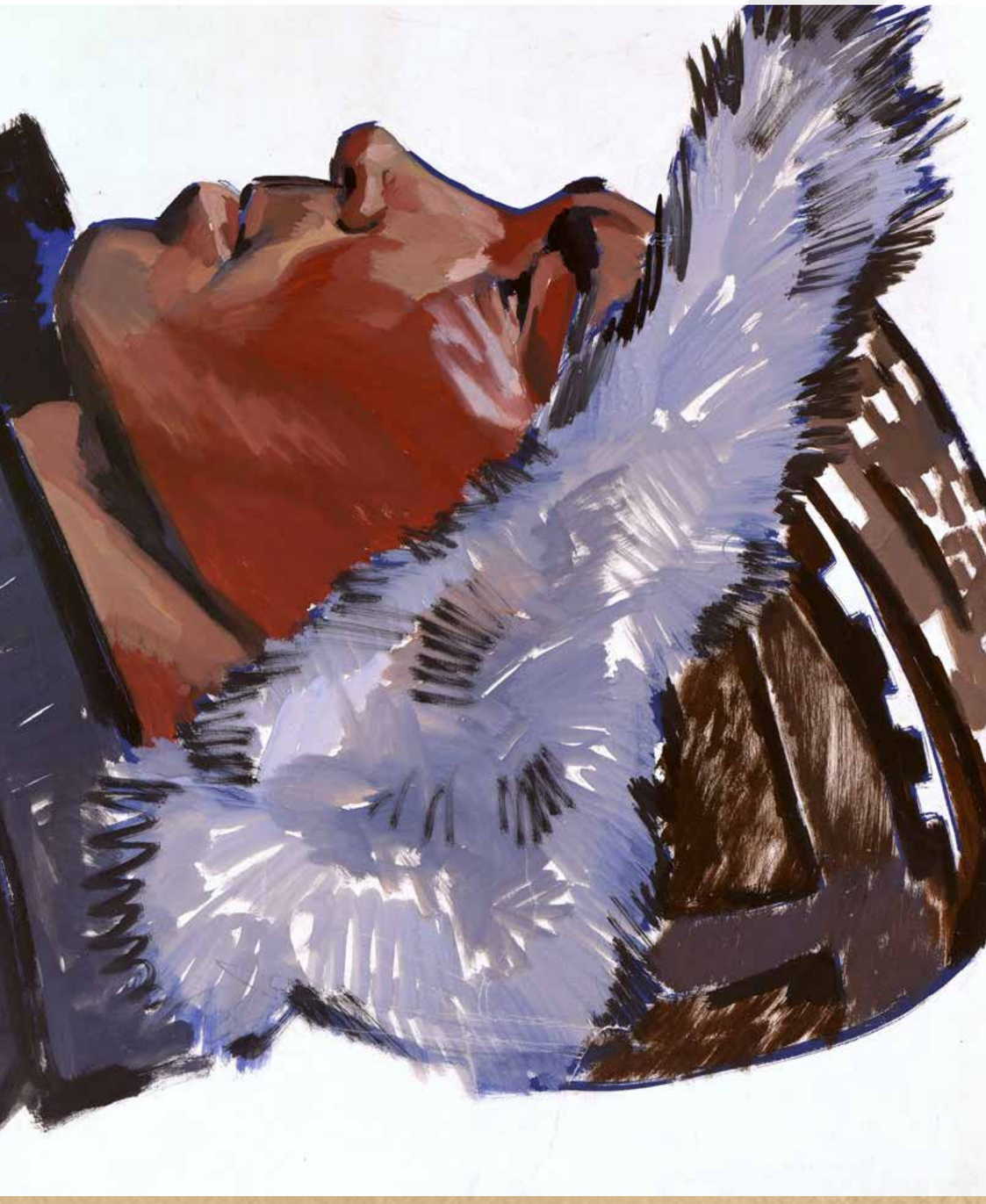
Оленевод Утанкавав, худ. А.Ф. Винокуров, КОКМ ОФ

Коптильщик рыбы, худ. А.Ф. Винокуров, 1978 ККМГИ

Коптильщик рыбы, худ. А.Ф. Винокуров, 1978 г. ККМГИ

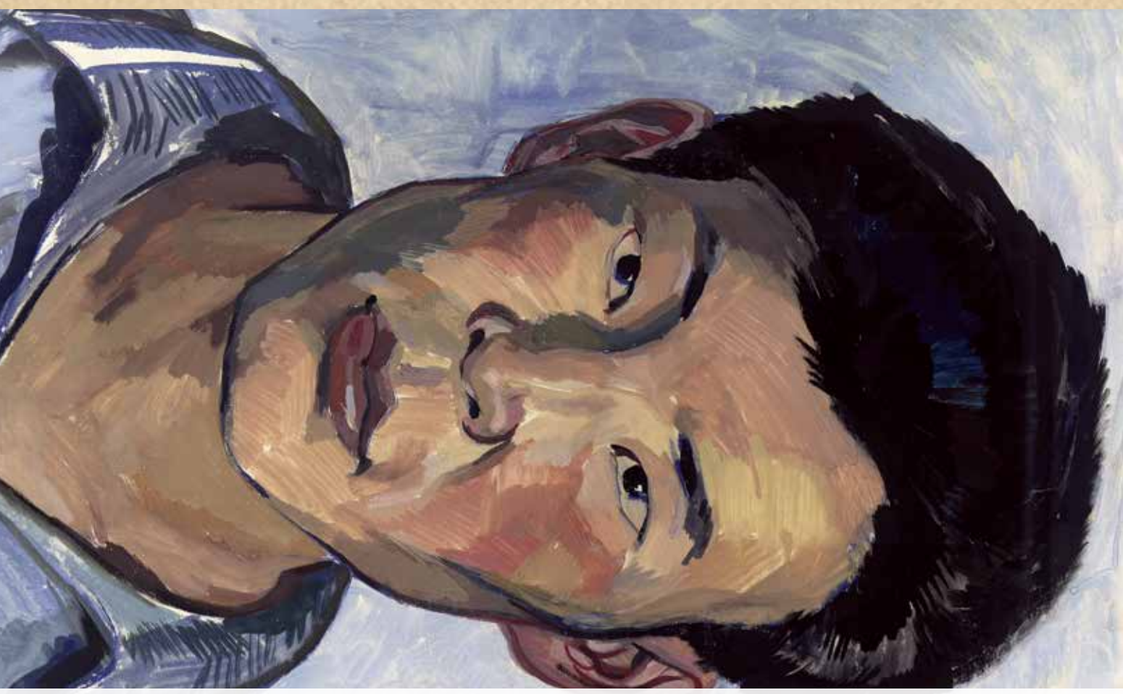

Солист ансамбля Мэнго И. Жуков, худ. А.Ф. Винокуров, ККМГИ

Молодой оленевод, худ. А.Ф. Винокуров, 1970-е КОКМ ОФ

Оленевод, худ. А.Ф. Винокуров, ККМГИ

Сергей Иванович ВАХРИН

Камчатка – Россия – Мир

325 лет вместе с Россией

Верстка, дизайн Е.Ю. Дорт-Гольца
в оформлении обложки использовались работы А.Ф. Винокурова

Подписано в печать 23.03.2021. Формат 84×108/16.
Бумага мелованная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 28,14. Тираж 300 экз. Заказ № КПОО–003070.

КРОФ «Сохраним лососей ВМЕСТЕ!»

Отпечатано в ООО «Камчатпресс».
683017, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Кроноцкая, д. 12а.
www.kamchatpress.ru